

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-09-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-09-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович — доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович — доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович — доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович — доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович — доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры экологической безопасности технических систем, Московский политехнический университет., 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Кomi научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич — доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) — доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сценди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чиковачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопал Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна — доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanova@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shorty@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jylarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрация ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН, заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музеиных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, yavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, p.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42
zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich — Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Environmental Safety of Technical Systems, Moscow Polytechnic University, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board

of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scandi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstraße 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines
Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanova@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, eiarinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in

the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq.

243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov
Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture
and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab.
Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciarctic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the
Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str.,
66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management
(branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035,
Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031,
Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor
of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza,
99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher,
Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance,
53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

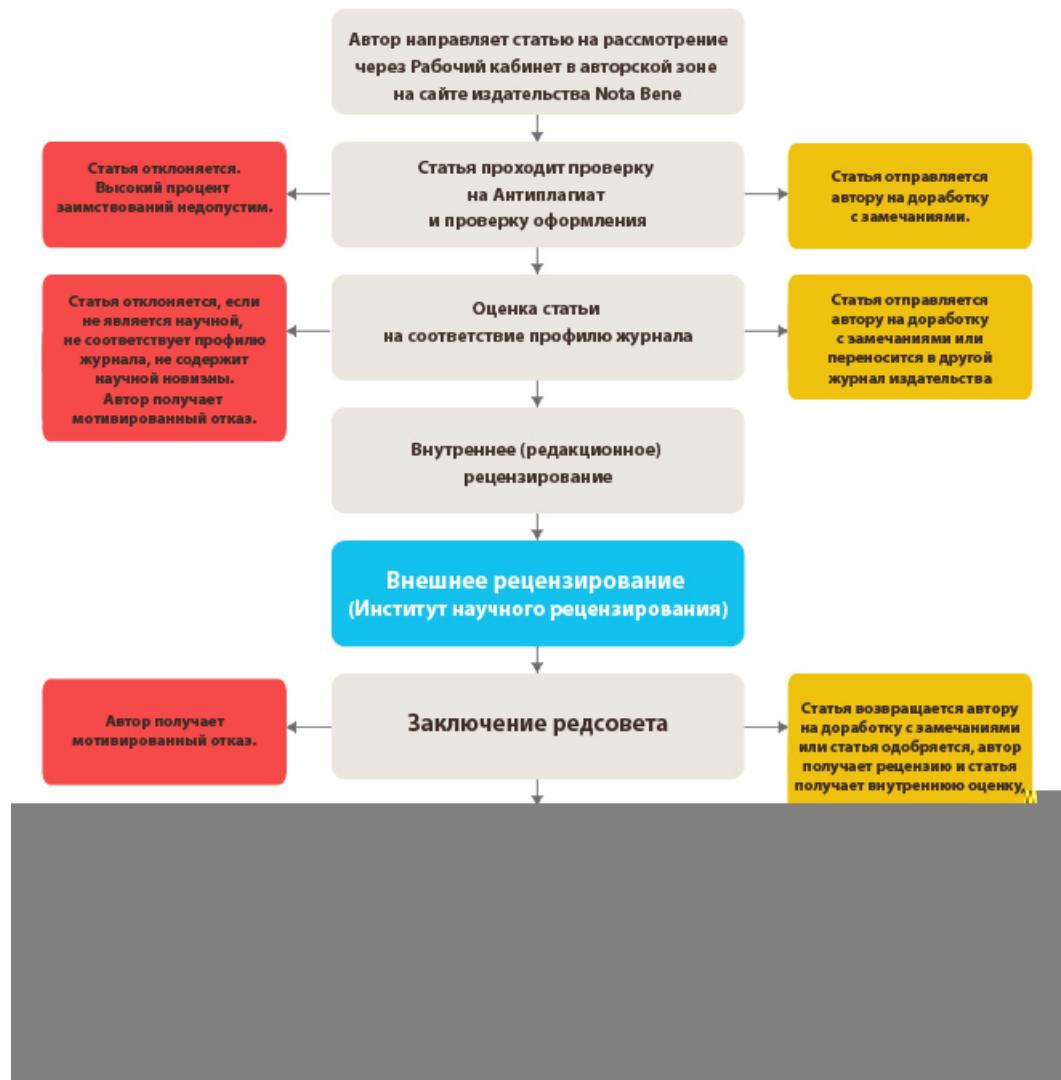
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Саяпин В.О. Диалектика закрытости и открытости у Лумана: контраст с процессуальностью Симондона и плоской онтологией Латура	1
Саяпин В.О. От диалектики материи к процессам индивидуации: сравнительный анализ онтологий Фридриха Энгельса и Жильбера Симондона	22
Маркова Е.В. Коммуникативный подход в философии библиотеки как социального института	44
Егоров С.Ю. Специфика (не)намеренных искажений при трансфере политических языков из англоязычных дискуссий в Россию (на примере Лозаннского Соглашения)	63
Желтикова И.В., Петрова Р.А. Психологический механизм формирования образа будущего	74
Англоязычные метаданные	93

Contents

Sayapin V.O. The dialectic of closure and openness in Luhmann: a contrast with Simondon's processuality and Latour's flat ontology.	1
Sayapin V.O. From the Dialectics of Matter to the Processes of Individuation: A Comparative Analysis of the Ontologies of Friedrich Engels and Gilbert Simondon	22
Markova E.V. The communicative approach in the philosophy of the library as a social institution	44
Egorov S. Specificity of (not) intentional distortions in the transfer of political languages from English-speaking discussions to Russia (on the example of the Lausanne Covenant)	63
Zheltikova I.V., Petrova R.A. The psychological mechanism of future image formation	74
Metadata in english	93

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Саяпин В.О. Диалектика закрытости и открытости у Лумана: контраст с процессуальностью Симондона и плоской онтологией Латура // Философская мысль. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.8.75365 EDN: WQBNBC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75365

Диалектика закрытости и открытости у Лумана: контраст с процессуальностью Симондона и плоской онтологией Латура

Саяпин Владислав Олегович

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент; кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

vlad2015@yandex.ru

[Статья из рубрики "Новая научная парадигма"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.8.75365

EDN:

WQBNBC

Дата направления статьи в редакцию:

01-08-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования выступает сравнительный анализ трех фундаментальных философских концепций, по-разному трактующих проблему онтологии границ, отношений и процессов в сложностных системах: теории социальных систем Н. Лумана (1927–1998) с ее диалектикой операциональной замкнутости и когнитивной открытости; процессуальной онтологии Ж. Симондона (1924–1989), акцентирующющей непрерывную индивидуацию и радикальную открытость бытия; и акторно-сетевой теории Б. Латура (1947–2022) с ее принципом плоской онтологии, деконструирующей традиционные бинарности и границы. Целью статьи является выявление контрастов, точек потенциального пересечения и взаимодополнительности этих подходов в понимании динамики «закрытости» и «открытости» как конститутивных принципов существования систем, индивидов и ассамбляжей, а также оценка их эвристического потенциала для осмысления сложности современного социального мира.

Методология исследования базируется на сравнительно-критическом анализе ключевых текстов: Лумана, Симондона и Латура. Основными критериями сопоставления выступают: (1) понимание природы и статуса границ системы/индивидуа/сети; (2) трактовка механизмов взаимодействия с окружающей средой/другими сущностями (операционные, процессуальные, ассоциативные); (3) концептуализация агентности и отношений; (4) онтологический статус стабильности и изменчивости. Ключевым элементом является критическая рефлексия, направленная не только на внутренние противоречия каждого подхода, но и на двойную рефлексию: как каждая теория могла бы интерпретировать положения двух других в рамках своей собственной логики. Актуальность исследования определяется необходимостью концептуального осмысливания ключевых вызовов современности, характеризующихся гибридностью, нестабильностью и взаимозависимостью систем. Анализ диалектики закрытости и открытости приобретает критическое значение для понимания: 1) социальных трансформаций (цифровизация, глобализация, кризисы легитимности, формирование новых идентичностей и границ сообществ); экологического кризиса, требующего переосмысливания взаимодействий социума, технологий и «природы» и актуализирующего ключевые вопросы: о границах человеческого/нечеловеческого и о динамике системных сред ; 3) развития науки и технологий, где управление сложными инновационными процессами и сетевая организация знания актуализируют роль процессуальности и ассоциативности. Сопоставление подходов Лумана, Симондона и Латура формирует эвристический аппарат для анализа этих сложностей, преодолевая дисциплинарные барьеры и предлагая альтернативы устаревшим бинарным схемам. Новизна заключается в сопоставлении этих трех влиятельных теоретических подходов именно через призму проблемы закрытости и открытости.

Ключевые слова:

Луман, Симондон, Латура, автопоэзис, коммуникация, индивидуация, трансдукция, плоская онтология, ирредукция, сеть

Введение

На фоне растущего онтологического плюрализма в социальных науках и философии, где современные мыслители [1,2,3,4] исследуют реальность за пределами традиционных оппозиций, контраст между системной замкнутостью и открытостью (Луман), доиндивидуальным становлением (Симондон) и полным отрицанием бинарности открытости и закрытости (Латур) обретает не просто теоретическую, но и экзистенциальную актуальность. Именно этот радикальный разрыв с самими основаниями дискуссии о границах и делает, во-первых, особенно актуальным и новым систематическое сопоставление трех парадигмально различных подходов (системная теория, процессуальная философия, акторно-сетевая теория) к проблеме открытости/закрытости, которое до сих пор не являлось предметом столь детального и сфокусированного анализа в отечественной литературе.

Во-вторых, новизна состоит в выявлении специфических точек напряжения и потенциальных зон диалога между этими теориями, которые обычно рассматриваются изолированно или попарно. Сравнение трех подходов выявляет их фундаментальные расхождения. В вопросе источника изменений: у Лумана динамика восходит к внешним возмущениям, интерпретируемым системой, тогда как Симондон видит причину в имманентном дисбалансе (напряжении) самого бытия, а Латур – в постоянной динамике

ассоциаций между акторами. Эти различия напрямую определяют статус границ: для Лумана границы суть конституирующий признак самой системы, без которой она немыслима. Симондон же трактует подобный признак как текущий результат процесса становления, а Латур – лишь как временный продукт текущих ассоциаций, лишенный фундаментальности. Наконец, сама онтологическая значимость оппозиции «закрытое/открытое» понимается радикально по-разному: Луман утверждает ее как основополагающую диалектику системного существования, Симондон рассматривает «закрытость» как вторичный эффект первичной открытости бытия («миг» метастабильности в бесконечном потоке становления), а Латур решительно отвергает эту оппозицию как устаревшую иллюзию, подлежащую «описанию сборок» в рамках преодоления модернистских бинарностей.

В-третьих, исследование демонстрирует интегративный взгляд на сильные стороны каждого подхода. Так, у Лумана обращается внимание на анализ самореференции, механизмы сложности и селективную адаптацию. У Симондона делается акцент на имманентном становлении, доиндивидуальных потенциалах и текущести бытия, а у Латура взгляд смещается на децентрализацию, гетерогенные ассоциации и эмпирическую трассировку связей, способствующих развитию более гибкой и релевантной системной философии. Такая философия, учитывая как необходимость операционной определенности (Луман), так и непреложность процессуальности (Симондон) и множественность ассоциативных связей (Латур), оказывается лучше приспособленной для адекватного описания множественности и гетерогенности способов «бытия-в-отношениях» в сложностной [4,5,6,7,8,9] современности.

Автопоэзис как парадокс социальных систем: операционная замкнутость и когнитивная открытость у Лумана

Центральным элементом системной теории Н. Лумана является концепция «автопоэзиса» (самопроизводство, самосозидание), заимствованная из биологии [10, р. 78]. Социальные системы (экономика, право, политика) существуют благодаря тому, что они постоянно рекурсивно и контингентно [11, 12, 13, 14] воспроизводят свои собственные элементы (коммуникации) и структуру исключительно через свои внутренние операции, будучи операционно замкнутыми. Это означает, что они реагируют не на мир напрямую, а только на свои собственные внутренне сгенерированные состояния. Парадоксальным образом именно эта операционная замкнутость является необходимым условием когнитивной открытости: система способна воспринимать среду и адаптироваться, но только на своих собственных условиях, перерабатывая внешние возмущения («шум») в соответствии со своей уникальной внутренней логикой. Как пишет Луман, автопоэзис: «...как жизни, так и сознания является предпосылкой образования социальных систем, что означает в том числе, что социальные системы могут осуществлять собственную репродукцию лишь в том случае, если гарантирована продолжительность жизни и сознания» [15, с. 292].

Несмотря на свою операционную замкнутость, социальные системы не изолированы. Они находятся в состоянии экзистенциальной зависимости от среды. Это приводит к ключевому принципу Лумана: замкнутость и открытость не противоположны, а взаимно обусловлены. Замкнутость обеспечивает систему автономией и идентичностью, в то время как ее выживание требует восприимчивости к среде (открытости). Однако эта восприимчивость возможна лишь в той мере, в какой среда может быть «осмыслена» через внутренние операции самой системы. Более того, разные уровни автопоэтических систем (психические и социальные) совместно эволюционируют и функционально зависят друг от друга. Их операционная замкнутость не создает барьеров, а, напротив, делает

возможными сложностные взаимосвязи, так как их взаимодействия координируются и согласуются через их собственные замкнутые операции. Например, научное сообщество функционирует как операционно замкнутая система, где признание нового знания строго определяется его соответствием внутренним критериям (рецензирование, воспроизводимость, соответствие парадигме), а не прямым внешним воздействиям. При этом система когнитивно открыта, так как новые данные, технологии или социальные запросы из внешней среды могут стимулировать пересмотр теорий и методов, но исключительно через механизмы и логику самих этих внутренних научных процедур.

Все это позволяет лучше понять, почему категория «смысла» занимает столь важное место в методологии теории «социальных систем» у Лумана. Смысл у Лумана играет ключевую роль, потому что он связывает психику человека и социальные системы, не нарушая их способности к самовоспроизведению. Он действует как общий «язык»: позволяет индивидуальному сознанию участвовать в коммуникации, а коммуникации – влиять на сознание, поддерживая их взаимное существование. Это выходит за рамки понимания смысла просто как свойства человека. Структуры внутри систем (например, правила и нормы) упрощают сложность мира, отбирая релевантные возможности из неопределенного «поля смыслов». Именно взаимодействие автопоэтического воспроизведения (создающего неопределенность) и структур (упрощающих ее) позволяет системам существовать вместе. Система должна соответствовать среде. Если ее структуры не могут обработать изменения среды, система разрушается [\[16, п.48-50\]](#). В результате операционная замкнутость означает, что социальные системы работают только по своим внутренним правилам и используют лишь собственные операции (коммуникации [\[17, п.258\]](#)). Каждая система опирается на свой уникальный бинарный код [\[18, п.83-84\]](#) (например, истина/ложь в науке, законное/незаконное в праве), который служит фильтром для всех ее действий. Все, что не проходит через этот фильтр, становится для системы невидимым («слепое пятно»). Эта замкнутость – не изоляция, а условие выживания: она позволяет системе сохранять свою уникальность, отличать себя от хаотичной среды и постоянно воспроизводить себя через коммуникацию. Без такой «логической границы» система просто растворилась бы в окружающем мире.

Итак, операционная замкнутость социальных систем не означает их изоляции. Напротив, именно она делает возможной когнитивную открытость. Социальные системы постоянно сталкиваются с воздействиями из сложной внешней среды. Однако среда не диктует системе, как реагировать, она лишь «возмущает» ее. Система воспринимает эти возмущения исключительно через призму своих внутренних правил и ключевых различий. Например, научное открытие оценивается только как «истина» или «ложь», а не по политической значимости. То есть эта способность перерабатывать внешние возмущения в свою внутреннюю логику, а также потенциально приводя ее к адаптации, и есть когнитивная открытость. Она активна и избирательна: система «реконструирует» среду на своих условиях. В этой связи устойчивую связь между замкнутыми системами (например, экономикой и правом) обеспечивает структурное сопряжение [\[19, п.75\]](#). Это не прямой обмен, а взаимная настройка их структур, позволяющая предсказуемо интерпретировать воздействия друг друга как контракт, синхронизирующий ожидания бизнеса и закона. При этом структурное сопряжение у Лумана выполняет двойную роль в социальных системах. Во-первых, оно согласовывает коммуникацию с индивидуальным сознанием участников, позволяя гибко реагировать на их мысли и переживания. Во-вторых, оно запускает внутреннее развитие самой системы через рекурсивность: каждая коммуникация не просто отвечает на внешний импульс, но и создает основу для следующего шага. Этот цикл (восприятие сигнала → переработка → новый акт

коммуникации) образует самоподдерживающуюся цепь, способную в теории бесконечно усложняться (как «дискретная бесконечность» по Хомскому^[20]). Хотя реальные системы имеют пределы, такой механизм позволяет им достигать значительной смысловой глубины через многоуровневые связи.

Таким образом, теория Лумана основана на парадоксе автопозиса: социальные системы могут существовать, только будучи операционно замкнутыми. Они воспроизводят себя строго по своим внутренним правилам (бинарным код), что обеспечивает их автономию и эффективность. Однако эта самая замкнутость создает их «слепое пятно». Системы буквально не видят мир за пределами своего узкого кода. Они не могут напрямую воспринимать сложность окружающей среды. Разрешение этого парадокса социальных систем всегда происходит через когнитивную открытость. Замкнутость заставляет системы внутренне реконструировать среду на своем языке (например, право видит экологический кризис через нормы ответственности и компенсаций, а не как катастрофу). Эта избирательная адаптация позволяет реагировать на внешние изменения, сохраняя замкнутость. Но парадокс остается: он одновременно источник силы и слабости общества.

Специализация систем позволяет эффективно обрабатывать сложность мира, но их узкая логика порождает «слепые» риски (как экологический кризис, который экономика создает, но не видит целиком). Ни одна социальная система не может полностью осознать или решить проблемы, возникающие на стыках ее деятельности с другими системами и миром, делая управление рисками перманентной и неразрешимой задачей, встроенной в саму структуру современного общества^[21, p. 76-78]. Эта фундаментальная ограниченность социальных систем проявляется в теории, описывающей их. Однако фундаментальное ограничение теории Лумана, согласно современным исследователям, заключается в ее «нормативной слепоте» и неспособности адекватно объяснить властные отношения и структурное неравенство. Как аргументирует немецкий социолог Х. Роза^[22, p. 148], концепция функциональной дифференциации, где системы равноправны в своей операционной замкнутости, не учитывает иерархическое доминирование одних системных логик над другими. Например, экономический код «оплата/неоплата» систематически подчиняет себе логику политики (через лоббизм и долговое давление) или экологии (через приоритет прибыли над устойчивостью). Эта асимметрия порождает «структурное насилие», когда решения, продиктованные экономической эффективностью, деформируют социальную сферу или разрушают среду обитания, оставаясь «невидимыми» для правовых или политических систем в своей полноте из-за их замкнутых кодов. Теория не предлагает инструментов для анализа или преодоления такого доминирования.

Кроме того, пренебрежение материальностью и вызовы гибридизации – это другое ключевое направление критики касается пренебрежения материальным измерением и неадекватности понятия операционной замкнутости в условиях гибридной реальности. Б. Латур настаивает, что редукция социального к чистой «коммуникации» исключает из анализа нечеловеческих актантов: технологий, артефактов, природных сил, которые активно, совместно конструируют социальные связи. Климатический кризис – яркий пример «гибридного монстра»^[23, p. 54], порожденного переплетением научных, экономических и технологических операций, но не улавливаемого адекватно ни одной из замкнутых систем в отдельности. Этую проблему усугубляет цифровая революция. Р. Брайдотти подчеркивает, что цифровые гибриды (алгоритмы, облачные платформы, Big Data) радикально размывают традиционные системные границы (например, между частным и публичным, экономикой и приватностью). «Слепые пятна» систем, такие как

алгоритмическая дискриминация в кредитовании или социальных сетях, не только невидимы для правовых кодов, но и становятся источниками системных коллапсов, так как их кросс-системные эффекты не могут быть обработаны в рамках лумановской модели^[24].

Наконец, теорию Лумана критикуют за отсутствие нормативных оснований для разрешения конфликтов между системами и ее беспомощность перед лицом глобальных рисков. Ю. Хабермас указывает, что операционная замкнутость и отсутствие «метакода» делают невозможным содержательное согласование противоречивых системных императивов, например, экономического роста («оплата/неоплата») и экологической устойчивости (не имеющей бинарного кода). Теория описывает, как системы функционируют, но не дает ответа на вопрос, как они должны взаимодействовать при столкновении их логик, угрожающем общству в целом. Управление рисками (экологическими, технологическими, финансовыми) оказывается перманентной неразрешимой задачей, структурно встроенной в дифференциацию. В эпоху антропоцена, где побочные эффекты одной системы (например, выбросы углекислого газа от экономики) становятся экзистенциальной угрозой для других (экосистем, здоровья) и целого, отсутствие в лумановской модели механизмов для межсистемной координации на основе общечеловеческих ценностей или долгосрочных интересов планеты выглядит как ее принципиальное ограничение^[25].

Индивидуация против системности: процессуальная

открытость бытия у Симондона

Симондон отвергает традиционный взгляд на мир как на совокупность готовых индивидов или замкнутых систем. Такой подход, по его мнению, создает ложные противопоставления: индивид/среда, субъект/объект. Вместо этого он предлагает сделать процесс («индивидуацию») отправной точкой мышления. Индивидуация – это фундаментальная операция реальности, предшествующая любым метастабильным и динамичным структурам бытия^[26, p.24-26, 27, p.31-33]. Она представляет собой непрерывное становление, где любой «индивиду» (кристалл, организм или технический объект) лишь временная фаза в разрешении напряжений доиндивидуального поля потенциалов^[26, p.28-30], а не конечный результат. Кроме того, индивидуация происходит через трансдукцию^[27, p.45-47] – процесс, при котором операция структурирования распространяется через «поле», разрешая напряжения и порождая структуру, не будучи заданной извне заранее. Иными словами, бытие для Симондона – динамическое поле процессов, где кажущаяся стабильность (вроде сформировавшейся личности или организации) лишь относительный этап в бесконечном потоке изменений. Этот процесс метастабилен: он содержит избыток энергии и постоянно готов к трансформации. Например, формирование личности в социальных сетях – не создание «готового» «Я», а постоянный процесс адаптации к новым связям, контенту и алгоритмам, где идентичность всегда «в работе». Следовательно, суть подхода Симондона – примат открытого процесса над закрытой системой.

Следовательно, процессуальная открытость является фундаментальной характеристикой бытия в онтологии Симондона. Бытие – это не совокупность замкнутых, самодостаточных сущих («систем»), а непрекращающееся становление, поток метастабильных состояний и трансформаций. Любой индивид несет в себе «доиндивидуальный остаток» как источник дальнейших трансформаций и связей с другими процессами. Его границы проницаемы, его состояние метастабильно. Эта открытость означает, что бытие по своей сути

незавершено, постоянно превосходит себя, порождая новые фазы индивидуации^[28, р.25-27]. Эта динамика распространяется и на технические объекты^[29, р.11-15], которые также вовлечены в процессы становления и требуют понимания через их генезис и «техническую ментальность» с человеческими коллективами. Противостояние индивидуации и системности разрешается у Симондона в пользу признания системности лишь как временного и локального эффекта непрестанной открытой процессуальности самого бытия. Информация и коммуникация также выступают у него как операторы этой открытой процессуальности, а не как передача стабильных содержаний между замкнутыми системами^[30, р.89-92]. Другими словами, подлинной реальностью является не система, а непрерывный процесс индивидуации. Эта концепция открытой процессуальности позволяет Симондону, например, проводя различие между трансиндивидуальным и собственно «естественной» формой социальности, сознательно избегать традиционную оппозицию человека и животного. Он считает такое противопоставление несостоятельным. Единственное различие, которое он допускает, заключается в том, что человек обладает более развитой психической способностью к символизации, что открывает доступ к более сложным психическим ресурсам.

Вместе с тем, согласно логике Симондона, коллективная фаза индивидуации, ответственная за порождение смыслов, представляет собой в его схеме вторую, фундаментальную фазу. Ее уникальность заключается в том, что она вводит принципиально иной режим бытия, радикально отличающийся от первой (физико-биологической) индивидуации. В этой связи, в отличие от физико-биологической фазы индивидуации, результатом которой становятся относительно замкнутые индивиды, жестко связанные со своей специфической ассоциированной средой, коллективная фаза индивидуации не производит «готовых» индивидов. Вот почему Симондон рассматривает физическую и биологическую фазы индивидуации как единый первый этап в процессе бытия. Именно поэтому проблема перехода внутри этой первой фазы (от физических систем к живым организмам) носит иной характер, нежели проблема перехода ко второй фазе (от биологического индивида к коллективу). Главное различие здесь заключается в степени процессуальной открытости. Физический индивид (например, кристалл) в ходе своего существования не обладает внутренней способностью к выходу за пределы своей изначальной формы индивидуации. Его бытие – это завершенный процесс роста в рамках заданных физических параметров. Он не участвует во «второй индивидуации». Его становление исчерпывается реализацией предзданной структуры. Поэтому вопрос о переходе от физического уровня к биологическому уровню имеет в первую очередь эпистемологическое измерение. Он касается разграничения методов и категорий, применяемых в физических науках и науках о жизни. Подлинный онтологический скачок, связанный с принципиальной процессуальной открытостью бытия, происходит лишь при переходе к коллективной (второй) фазе. Эта вторая индивидуация характеризуется имманентной устремленностью к смыслопорождению и созданию новых, нередуцируемых к отдельным индивидам форм связи, что и составляет суть ее открытости. При этом, согласно Симондону, способность к коллективной фазе индивидуации присуща исключительно живым существам, которая у них проявляется в процессе существования. Эта стадия предполагает лишь только индивидуализированные существа, которые являются субъектами, а также благодаря внутренне присущему им «остаточному заряду» апейрона (доиндивидуальному потенциальному) и вступают в отношения, трансформирующие их самих и реальность.

В этом случае на уровне коллектива проявляется ключевой принцип симондонианской онтологии отношений: отношения никогда не являются связью между заранее данными

терминами. Напротив, они суть, а именно взаимный режим обмена информацией и причинности внутри становящейся (индивидуирующейся) системы [28, р. 211]. Коллективная сфера наиболее ярко раскрывает парадоксальность этого подхода, где коллектив не является продуктом взаимодействия «готовых» индивидов, а индивидуация коллектива есть отношение уже индивидуированных существ. В итоге отношение не предшествует коллективу, а оно выражает саму операцию его становления. Для возникновения отношений требуется незавершенная процессуальная открытость – система, насыщенная метастабильными потенциалами: «Коллектив обладает собственным онтогенезом, своей операцией индивидуации, которая актуализирует доиндивидуальные потенциалы, сохранившиеся внутри уже индивидуированных существ» [28, р. 211].

Таким образом, концепция «индивидуации» у Симондона предлагает принципиально иной взгляд на процесс становления бытия, противопоставляя его жестким системным структурам. Его процессуальная онтология подчеркивает открытость и незавершенность бытия, где индивидуация предстает как непрерывный и динамичный акт самоорганизации, а не как фиксированный результат. Отсюда следует, что замкнутость у Симондона – это временное, относительное и метастабильное состояние. Это момент относительной устойчивости (квази-закрытости) в непрерывном процессе индивидуации. Индивид (система) не является изначально замкнутым целым. Его кажущаяся целостность – результат текущей фазы становления, содержащей неразрешенные потенциалы. Абсолютная замкнутость невозможна и иллюзорна. Открытость же у Симондона – это онтологический принцип бытия. Это фундаментальное состояние доиндивидуального и трансиндивидуального поля потенциалов, из которого возникает и в котором протекает индивидуация. Границы текучи и постоянно переопределяются в процессе. Бытие уже изначально открыто, и оно есть не свойство системы, а характеристика самого процесса становления, его имманентная способность к трансформации и связи с более широкими контекстами. Это позволяет преодолеть традиционные дуализмы формы и материи, субъекта и объекта, открывая путь к более гибкому и многомерному пониманию реальности. В то же время противостояние индивидуации и системности у Симондона не следует воспринимать как абсолютный антагонизм. Скорее его философия указывает на диалектическую взаимосвязь между процессуальностью и структурой, где системность возникает как временный и неустойчивый эффект перманентного становления. В итоге симондонианская онтология не отрицает системность, но раскрывает ее вторичный и производный характер, утверждая примат процессуальности как фундаментального условия бытия. Такой подход позволяет переосмыслить традиционные метафизические категории и открывает новые перспективы для философского анализа сложностных и самоорганизующихся систем.

Вместе с тем главное ограничение симондонианской онтологии, по мнению итальянского философа П. Вирно, заключается в игнорирование власти институтов, превращающих процессуальную открытость в инструмент контроля [31, р. 91]. Кроме того, упор на «доиндивидуальное поле» и «трансиндивидуальность» не учитывает, как устойчивые структуры (рынок, корпорации, государство) блокируют позитивную индивидуацию, искусственно поддерживая патологическую метастабильность. Яркий пример тому – прекрасный труд в сетевой экономике [32]: работник цифровых платформ существует в состоянии перманентной незавершенности (гибкие контракты, отсутствие социальных гарантий), где его «потенциал» эксплуатируется для максимизации прибыли, а не для подлинного становления. Симондон не анализирует механизмы, через которые капитализм присваивает энергию индивидуации, лишая ее преобразовательного потенциала [31]. Однако самый серьезный упрек теории Симондона – отсутствие

критериев для оценки кризисов. Хотя метастабильность – центральная категория его онтологии, теория не различает позитивную незавершенность (творчество, адаптацию) и патологическую (системный распад). В условиях антропоценса, где технико-экономические системы разрушают доиндивидуальное поле (климат, биосфера), сама возможность «разрешения напряжений» ставится под сомнение: экологический коллапс (кислотные океаны, вымирание видов) или цифровая сверхстимуляция, ведущая к «психической энтропии» (неспособности кристаллизовать смысл) представляют не фазы индивидуации, а необратимую деградацию, уничтожающую саму основу для новых индивидов. Без нормативных ориентиров теория не может определить, когда процессуальность переходит в самоуничтожение бытия [33, р. 77].

Деконструкция бинарности: плоская онтология Латура и исчезновение границ

Хотя Латур знал работы Симондона, решающее влияние на его онтологию оказали Делез и Гваттари [34, 35, 36]. Их критика «древовидного» мышления и концепция ризомы стали основой для его подхода. Это позволило Латуру в Акторно-сетевой теории (АСТ) деконструировать фундаментальные бинарные оппозиции (субъект/объект, общество/природа и др.), структурировавшие социальные науки. Он показал, что эти дихотомии – не отражение реальности, а продукт познавательных практик. АСТ же раскрывает динамику ассоциаций между гетерогенными акторами [23, р. 1-5, р. 23-25]. При этом Латур отвергает редукционизм, который сводит сложные феномены к «истинной» субстанции. Для него вещи нельзя свести друг к другу [37, с. 220]. Отсюда его принцип ирредукции. В его онтологии гибриды (озоновая дыра, ГМО, климатический кризис) существуют не как части дихотомий (природа/культура, человеческое/нечеловеческое), а как неразложимые сплетения науки, политики, технологий и естественных процессов. Разделять их – значит разрушать сам объект. Мир состоит не из чистых сущностей, а из гетерогенных монад, требующих анализа на единой плоскости [38, р. 375].

В данном контексте предлагаемая Латуром плоская онтология не просто стирает эти границы, а она радикально пересматривает саму природу социального, демонстрируя, как привычные бинарности возникают лишь как следствие определенных практик сборки мира, но не как его изначальные свойства. Исчезновение этих границ открывает путь к пониманию реальности как динамичной сети гетерогенных акторов, находящихся в постоянном процессе ассоциации и переконфигурации. Вот почему Латур начинает осмысление своей социальной теории с фундаментальной критики классической социологии. Он утверждает, что традиционная социальная наука, стремясь объяснить явления через абстрактные социальные силы (класс, структура, культура, система) совершает двойную ошибку. Во-первых, она исходит из предпосылки существование «социального» как отдельной, уже готовой сферы, которая воздействует на другие сферы (например, на природу или технологию). Во-вторых, она использует «социальное» как готовое объяснение, а не как проблему, требующую исследования. Поэтому латуровский подход не только раскрывает ключевую диалектику в понимании «социального», но и декларирует в его теории открытость процессов сборки, которые противостоят закрытости «готовых» категорий. Другими словами, плоская онтология Латура рассматривает «социальное» как незавершенный процесс постоянной сборки связей между акторами, где ни сущности, ни границы не предзданы. Она отвергает априорные иерархии и категории, уравнивая все сущности: человек, вещь, микро-, макроуровень. Актором считается любая сущность, способная производить разницу, влиять на события и вступать в ассоциации, будь то дверь, микроб, закон или

алгоритм [38, р.371-372]. Ключевой критерий – не природа, а действие. Это стирает границу человеческое/нечеловеческое: агентность распределена в сети [23, р.70-72].

Безусловно, Латур и отвергает идею, что «макро» (общество или система) существует как некая реальность над «микро» (индивидуальными взаимодействиями). Нет изначально малых и больших сущностей. Масштаб – это результат связей. Что-то становится «макро» (глобальным, устойчивым, могущественным) только благодаря работе по созданию и поддержанию длинных, прочных и мобильных сетей. Именно сети позволяют действию распространяться в пространстве и времени [23, р.172-177]. При этом различие между локальным и глобальным представляет собой не онтологическую разницу уровней реальности, а разницу в плотности, протяженности и стабильности ассоциаций [39, р.798-799]. Объекты, или акторы, по логике Латура, воздействуют друг на друга и опосредуют действия других объектов, формируя и поддерживая связи. Латур определяет этот непрерывный процесс опосредования как медиацию – специфическую работу акторов по установлению контактов и поиску путей соединения [40, с.22]. Вот почему возникающие связи описываются метафорой сетей. Латур признает вдохновение делезовской концепцией ризомы [41, р.15], но подчеркивает, что, «...сеть – это инструмент описания, а не его объект» [37, с.184]. Согласно этому подходу, все существа действуют, и любое действие может быть описано сетевыми методами. Ранняя версия АСТ воплощала имманентную установку: подобно тому, как у Гоббса нет ничего вне Левиафана, так у Латура нет ничего за пределами акторов и сетей. Впоследствии Латур ввел концепт плазмы, обозначающий то, что существует между установленными сетями. Развивая концепцию плазмы, Латур фокусируется на понятии «актор-сеть» (actor-network). Его ключевая характеристика – неопределенность, означающая, что «актор-сеть» – это не конкретный объект, за которым можно закрепить данную роль. Вместо этого мы всегда имеем дело с текущей конфигурацией взаимосвязанных объектов. Их свойства и способности актуализируются ситуативно «здесь и сейчас», что делает невозможной их фиксацию как стабильных сущностей. Помимо очевидной антиэссенциалистской позиции, такая онтология является глубоко реляционной. Она предполагает, что объекты конституируются через свои отношения и взаимодействия в рамках множества элементов сети. Как отмечает Г. Харман, объект исчерпывается своим присутствием для другого, и поэтому действие любого актора всегда обусловлено его связями в сети [40, с.23].

Вместе с тем в плоской онтологии АСТ теряет смысл и классическая дилемма: действует ли индивид свободно или определяется структурой. Агентность не предшествует сети, а возникает в ней. Актор, будь то человек, организация или прибор, обладает способностью действовать только благодаря сети, в которую он встроен и которую он сам (вместе с другими) поддерживает или преобразует. Структура – это не внешняя сила, а эффект устойчивости сети связей между множеством акторов [23, р.43-46]. Агентность распределена и реляционна, и поэтому она требует твердой приверженности релятивизму. Можно ли считать такую реляционную онтологию плоской? Латур, проводя аналогию между сетями и ризомой, описывает сетевое пространство как топологическое, чья размерность определяется количеством узлов связи [42, с.176-177]. Ключевым условием для анализа процесса создания и поддержания этих измерений он считает принципиальную «плоскость» социальной онтологии. В противовес традиционным трехмерным метафорам (например, сферам), Латур предлагает использовать двумерную проекцию из линий, способную вместить любые объекты, вступающие в сетевые взаимодействия [37, с.241].

Необходимо подчеркнуть, что сфера предполагает четкие границы, внутреннюю однородность (все внутри сферы подчиняется одним законам) и иерархическую организацию (сфера могут быть вложены друг в друга или подчинены друг другу: экономика, политика, культура). Сеть же, по логике Латура, способна адекватно описывать плоский мир ассоциаций [39, р. 796]. Сеть не имеет предзаданного размера или формы. Она определяется только своими связями. Где заканчивается сеть, обеспечивающая работу простого дверного доводчика? Она включает инженеров, металл, законы физики, пользователей, строительные нормы, производителей стали и т.д. Граница всегда подвижна и условна [23, р. 205–207]. Сеть неизменно состоит из самых разных акторов: людей, артефактов, текстов, организмов, институтов. Именно эта гетерогенность и есть ее суть. В сети нет центра или вершины. Важность актора определяется не его сущностью, а его позицией и ролью в поддержании связей в конкретной ситуации. Любой актор может стать узлом, через который проходит множество связей. Сети постоянно находятся в процессе сборки, пересборки, разрушения. Они не статичны. Стабильность сети – это временное достижение, результат работы по поддержанию связей. В результате понятие сети в АСТ – это не просто инструмент анализа, а онтологический принцип, утверждающий мир без предустановленных границ и иерархий, мир как бесконечный процесс установления и переустановления связей между гетерогенными акторами. Исчезновение границ – не хаос, а признак сложности и взаимосвязи.

Очевидно, что деконструкция бинарностей через призму плоской онтологии Латура – это не просто интеллектуальная игра. Это радикальный пересмотр методологии социальных наук и нашего понимания реальности. Онтологическое уравнивание человеческих и нечеловеческих акторов заставляет нас признать материальность и действенность мира вещей в формировании социального порядка. Отказ от макро/миро – дихотомии фокусирует внимание на практиках масштабирования, как локальные взаимодействия превращаются в глобальные феномены и наоборот. Понимание агентности как сетевой и распределенной подрывает представления о всемогущем автономном субъекте и о фатальной власти структуры. Исчезновение границ в латуровской Вселенной – это призыв к эмпирической слежке за реальными связями, за тем, как акторы собираются вместе, создавая гибриды и сети, а также в конечном итоге то, что мы смутно называем обществом или реальностью. Это призыв видеть мир не как набор предзаданных сфер, управляемых своими законами, а как плоское поле непрерывной медиации, где человеческие и нечеловеческие силы сплетаются в сложные и изменчивые ассоциации, постоянно переопределяя самих себя и границы между собой. Плоская онтология у Латура не упрощает мир. Она признает его фундаментальную сложность, укорененную в исчезновении старых, удобных, но обманчивых границ.

Отсюда следует, что плоская онтология конституирует не только иерархии и бинарные оппозиции, но и иллюзию замкнутости. Замкнутость (представление о предзаданных сущностях с устойчивыми границами) – это продукт модернистского мышления, концептуальная рамка, требующая деконструкции. Ее мнимая противоположность – «открытость», которая также некорректна, поскольку сама оппозиция «закрытое/открытое» теряет смысл. Вместо этого реальность конституируется гетерогенными сетями ассоциаций между равными акторами (люди, вещи, концепции), где границы («внутри/снаружи») лишь временные, подвижные результаты текущих взаимодействий и конфликтов. Суть подхода – методологическая плоскость: «следовать за акторами» без предзаданных категорий, видя реальность как двумерную проекцию связей (актанты и их медиации). Это растворяет традиционные границы в текучих

гибридных сборках, постоянно пересобираемых через связи и переводы. Следствие: акцент смещается с объяснения структурами или иллюзорной замкнутостью/открытостью на эмпирическое прослеживание самих сетей, а именно того, как ассоциации устанавливаются, поддерживаются и рушатся. Это открывает социальное как перформативный процесс внутри гетерогенной ризомы.

Таким образом, плоская онтология Латура обеспечила мощный инструмент для деконструкции устоявшихся бинарностей и анализа гибридности современного мира. Однако ее сила в описании процессов ассоциации оборачивается слабостью в объяснении устойчивости структур, нормативной оценке и явной политической программе, что остается предметом активной дискуссии и критики со стороны альтернативных социологических и философских традиций. В этом случае наиболее системные возражения против плоской онтологии Латура концентрируются на ее неспособности концептуализировать устойчивость социальных структур и отсутствии нормативных оснований для критики власти. Как отмечает социолог М. Арчер^[43, р. 76-82], отрицание АСТ эмерджентных свойств социальных систем ведет к игнорированию того, как институты (государство, рынок) обретают относительную автономию от конкретных акторных сетей и начинают принудительно влиять на действия индивидов («морфогенетический цикл»). Эта слепота к макроструктурной инерции делает АСТ беспомощной перед анализом долгосрочного воспроизведения неравенства или институционального расизма, которые не сводятся к сиюминутным «ассоциациям»^[44]. Параллельно возникает проблема нормативного вакуума^[45]: радикальный релятивизм АСТ, отказывающийся от априорных критериев оценки, лишает исследователя инструментов для различия «демократической» и «тоталитарной» сборки сетей. Латур блестяще описывает «парламент вещей», но молчит о том, кто и как должен разрешают их споры^[41, р. 148]. Фундаментальное ограничение здесь – редукция политического к онтологическому, где критика власти подменяется картографией ассоциаций. Это особенно проблематично в контексте антропоцен^[46]: если озоновая дыра – всего лишь «гибрид» собранный учеными, политиками и приборами, то исчезают основания для приоритетной борьбы с экологической катастрофой перед лицом, например, экономических сетей, ее порождающих. Поэтому деконструкция бинарностей, оставаясь эвристически мощной, оборачивается теоретическим люфтом в объяснении устойчивого господства и выработке этических ориентиров.

Онтологические горизонты открытости: сравнительный анализ

моделей Лумана, Симондона и Латура

Итак, радикальный онтологический разрыв с субстанциализмом в современной философии, подготовленный А.Н. Уайтхедом^[47], сегодня конституируется, как правило, через три принципиальные стратегии мысли: опериональную замкнутость автопоэтических систем Н. Лумана, доиндивидуальное становление Ж. Симондона и плоскую онтологию ассамбляжей Б. Латура в рамках акторно-сетевой теории. Их объединяет отказ от статичных сущностей в пользу опериональности (механизмы воспроизведения сложности), процессуальности (temporальность изменений) и ассоциации (природа связей). Другими словами, традиционные бинарные оппозиции субъект/объект, природа/культура, открытость/закрытость теряют свою самоочевидность, становясь предметом радикального переосмысления. На этом фоне контраст между тремя ключевыми подходами к пониманию динамики границ бытия – системной замкнутостью Лумана, доиндивидуальным становлением Симондона и радикальным отказом от

бинарности в акторно-сетевой теории Латура обретает не просто теоретическую остроту, но и глубокую экзистенциальную актуальность. Именно радикальность разрыва каждого из этих подходов с самими основаниями классической дискуссии о границах делает их систематическое сопоставление столь насыщенным и новым. При этом, как показывают М. Хайдеггер [48] и Дж. Дьюи [49], такой сдвиг всегда требует пересмотра самих оснований онтологии и социологии. Настоящий анализ выявляет как сравнительная логика этих моделей, преодолевая бинаризмы Канта («вещь-в-себе» и феномен) и редукционизм Э. Дюркгейма (социальные факты), предлагает новые инструменты для осмыслиения гибридности антропоцена.

Фундаментальные различия между тремя подходами наиболее явно прослеживаются в их трактовке природы сущего и онтологического статуса границ. Для Лумана сущее конституируется операционально замкнутыми системами, чье бытие определяется автопоэзисом (самовоспроизводством) через специфические внутренние операции. В противоположность этому Симондон помещает в центр анализа процесс индивидуации, исходящий из метастабильного доиндивидуального поля, где бытие понимается как непрерывное становление. Латур же радикально переосмысливает саму основу, описывая реальность как состоящую из динамичных гетерогенных ассамблажей (сетей, ассоциаций), формируемых связями между разнородными акторами. Это порождает контраст между моделью системной замкнутости (Луман), акцентом на динамическом становлении (Симондон) и приматом сетевой гетерогенности (Латур). Не менее значимо их расхождение в понимании границ: Луман утверждает их конститутивную роль как различия системы и среды, определяющего саму возможность существования системы. Симондон, напротив, рассматривает границы как текучие и относительные результаты процесса индивидуации, подчеркивая онтологическую первичность открытости доиндивидуального поля. Латур же предлагает наиболее радикальную позицию, трактуя границы исключительно как временные и неустойчивые эффекты перформативной работы сети по сборке, стабилизации и удержанию элементов ассамблажа.

Кроме того, расхождение между подходами проявляется и в их отношении к оппозиции открытости/закрытости и онтологическому статусу границ. Луман принимает бинарность как конститутивную, однако радикально переосмысливает ее, демонстрируя их диалектическую взаимозависимость: операциональная замкнутость автопоэтических систем выступает необходимым условием возможности их структурной открытости к среде. Симондон, напротив, смещает фокус за пределы самой бинарности, помещая в онтологический центр процесс доиндивидуального становления (индивидуации). Здесь открытость метастабильного поля первична, а любая относительная закрытость сформировавшегося индивида – лишь временное и преходящее состояние, побочный продукт непрерывного процесса. Наиболее радикальную позицию занимает Латур, чья акторно-сетевая теория полностью отвергает бинарность открытого/закрытого как ложную и нерелевантную абстракцию. Границы трактуются исключительно как перформативный и неустойчивый эффект текущей работы сети по стабилизации гетерогенного ассамблажа, существующего в континууме ассоциаций. В результате контраст простирается от диалектики внутри признаваемой бинарности (Луман) через онтологический примат открытости и процессуальности (Симондон) к полному отрицанию бинарности как таковой и релятивизации границ (Латур).

Несмотря на глубокие различия, эти три парадигмы обнаруживают значимые точки схождения и взаимодополнительности, формируя общее поле критики классических метафизических предпосылок. Во-первых, все они единодушно отвергают представление о мире как совокупности предзаданных статичных сущностей с фиксированными

свойствами и неизменными границами. Во-вторых, каждая из теорий осуществляет онтологический сдвиг от субстанции к процессам и отношениям как фундаментальным основаниям реальности: у Лумана это самовоспроизводящиеся операции и структурное сопряжение системы и среды; у Симондона – непрерывный процесс индивидуации; у Латура – практики сборки, трассирования и стабилизации связей в сетях. В-третьих, они предлагают взаимодополняющие объяснительные механизмы для динамики стабильности и изменчивости сложных образований: Луман через автопоэзис и избирательное структурное сопряжение; Симондон через метастабильность и разрешение напряженностей в фазах индивидуации; Латур – через перформативную работу сетей по мобилизации и удержанию акторов. Наконец, эти подходы имеют глубокий экзистенциальный резонанс, совместно подрывая классические представления о человеческой автономии и твердых границах «Я», раскрывая нашу имманентную встроеннность в системные, процессуальные и сетевые контексты бытия. Эта взаимодополнительность усиливает их совокупный эвристический потенциал для анализа сложности современного мира.

Таким образом, каждая из трех анализируемых парадигм предлагает уникальный и незаменимый эвристический инструментарий для осмыслиения многомерной сложности современного мира. Теория автопоэтических систем Лумана предоставляет ключевые категории для анализа институциональной сложности и функциональной дифференциации общества. Она позволяет понять, как различные социальные системы (политика, экономика, право, наука) операционально замкнуты, автономно обрабатывают комплексность среды через свои специфические коды и программы и как именно это порождает риски коммуникативных сбоев и структурного несоответствия между системами. Ярким примером служит интерпретация экологического кризиса как следствия неадекватного структурного сопряжения между научными истинами, экономическими императивами и политическими решениями. Напротив, процессуальная онтология Симондона незаменима для исследования динамики идентичности коллективных становлений (социальные движения, сообщества) и антропотехнических симбиозов. Ее концептуальный аппарат дает язык для описания того, как новые технологии или социальные практики запускают процессы индивидуации, дестабилизируя устоявшиеся формы и порождая новые конфигурации субъективности и коллективности, что иллюстрируется феноменом цифровой идентичности как новой фазы индивидуации. В свою очередь, акторно-сетевая теория Латура демонстрирует свою исключительную силу при исследовании гибридных феноменов, где традиционные границы между природным, социальным и техническим радикально размыты (изменение климата, пандемии, цифровые платформы). Ее методология позволяет эмпирически проследить конкретные связи и практики, посредством которых собираются и стабилизируются такие ассамбляжи, выявляя точки напряжения и потенциальной пересборки, как в случае трассирования сети, превращающей научный факт о климате в политическую силу.

Поэтому взаимодополняемость этих подходов формирует мощную концептуальную экосистему для анализа современности. В то время как лумановская оптика фокусируется на макродинамике институциональных логик и системных рисков, Симондон дает микроуровневое понимание трансформаций индивидуальности и коллективности в их процессуальной незавершенности. Латуровская же АСТ предлагает мезоуровневую методологию для эмпирического картирования конкретных гибридных образований и траекторий их сборки. Следовательно, они не конкурируют, а взаимно обогащают друг друга: системный анализ Лумана объясняет структурные условия возможности гибридных феноменов, которые детально исследует АСТ; процессуальная онтология Симондона

раскрывает антропологическое измерение и динамику субъектных трансформаций, происходящих под давлением системных императивов (Луман) и в узлах гибридных сетей (Латур). Эта совокупная аналитическая сила позволяет адекватно схватывать многослойность социальной реальности от глобальных институциональных паттернов и межсистемных коллизий до конкретных практик сборки гибридных миров и переживания индивидами собственной трансформирующейся идентичности в условиях радикальной сложности антропоцена.

Заключение

Сопоставление системной теории Лумана, процессуальной онтологии Симондона и акторно-сетевой теории Латура в контексте проблемы открытости/закрытости открывает не просто теоретический ландшафт, а настоящую онтологическую карту современного мышления. Луман учит нас видеть автономию и избирательность сложных систем, Симондон – принять текучесть и незавершенность бытия как норму, Латур – развеять иллюзию четких границ и увидеть мир как ткань из бесконечных ассоциаций. Эти подходы не столько конкурируют, сколько взаимодополняют друг друга, предлагая разные горизонты понимания одной и той же экзистенциальной ситуации: как существовать в мире, где старые опоры рухнули, а границы стали проницаемы и текучи. Их эвристическая сила заключается именно в этом плюрализме. Понимание динамики «закрытости» и «открытости» как системной необходимости (Луман), процессуального условия (Симондон) или сетевого эффекта (Латур) является не просто академическим упражнением. Это ключ к осмыслению нашей собственной позиции в усложняющемся социальном мире, где мы одновременно и автономные операторы, и незавершенные проекты, и узлы в бесконечных сетях. Онтологический плюрализм становится не просто теорией, а необходимым условием для навигации в мире без четких, жестких границ.

Библиография

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. EDN: RAYTKJ
2. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
3. Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Институт Гайдара, 2021. 408 с.
4. Морен Э. О сложности. М.: ИОИ, 2019. 282 с.
5. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель. Ч. 1-я // Философия науки и техники. 2015. № 2. С. 70-84. EDN: VCVPHD
6. Ивахненко Е.Н. Хрупкий мир через оптики простоты и сложности (Ч. 1) // Образовательная политика. 2020. № 3 (83). С. 10-19. DOI: 10.22394/2078-838X-2020-3-10-19 EDN: MTTZUP
7. Ивахненко Е.Н. Хрупкий мир через оптики простоты и сложности (Ч. 2) // Образовательная политика. 2020. № 4 (84). С. 16-27.
8. Керимов Т.Х., Красавин И.В. Сложность – общая, ограниченная и организованная: проблема, методология и основные понятия // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 2. С. 108-119. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.06 EDN: WRRJCH
9. Саяпин В.О. Техносоциальная сложность как проблема индивидуации: взгляд Жильбера Симондона // Философская мысль. 2025. № 7. С. 85-107.
10. Maturana H.R., Varela F.J. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living, Boston Studies in the Philosophy of Science. Dordrecht, 1980. Vol. 42. 171 p.
11. Хуэй Ю. Рекурсивность и контингентность. М.: V A C Press, 2020. 400 с.
12. Ивахненко Е.Н. От аутопоэзиса социальной коммуникации к аутопоэзису "живых машин" // Философия коммуникации: феномен коммуникации в познании и творчестве

- жизни. Сборник статей. СПб. 2014. С. 42-50. EDN: SWZFDV
13. Саяпин В.О. Рекурсия как способ самоорганизации современного социума. Воронеж: Вестник ВГУ. Сер. Философия. 2023. № 3. С. 62-67. EDN: SRUPMZ
14. Саяпин В.О. Контингентность и метастабильность как концепты самоорганизации современного социума // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. Воронеж, 2024. № 2. С. 47-53. EDN: XRPMKZ
15. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 648 с. EDN: QOHQND
16. Luhmann N. Introduction to Systems Theory. Malden: Polity, 2013. 284 p.
17. Luhmann N. On the scientific context of the concept of communication // Social Science Information. 1996. № 35 (2). P. 257-267.
18. Luhmann N. Theory of Society. Volume I. Stanford: Stanford University Press, 2012. 488 p.
19. Maturana H.R., Varela F.J. The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding. Boston: Shambhala, 1987. 263 p.
20. Chomsky N. On certain formal properties of grammars // Information and control. 1959. Vol. 2(2). P. 137-167.
21. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. Berlin and New York: De Gruyter, 1993. 236 p.
22. Rosa H. Resonance: A Sociology of Our Relationship to the World. Cambridge: Polity Press, 2019. 450 p.
23. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford, UK: Oxford UP, 2005. 312 p.
24. Braidotti R. Posthuman Knowledge. Cambridge: Polity Press, 2019. 210 p.
25. Habermas J. Political Communication in Media Society // Communication Theory. 2006. Vol. 16(4). P. 411-426.
26. Simondon G. L'individu et sa genèse physico-biologique. Paris: Presses universitaires de France, 1964. 304 p.
27. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
28. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
29. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. 266 p.
30. Simondon G. Communication et information. Paris: PUF, 2015. 411 p.
31. Virno P. Déjà Vu and the End of History. London: Verso, 2015. 200 p.
32. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 128 с.
33. Stiegler B. The Neganthropocene. London: Open Humanities Press, 2018. 349 p.
34. Deleuze G. Desert Islands and Other Texts 1953–1974. L.: Distributed by the MIT Press, 2004. 323 p.
35. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1998. 384 с. EDN: TCNXLB
36. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
37. Латур Б. Пастер. Война и мир микробов, с приложением "Несводимого". СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.
38. Latour B. On actor-network-theory: A Few Clarifications plus more than a few Complications // Soziale Welt. 1999. Vol. 47. P. 369-381.
39. Latour B. Network, societies, spheres: Reflection of an actor-network theorist // International journal of communication. 2011. Vol. 5. Pp. 796-810.
40. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Издательство Гиле Пресс, 2015. 152 с.

41. Blok A., Jensen T.E. Bruno Latour: Hybrid Thoughts in a Hybrid World. London, Routledge, 2011. 208 p.
42. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. Т. 27. № 1. С. 173-200. EDN: WABGMB
43. Archer M. Realist Social Theory: morphogenetic approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 392 p.
44. Elder-Vass D. Searching for Realism, Structure and Agency in Actor-Network Theory // The British Journal of Sociology. 2008. Vol. 59(3). P. 455-473.
45. Winner L. Do Artifacts Have Politics? // Daedalus. 1980. Vol. 109(1). P. 121-136.
46. Hamilton C. Defiant Earth: The Fate of Humans in the Anthropocene. Polity, 2017. 185 p.
47. Whitehead A.N. Process and reality an essay in cosmology; Gifford lectures delivered in the University of Edinburgh during the session 1927-28. New York: The Macmillan Company, University Press, 1929. 547 p.
48. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Издательство "Ad Marginem", 1997. 451 с.
49. Dewey J. Experience and nature. Chicago, London: Open Court Publishing Company, 1925. 443 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья представляет собой обстоятельное и обстоятельно аргументированное сопоставление трёх значимых философских подходов к проблематике открытости и закрытости систем — концепции автопоэтических систем Никласа Лумана, процессуальной онтологии Жильбера Симондона и плоской онтологии Бруно Латура. Автор демонстрирует глубокое понимание каждой из этих теорий и умело раскрывает их ключевые идеи, выявляя как точки соприкосновения, так и принципиальные различия. Особенno ценна попытка показать, что данные подходы не столько конкурируют, сколько отражают разные уровни и масштабы анализа социальной реальности, что способствует развитию стратегического плюрализма в философском осмыслении сложных систем.

Тем не менее, несмотря на очевидную теоретическую глубину и широкий охват, статья имеет ряд методологических и стилистических недостатков, которые снижают ее научную убедительность и удобство для восприятия читателем. Во-первых, текст избыточно нагружен цитатами и подробными историко-философскими реконструкциями, что создает впечатление переизбытка и местами отвлекает от основной проблематики. Излишняя детализация приводит к тому, что ключевые аргументы теряются в потоке информации, а читатель вынужден прилагать значительные усилия для выделения главного. Более строгая структуризация и сокращение вспомогательных материалов улучшили бы восприятие и позволили бы сосредоточиться на критическом анализе.

Во-вторых, автор недостаточно критически осмысливает ограничения и внутренние противоречия каждого из представленных подходов. Например, концепция Лумана, несмотря на ее новаторство, порождает парадокс «слепого пятна» систем, однако в статье не раскрывается, каким образом современные исследования пытаются преодолеть или смягчить эти ограничения. Аналогично, у Симондона и Латура имеются спорные моменты, связанные с применимостью их онтологий к конкретным эмпирическим ситуациям, что остается без должного обсуждения. Включение критических перспектив и альтернативных точек зрения сделало бы анализ более сбалансированным и научно зрелым.

Кроме того, статья могла бы выиграть от более четкого определения ключевых понятий и терминов, особенно в части «открытости» и «закрытости», поскольку их смысл существенно варьируется в разных контекстах. Это помогло бы избежать неоднозначностей и повысить точность аргументации. Также было бы полезно дополнить теоретическое сопоставление конкретными примерами из современной социальной практики или технологий, что позволило бы лучше иллюстрировать применимость и ограниченность каждой теории.

В целом, статья представляет собой значимый вклад в философскую дискуссию о природе социальных систем и их онтологии, демонстрирует широкую эрудицию и глубокое понимание сложных концепций. Однако для публикации в журнале «Философская мысль» ей необходима доработка в части стилистики, структурирования материала и усиления критического анализа, а также более ясного и лаконичного изложения основных идей. Автору рекомендуется пересмотреть баланс между описательной и критической частями, уделить внимание современным дискуссиям вокруг представленных теорий и обогатить работу эмпирическими иллюстрациями, что повысит её научную ценность и привлекательность для широкой философской аудитории.

Конкретные рекомендации по пунктам:

1. Предмет исследования

Четко сформулировать предмет и цель статьи в введении, акцентируя внимание на сравнительном анализе трех философских концепций открытости и закрытости систем.

2. Методология исследования

Артикулировать методологический подход, включая критерии сопоставления и анализ сильных и слабых сторон каждой теории, а также добавить элементы критической рефлексии.

3. Актуальность

Подчеркнуть значимость темы в контексте современных социальных и философских исследований, а также её прикладное значение для понимания сложных систем.

4. Научная новизна

Выделить уникальность сопоставления трех методологических подходов и показать, как их интеграция способствует развитию системной философии.

5. Стиль, структура, содержание

- Сократить избыточные историко-философские детали, чтобы повысить читаемость.
- Улучшить структуру: четко разграничить разделы, выделить ключевые аргументы.
- Использовать более лаконичный и понятный язык, избегать перегруженности терминологией.
- Включить примеры из современной социальной практики для иллюстрации теоретических положений.

6. Библиография

Обновить и расширить список литературы современными источниками, включая критические исследования и эмпирические работы, чтобы подкрепить аргументацию.

7. Апелляция к оппонентам

Включить обзор и критику альтернативных точек зрения, обозначить ограничения рассматриваемых теорий, что усилит научный диалог.

8. Выводы, интерес читательской аудитории

Емко сформулировать выводы, акцентируя значение работы для философов, социологов и специалистов по теории систем – это повысит ее привлекательность и практическую ценность.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Статья посвящена сравнительному философскому анализу трех концептуальных подходов к проблеме открытости и закрытости в современной онтологии и социальной теории. Автор исследует диалектику замкнутости/открытости в системной теории Н. Лумана, процессуальную философию индивидуации Ж. Симондона и плоскую онтологию акторно-сетевой теории Б. Латура. Предметом становится не просто сопоставление концепций, но выявление фундаментальных онтологических различий в понимании природы границ, систем и процессуальности бытия.

Методология исследования

Автор применяет методологию сравнительного концептуального анализа, дополненную элементами систематического философского синтеза. Работа построена на основе имманентной реконструкции каждого из подходов с последующим выявлением точек напряжения и потенциального диалога между ними. Методологически ценным является стремление не к эклектическому сочетанию теорий, а к выявлению их взаимодополнительности через анализ различных аспектов сложности современной реальности.

Однако методологическая база могла бы быть усиlena более четким обоснованием критериев сравнения и более систематическим применением историко-философского контекста для каждого из анализируемых подходов.

Актуальность

Актуальность исследования бесспорна и многомерна. Во-первых, в условиях онтологического плюрализма современной философии и социальных наук назрела потребность в систематическом сопоставлении альтернативных концептуальных стратегий. Во-вторых, проблематика границ, систем и процессуальности становится критически важной в эпоху антропоцен, где традиционные границы между природным, социальным и техническим радикально размыты. В-третьих, теоретическая актуальность подкрепляется практической значимостью для анализа современных гибридных феноменов - от экологических кризисов до цифровых платформ.

Особенно важным представляется утверждение автора о том, что эти подходы обретают "экзистенциальную актуальность", поскольку касаются фундаментальных вопросов о том, как существовать в мире с проницаемыми и текучими границами.

Научная новизна

Научная новизна работы заявляется автором в трех аспектах, и эти заявления в целом обоснованы:

1. Систематическое трехстороннее сопоставление: действительно, в отечественной литературе отсутствует столь детальный и сфокусированный анализ всех трех подходов в едином исследовательском поле.

2. Выявление "точек напряжения": автор успешно демонстрирует не только различия, но и специфические зоны потенциального диалога между теориями, которые обычно рассматриваются изолированно.

3. Интегративный подход: предложение рассматривать сильные стороны каждого подхода как взаимодополняющие элементы более гибкой системной философии представляет собой оригинальный исследовательский вклад.

Однако некоторые аспекты "новизны" могли бы быть представлены более четко, особенно в отношении конкретных результатов, полученных в ходе сравнительного анализа.

Стиль, структура, содержание

Структура работы логично выстроена: после проблематизирующего введения автор последовательно анализирует каждый из трех подходов, завершая сравнительным анализом и выводами. Структурная ясность способствует пониманию сложного материала.

Стиль отличается высокой концептуальной насыщенностью и терминологической точностью. Автор демонстрирует глубокое знание предмета и способность к ясному изложению сложных философских концепций. Однако местами стиль становится излишне перегружен специальной терминологией, что может затруднить восприятие.

Содержание характеризуется высоким уровнем теоретической проработки. Автор убедительно демонстрирует понимание внутренней логики каждого из анализируемых подходов. Особенно ценными являются разделы, посвященные критическим ограничениям каждой теории.

Вместе с тем, некоторые содержательные аспекты нуждаются в доработке: иногда изложение становится излишне схематичным, а примеры (цифровые платформы, экологические кризисы) используются скорее иллюстративно, чем аналитически.

Библиография

Библиография демонстрирует широкую эрудицию автора и включает как классические работы (Луман, Симондон, Латур), так и современные исследования. Положительно оценивается привлечение как зарубежных, так и отечественных источников.

Однако библиография имеет некоторые недостатки:

- Недостаточно представлены критические работы по каждому из анализируемых авторов
- Отсутствуют некоторые важные исследования по проблематике границ и систем в современной философии
- Мог бы быть расширен корпус источников по методологии сравнительного философского анализа

Апелляция к оппонентам

Автор корректно представляет критические позиции в отношении каждого из анализируемых подходов. Критика системной теории Лумана через призму работ Х. Розы, критические замечания П. Вирно относительно Симондона, возражения М. Арчер против АСТ Латура - все эти позиции представлены объективно и используются конструктивно.

Вместе с тем, апелляция к оппонентам могла бы быть более систематической. Автор в большей степени представляет критику, чем вступает в полноценную дискуссию с оппонентами, что снижает полемический потенциал работы.

Выводы и интерес для читательской аудитории

Основные выводы работы четко сформулированы и обоснованы:

1. Все три подхода объединяют отказ от статичной субстанциальной онтологии в пользу процессуальности, операциональности и реляционности
2. Каждый подход предлагает уникальный эвристический инструментарий для анализа различных аспектов сложности
3. Взаимодополнительность подходов формирует мощную концептуальную экосистему для анализа современности

Работа представляет значительный интерес для широкой философской аудитории:

- Специалисты по социальной философии найдут в ней систематическое изложение ключевых современных подходов
- Исследователи сложности получат концептуальные инструменты для анализа современных гибридных феноменов
- Философы, интересующиеся онтологической проблематикой обнаружат оригинальную

постановку вопроса о статусе границ в современной мысли

Общая оценка и рекомендации

Статья представляет собой качественное философское исследование, вносящее заметный вклад в понимание ключевых тенденций современной онтологии и социальной теории. Высокий теоретический уровень, оригинальность постановки проблемы и систематичность анализа делают работу ценной для философского сообщества.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Саяпин В.О. От диалектики материи к процессам индивидуации: сравнительный анализ онтологий Фридриха Энгельса и Жильбера Симондона // Философская мысль. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.8.75131 EDN: WTIJFG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75131

От диалектики материи к процессам индивидуации: сравнительный анализ онтологий Фридриха Энгельса и Жильбера Симондона

Саяпин Владислав Олегович

ORCID: 0000-0002-6588-9192

кандидат философских наук

доцент; кафедра истории и философии; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

392000, Россия, Тамбовская область, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

[✉ vlad2015@yandex.ru](mailto:vlad2015@yandex.ru)

[Статья из рубрики "Новая научная парадигма"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.8.75131

EDN:

WTIJFG

Дата направления статьи в редакцию:

11-07-2025

Аннотация: Современная философия, столкнувшись с кризисом классических метафизических систем, активно ищет альтернативные подходы к осмыслиению реальности, способные преодолеть ограничения как субстанциализма, так и радикального конструктивизма. Если Ф. Энгельс, опираясь на диалектический материализм, рассматривает мир как иерархию форм движения материи, подчиняющихся универсальным законам диалектики, то Ж. Симондон смещает акцент с готовых структур на процессы индивидуации, в которых бытие конституируется через разрешение метастабильных напряжений. В этом контексте сравнительный анализ онтологий Энгельса и Симондона приобретает особую значимость, поскольку позволяет сопоставить две влиятельные, но редко противопоставляемые традиции: диалектический материализм с его акцентом на объективных законах развития материи и процессуальную онтологию, ставящую во главу угла становление и индивидуацию.

Исследование актуально для решения таких современных проблем, как осмысление сложных систем, динамики социальных изменений и природы материальности в постчеловеческих исследованиях. В центре внимания методологической основы статьи оказывается противостояние двух подходов: объективной диалектики природы у Энгельса и имманентной онтологии становления у Симондона. Сравнительно-критический анализ включает в себя следующие методы исследования: концептуальный (категориальный) анализ, текстуальный анализ, компаративный (сопоставительный) метод, метод синтеза и конструктивного моделирования. Кроме того, используются элементы философии науки, онтологии и социальной теории для раскрытия методологических ограничений и преимуществ каждого подхода. Новизна статьи заключается в системном сопоставлении этих двух моделей, которое выявляет их методологические расхождения и точки потенциального диалога. В отличие от традиционных интерпретаций, сводящих онтологию Энгельса к «законам диалектики», а концепцию Симондона – к критике субстанциальности, автор демонстрирует, что их противостояние затрагивает более глубокие вопросы: о природе детерминации, соотношении части и целого, а также возможностях нередукционистского понимания материи. Впервые в рамках одного исследования анализируется как симондонианская критика «готового индивида» и идея метастабильности ставят под сомнение ключевые постулаты диалектического материализма, предлагая альтернативу – онтологию, в которой порядок возникает не из предустановленных закономерностей, а из имманентной динамики доиндивидуального поля. Это открывает перспективы для переосмыслиния материализма в контексте современных споров о реализме, эмерджентности, контингентности и процессуальности.

Ключевые слова:

Энгельс, Симондон, индивидуация, конкретизация, трансдукция, доиндивидуальная среда, диалектический материализм, иерархия, детерминизм, движение материи

Введение

В настоящее время современная философия сталкивается с необходимостью переосмыслиния классических онтологических моделей в условиях радикальной цифровой технологизации общества. Если диалектический материализм одного из основоположников марксизма Фридриха Энгельса (1820–1895) предлагал понимать реальность через противоречивое движение объективных форм материи, то философия техники, сложности и жизни французского мыслителя Жильбера Симондона (1820–1895) смещает свой взгляд на процессы индивидуации, динамического становления сущего через взаимодействие технических, биологических и социальных индивидов. Это не просто спор о приоритете «материи» или «процесса», а фундаментальное столкновение двух способов мыслить саму природу бытия: как завершенную систему или как непрерывное творчество. Другими словами, в данном контексте цифровой эпохи, характеризующейся гибридизацией человека и машины, стремлением создать новый интеллект и сложными сетевыми экосистемами, процессуальная онтология Симондона обретает особую объяснительную силу. Его концепция «технического бытия» и индивидуации через метастабильные, контингентные и рекурсивные состояния, где доиндивидуальное поле потенциалов кристаллизуется в конкретные сущие (технические системы, живые организмы и коллективы) предлагает инструментарий для осмыслиния реальности как незавершенного, постоянно пересобирающегося паттерна. В отличие от

замкнутых «форм» классического материализма, симондонианский подход позволяет описывать, например, нейросеть или Big Data не как статичную систему, а как динамический процесс обучения и адаптации. В этом случае нейросеть всегда находится в непрерывном взаимодействии с данными, человеком и ассоциированной с ним средой не как субстанция, а как незавершенная и метастабильная цифровая система, постоянно определяющая себя через свои технические интерфейсы и социальные связи. В результате онтология становления оказывается адекватной для мира, где границы между «естественным» и «искусственным», «материальным» и «информационным» все более размываются.

Однако это смещение внимания на процесс и индивидуацию ставит перед современной философией новые, возможно, еще более сложные вопросы, которые диалектический материализм с его акцентом на объективных законах и системной целостности мог бы (хотя и в иных терминах) поставить под сомнение. Если бытие принципиально незавершено и конституируется через бесконечные акты индивидуации, то где гарантия устойчивости и преемственности реальности? Не ведет ли акцент на творчестве, метастабильности и контингентности к релятивизации онтологических оснований? Более того, симондонианский анализ отчуждения в технике предупреждает о рисках неконтролируемой индивидуации систем, обретающих свою собственную, чуждую человеку логику (что ярко проявляется в «черных ящиках» алгоритмов или относительно автономных военных системах). Вот почему переосмысление онтологии в современности – это не только выбор между материей и процессом, а необходимость синтезировать интуицию симондонианского динамического становления с пониманием структурных ограничений и потенциальной тотальности систем (наследие на которое указывает в том числе и диалектическая традиция). Особенно такое переосмысление важно при становлении этих физических, биологических и психических систем в свете беспрецедентной власти технологий, способных не только опосредовать, но и радикально трансформировать саму ткань «доиндивидуального» и направлять процессы индивидуации в масштабах, немыслимых для диалектического материализма, пытающегося выйти за рамки классической философии. Поэтому философия в современности сталкивается с задачей мыслить одновременно не только творческую открытость бытия, но и ее метастабильность, рекурсивность и контингентность^[1,2].

Таким образом, актуальность такого осмысления обусловлена кризисом традиционных категорий (материя, субъект, объект) в эпоху алгоритмов, нейроинтерфейсов и гибридных коллективов. Энгельс, опиравшийся на науку XIX века, видел в диалектике материи ключ к объяснению прогресса, но его модель не учитывала нелинейность технической эволюции и трансиндивидуальность (гибридность) современных систем. Симондон же, предвосхищая постчеловеческий поворот, раскрывает онтологию, где техника не обслуживает человека, а соучастует в его бытии. Данная статья ставит целью выявить, как переход от «диалектики материи» к «процессам индивидуации» и теории «саморазвивающихся рефлексивных и активных сред» меняет саму возможность познания и преобразования реальности.

Онтология завершенности: диалектико-материалистическая

система Фридриха Энгельса

В ноябре 2025 года будет отмечаться 205-летие со дня рождения Фридриха Энгельса, чье влияние на ход мировой истории трудно переоценить. Современный взгляд позволяет оценить многогранность его личности: он выступал и как политик немецкого происхождения, и как исследователь истории, и как практик бизнеса. Однако наиболее

прочно в коллективной памяти закрепился образ Энгельса-философа, ключевого создателя марксистского учения, ближайшего соратника и соавтора Карла Маркса (1818–1883). В определенные периоды его теоретическое наследие становилось предметом не только юбилейных упоминаний, но и постоянного, зачастую обязательного обращения в рамках господствующей идеологической парадигмы. На этом фоне выделяется незавершенный труд «Диалектика природы» (нем. *Dialektik der Natur*)^[3], представляющий собой несколько иную грань интеллектуальных поисков Энгельса. В отличие от его политico-экономических и историко-философских работ, это была масштабная попытка применить диалектический метод к анализу фундаментальных закономерностей естествознания. При этом очевидно, что этот неоконченный труд Энгельса ставил важную задачу – интерпретировать естествознание на основе законов диалектики. Идея возникла в 1873 году, текст в основном сложился к 1882 году, но известный нам облик работы обрела только после публикации в СССР в 1925 году^[4]. В этой работе автор настойчиво доказывает тезис о двусторонней зависимости. А именно, что материалистическая философия должна базироваться на синтезе данных естественных и общественных наук, а плодотворное развитие самих естественных наук, по мнению Энгельса, требует опоры на диалектико-материалистическую методологию. Энгельс полагал, что развитие науки неизбежно подрывает метафизические воззрения на природу изнутри, что приводит к закономерной смене их диалектическим методом. Этот процесс заставляет естествоиспытателей отказываться от метафизики в пользу диалектики. В этом случае Энгельс особенно подчеркивает, что для современного ему естествознания освобожденная от мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью^[3].

Итак, в своем популярном очерке «Диалектика природы», по мнению советского философа и логика Б.М. Кедрова (1903–1985), Энгельс подробно изложил основные научные достижения той эпохи^[5]. Обладая знанием предмета и применяя материалистическую диалектику, он сумел, пусть и с определенной полемической резкостью, показать иерархическую (вертикальную) структуру форм движения материи. В этой структуре высшие формы, надстраиваясь над низшими, включают их законы, но обогащаются новыми специфическими закономерностями. То есть его природа организована в виде восходящей иерархии (от механики к физике, к химии, к биологии и к обществу), где каждая высшая форма возникает на основе низшей, сохраняя ее законы, но добавляя новые. В этом случае, опираясь на логику Г. Гегеля (1770–1831)^[6], у Энгельса первоначалом всегда является материя, понимаемая как объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания^[3, с. 45–46]. Это первоначало не сводится к конкретным формам (веществу или энергии), а представляет собой универсальную субстанцию, проявляющуюся через бесконечное многообразие движущихся и взаимодействующих элементов. Энгельс подчеркивает, что движение материи не только развивается по закону «несотворимости и неуничтожимости»^[3, с. 46], но и по законам «диалектики»^[3, с. 38] («единство и борьба противоположностей», «переход количества в качество», «отрицание отрицания»). Кроме того, критикуя метафизические представления о природе как совокупности статичных объектов, он утверждает, что сама «материя есть процесс»^[3, с. 178–179], что особенно наглядно проявляется в эволюции от неорганических форм материи к жизни и сознанию. Поэтому такая трактовка материи стала не только радикально отличаться от механистического материализма XVIII века, но и включать в себя историчность и саморазвитие.

Можно отметить, что работа Энгельса над «Диалектикой природы» происходила в

условиях, когда в научном мире доминировала концепция иерархии наук, разработанная основателем позитивизма и социологии Огюстом Контом (1798–1857). В своем фундаментальном труде «Курс позитивной философии»^[7] Конт выстроил строгую последовательность научных дисциплин: изучение должно было начинаться с математики, затем переходить к механике, астрономии, физике, химии и физиологии (биологии), завершаясь социологией. Согласно этой системе, каждая предыдущая наука являлась обязательной основой для последующей: без полного освоения физики нельзя было изучать химию, без химических знаний приступать к биологии, а без понимания биологических закономерностей – переходить к социологии. Такой подход предполагал жесткую линейную зависимость между науками, где переход к новой дисциплине требовал полного овладения предыдущей. Энгельс писал: «Как мало Конт является автором своей списанной им у Сен-Симона энциклопедической иерархии естественных наук, видно уже из того, что она служит ему лишь ради расположения учебного материала и в целях преподавания...»^[8,с.565]. Кроме того, Энгельс приходит к следующему выводу: если не считать собственно математики, каждая основная наука имела во времена Конта своим предметом отдельную форму движения материи. Отсюда следует, что Энгельс сосредоточил свои исследования на выявлении взаимосвязей и переходов между объектами изучения различных научных дисциплин, а также на взаимодействии между самими науками.

В отличие от распространенных в то время представлений, он уделял особое внимание пограничным зонам между отдельными явлениями природы и между природными и социальными процессами, где ранее господствовали жесткие разграничения. Такой новаторский подход позволил представить систему научного знания как отражение поступательного развития. А именно развития знания от элементарных форм движения материи к более сложным формам движения. В этой иерархической системе каждый последующий, более сложный объект исследования рассматривается как продукт эволюции предыдущего более простого, а соответствующая научная дисциплина – как закономерный результат развития более фундаментальной области знания. Современная философия определяет такой методологический принцип, учитывающий иерархию форм движения материи, как «диалектический детерминизм». Иными словами, диалектический детерминизм – это методологический принцип, утверждающий, что развитие материи происходит через иерархию качественно различных форм движения. При этом каждая высшая форма возникает из низшей формы на основе ее внутренних противоречий. Низшие формы не исчезают, а интегрируются в высшие формы, а именно одновременно преодолеваются, сохраняются и возвышаются в новых, более сложных структурах. В данном контексте переходы между формами, подчиняясь законам диалектики (скачки, отрицание отрицания), раскрывают развитие материи как линейный восходящий процесс.

Итак, согласно диалектическому детерминизму Энгельса, материя представляет собой объективную реальность, воспринимаемую через ощущения и пребывающую в состоянии непрерывного движения и развития. В этой системе движение выступает как неотъемлемый атрибут материи, ее фундаментальный способ существования, где все процессы Вселенной, по существу, являются переходами между различными формами движения. Центральным механизмом таких переходов выступает диалектическое взаимодействие противоположностей («закон единства и борьбы противоположностей»^[8,с.166]), согласно которому любое явление содержит внутренние противоречия, взаимоисключающие, но взаимосвязанные и взаимопроникающие аспекты, как притяжение и отталкивание в физике или ассимиляция и диссимиляция в биологии. Эти противоположности, находясь в постоянном взаимодействии, создают

внутреннее напряжение, которое, достигая критической точки, разрешается не через устранение одной из сторон, а посредством качественного скачка, коренного преобразования системы. Подобные качественные изменения всегда носят скачкообразный характер, проявляясь либо как резкие революционные преобразования, либо как постепенные эволюционные изменения, приводя к возникновению новых, более сложных противоречий на следующем уровне развития. Другими словами, переходы между формами движения материи представляют собой необратимые эволюционные (революционные) скачки, обусловленные достижением критических точек в накоплении энергии, сложности и новых типов взаимодействий на предыдущем уровне, ведущие к возникновению принципиально новых систем с эмерджентными свойствами и собственными законами функционирования и развития [3,с.217].

Вторым фундаментальным механизмомialectического развития у Энгельса выступает закон «перехода количественных изменений в качественные» [3,с.200-207]. Согласно этому закону, развитие материи осуществляется через постепенное накопление количественных изменений. Например, к таким физическим величинам относятся как колебания температуры, скорости, размеров, концентрации веществ или числа элементов системы. Эти, казалось бы, незначительные изменения, достигая определенного критического предела (меры) вызывают резкий качественный скачок, приводящий к коренному преобразованию всей системы. В результате возникает принципиально новое качество с иными свойствами и законами функционирования, которое, в свою очередь, открывает простор для новых количественных изменений. Классической иллюстрацией этого закона служит процесс кипения воды: постепенный нагрев (количественное изменение температуры) при достижении 100°C приводит к скачкообразному переходу в новое агрегатное состояние (пар). Аналогично в общественном развитии: накопление технологических инноваций (количественные изменения в производительных силах) вступает в противоречие с устаревшими производственными отношениями, что в конечном итоге разрешается социальной революцией – качественным скачком, устанавливающим новый экономический уклад. Этот dialectический закон демонстрирует, как постепенные, едва заметные изменения способны приводить к радикальным преобразованиям всей системы.

Третьим ключевым законом dialectики выступает «отрицание отрицания» [3,с.1], раскрывающий спиралевидный характер развития. В отличие от линейного прогресса, данный закон демонстрирует, как каждое новое состояние системы dialectически «снимает» (в гегелевском смысле) предыдущее, не просто отбрасывает его, но сохраняет и преобразует все ценное. Например, механическое движение (низшая форма) не исчезает с появлением химических реакций (более высокой формы), но становится их подчиненным моментом. Молекулы сохраняют механическое движение атомов, но оно теперь интегрировано в химические связи. В результате двойного отрицания развитие совершают виток спирали, формально возвращаясь к исходной точке, но обогащенное накопленным содержанием и поднятое на качественно новую ступень. Яркой иллюстрацией служит процесс познания: первоначальное чувственное восприятие (тезис) преодолевается абстрактным мышлением (антитезис) которое, в свою очередь, отрицается практической проверкой, возвращающей нас к чувственно данному, но теперь уже осмыслиенному и концептуально обогащенному (синтез). Поэтому dialectическое отрицание обеспечивает преемственность: новое сохраняет рациональное из старого, поднимая организацию на новый уровень. При этом Энгельс считает случайность формой проявления необходимости. Например, случайные мутации в дарвинизме – инструмент необходимого закона естественного отбора. Мир, как считает

Энгельс, в целом подчинен необходимости, которая всегда подразумевает скрытую цель, но на уровне отдельных явлений могут действовать случайные факторы [3, с.172-174].

Таким образом, механизмы перехода движения материи в онтологии Энгельса – это диалектические законы, действующие как имманентные силы саморазвития материального мира. Борьба противоположностей создает внутреннее напряжение и является движущей силой. Переход количества в качество объясняет, как постепенные изменения приводят к коренным преобразованиям через качественный эволюционный скачок. Отрицание отрицания задает направленность развития по спирали, обеспечивая преемственность и прогресс. По мнению Энгельса, эти механизмы действуют на всех уровнях организации материи (от элементарных частиц до общества) и во всех ее формах движения, обеспечивая вечное изменение, развитие и усложнение материального мира. В этой связи онтология Энгельса содержит выраженную телеологическую составляющую, поскольку предполагает направленный характер развития от простых форм организации материи к более сложным, от низших ступеней бытия к высшим, вплоть до достижения «царства свободы» [8, с.294], которая начинается там, где прекращается работа, диктуемая нуждой. Присущая его диалектике логика развития, хотя и включает циклические элементы в виде спиралевидного движения через отрицание отрицания, в конечном счете подчинена общей прогрессивной траектории. Эта модель, опирающаяся на естественный язык и конкретные примеры из природных и исторических процессов, представляет собой своеобразный синтез: циклические закономерности здесь не замкнуты сами на себя, а вплетены в общую поступательную динамику. Каждый новый виток спирали не просто повторяет пройденное, а выводит систему на качественно более высокий уровень организации, что в совокупности образует линейно-прогрессивную картину развития с элементами цикличности.

Классическим примером диалектического перехода между формами движения служит эволюция от механического к физическому этапу развития. На начальном этапе мы наблюдаем простые механические процессы: движение планет по орбитам или свободное падение тел, где энергия существует в виде кинетической или потенциальной. Однако по мере нарастания интенсивности механических взаимодействий, многочисленных соударений, трения, давления происходит накопление количественных изменений. Эти процессы уже не ограничиваются простым пространственным перемещением, а начинают порождать тепловые явления, вызывать структурные деформации и модифицировать внутреннее строение вещества. Такой качественный скачок особенно наглядно проявляется при исследовании механических свойств материалов: изучение упругости или прочности закономерно приводит нас к необходимости анализа молекулярных и атомных взаимодействий. В результате элементарные механические процессы через диалектику количественных накоплений трансформируются в сложные физические явления, демонстрируя фундаментальный принцип развития материи – переход от простых форм движения к более сложным и совершенным. Этот процесс ярко иллюстрирует, как количественные изменения, достигая критической точки, закономерно переходят в качественно новое состояние бытия [3, с.197-198].

Следовательно, возникновение физической формы движения происходит тогда, когда количественные изменения, накопленные в механических взаимодействиях (частота и сила соударений, площадь трения, величина давления) достигают критического порога, приводя к качественному скачку. В результате появляются принципиально новые процессы, которые уже не могут быть объяснены простым сложением механических

воздействий. Например, хаотическое движение молекул и атомов подчиняется уже не законам классической механики, а термодинамике и статистической физике. Поэтому для описания этих явлений требуются иные фундаментальные законы: термодинамические принципы, уравнения электродинамики Максвелла, а впоследствии и квантовая механика. Законы Ньютона, оставаясь верными в своей области, оказываются недостаточными для объяснения этих более сложных форм движения. Этот переход демонстрирует диалектический принцип развития материи: количественные изменения в механических процессах (рост числа и интенсивности взаимодействий) приводят к качественному преобразованию, возникновению новой, более высокой формы движения. Физическая форма (тепловая, электромагнитная, внутриатомная) не отменяет механическую, но включает ее в себя как частный случай, подчиняясь при этом собственным, более сложным закономерностям. Так, например, механическое трение порождает тепло. Но само тепло – это уже не просто движение тел в пространстве, а проявление внутренней энергии вещества, описываемое законами термодинамики. Поэтому материя, развиваясь через диалектические скачки, переходит от простых форм движения к все более сложным формам, образуя иерархическую систему взаимосвязанных уровней организации.

Необходимо отметить, что в онтологической системе Энгельса время понимается как фундаментальная форма существования движущейся материи, неотделимая от пространства и процессов развития. Он утверждает, что время – это не абстрактная длительность, а способ бытия материи, выражающий последовательность ее изменений и качественных превращений^[3, с.187-188]. Энгельс рассматривает время через призму диалектического материализма: как объективную реальность, которая проявляется через различные формы движения материи, от механических процессов до биологической эволюции и социального развития. При этом особое значение он придает необратимому характеру временного процесса, что особенно ярко проявляется в переходе от низших форм движения материи к высшим. Важнейшей особенностью энгельсовской концепции времени является его связь с принципом развития. В отличие от механистических представлений о времени как о внешнем параметре, Энгельс показывает, что различные уровни организации материи обладают специфическими временными характеристиками. Биологическое время живого организма или историческое время общества качественно отличаются от физического времени, что отражает диалектический переход от простых форм движения к сложным. Такой подход предvosхитил современные представления о множественности темпоральности в разных системах и позволил Энгельсу обосновать идею прогрессивного развития природы как естественно-исторического процесса.

Вместе с тем Энгельс в анализе второго начала термодинамики подверг критике концепцию «тепловой смерти Вселенной» демонстрируя, что этот вывод основан на механистическом понимании законов природы, игнорирующем диалектический характер материи. Он аргументировал, что закон сохранения и превращения энергии необходимо рассматривать в единстве с принципом развития: бесконечная Вселенная представляет собой не замкнутую систему, а постоянно изменяющуюся материальную реальность, где процессы рассеяния энергии (энтропии) сопровождаются противоположными процессами концентрации и преобразования. Энгельс подчеркивал, что утверждение о неизбежном термическом равновесии ошибочно экстраполирует законы конечных систем на бесконечную Вселенную, не учитывая качественных превращений форм движения материи и их способности к самовоспроизведению. Этот анализ предvosхитил современные космологические концепции, отвергающие тепловую смерть как следствие игнорирования гравитационных эффектов и флуктуаций в расширяющейся

Вселенной [3, с. 228–229]. Кроме того, Энгельс провел всесторонний анализ дарвиновской теории эволюции, раскрыв ее глубокое соответствие принципам диалектического материализма. В своих работах он особо подчеркивал, что учение о естественном отборе и происхождении видов представляет собой научное подтверждение диалектических законов развития в живой природе. При этом Энгельс не ограничился простым сопоставлением, а развел эволюционную теорию, введя в нее принципиально новый аспект – роль трудовой деятельности в антропогенезе. Особое значение Энгельс придавал исследованию качественного скачка при переходе от биологической к социальной форме движения материи. В работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» [9] он показал, что именно трудовая деятельность стала решающим фактором формирования человеческого сознания, речи и социальной организации. Этот процесс рассматривался Энгельсом как яркое проявление диалектического закона перехода количества в качество, где постепенное накопление навыков и орудийной деятельности привело к коренному преобразованию всей природы человека. В результате эволюционная теория получила у Энгельса материалистическое истолкование, органически связанное с диалектическим пониманием развития как единства непрерывности и скачков.

Энгельс также раскрыл и глубокую диалектическую природу математики, показав, что ее абстрактные понятия и операции являются отражением объективных отношений реального материального мира. В «Диалектике природы» [3, с. 145–146] он подчеркивал, что такие фундаментальные математические концепции, как переменная величина, представляют собой не просто формальные конструкции, а результат многовекового процесса познания человеком количественных и пространственных закономерностей природы. Введение понятия переменной величины Энгельс рассматривал как важнейший этап в развитии математического мышления, открывший путь к диалектическому пониманию изменчивости и взаимосвязи природных процессов. Особое значение Энгельс придавал анализу перехода от постоянных к переменным величинам, который он характеризовал как революцию в математике, позволившую описать движение и развитие в природе. В дифференциальном и интегральном исчислении он видел математическое выражение диалектических закономерностей как перехода количества в качество, так и взаимосвязи прерывного и непрерывного. Этот анализ предвосхитил современные представления о математике как языке описания реальных природных процессов, где абстрактные структуры соответствуют объективным отношениям материального мира. Энгельс подчеркивал, что именно диалектический подход позволяет понять, почему математические методы оказываются столь эффективными в естествознании, поскольку они отражают универсальные связи и закономерности самой природы.

Таким образом, онтология Фридриха Энгельса, выраженная в концепции форм движения материи, представляет собой диалектико-материалистическую систему, объясняющую единство и развитие природы и конституирующую иерархию качественно различных, но взаимосвязанных уровней организации материи. В отличие от предшественников, Энгельс: отказался от натурфилософского спекулятивизма немецких философов Ф. Шеллинга (1775–1854) и Г. Гегеля, объединил диалектику с естественнонаучным материализмом, а также ввел идею иерархии форм движения материи от механической к физической, химической, биологической и социальной форме. Эта система демонстрирует поступательное усложнение, где каждая высшая форма «снимает» (в гегелевском смысле) низшую, сохраняя ее законы, но подчиняя их новым закономерностям. Однако сегодня концепция движущейся материи Энгельса

подвергается критике за ее глубокую зависимость от устаревшей научной картины мира XIX века, неспособной адекватно описать реалии современной физики (квантовые явления, относительность) и сложных самоорганизующихся систем. Ее главные недостатки – это по-прежнему наличие механистического редукционизма (сведение высших форм бытия, включая сознание, к простому движению) и претензия на универсальность диалектических законов, чье повсеместное действие в природе не подтверждается однозначно. Концепция также недооценивает фундаментальную роль контингентности, нелинейности и эмерджентных свойств, что ограничивает ее объяснительный потенциал в свете современных научно-философских знаний.

Жильбер Симондон: онтология становления и процесс индивидуации

В то время как диалектико-материалистическая онтология Энгельса предлагает масштабную картину развития материи через последовательность качественных скачков, подчиняющихся универсальным диалектическим законам, онтология Симондона совершает радикальный поворот от этой «объективной диалектики природы» к анализу имманентных процессов индивидуации, где становление предшествует бытию. Если Энгельс делает акцент на иерархию форм движения материи во Вселенной как на объективную данность, выявляемую наукой, то Симондон в своих работах [10,11,12,13,14] смещает свое внимание на доиндивидуальное поле метастабильности. А именно на такое состояние Вселенной, в котором материя не просто развивается по предзаданным законам, но и конституирует через разрешение внутренних напряжений саму возможность возникновения структур. Поэтому его подход, отвергая как телеологию, так и жесткий детерминизм, раскрывает операциональную природу реальности: мир не «подчиняется» диалектике, но непрерывно «кристаллизуется» в актах трансдукции, где каждый индивид (от атома до социальной и гибридной системы) есть временный результат незавершенного процесса. Этот переход от диалектики как «логики природы» к онтологии как «философии становления» позволяет переосмыслить единство мира не через общие законы, а через универсальность механизмов порождения различий.

Философия Симондона представляет собой радикальный вызов традиционным философским онтологиям, центрированным вокруг «готового» стабильного индивида, и в этом она чем-то поверхностно схожа с диалектическим материализмом. Вместо того чтобы принимать индивидуализированное сущее, будь то человек, вещь или идея, как исходную данность, Симондон помещает в самый центр своего мышления сложный, динамичный и напряженный процесс индивидуации. Индивидуация не обладает ни формой, ни материей и позиционирует себя как генезис (онтогенез) [15, с.117]. Вот почему сущее в философии Симондона нетривиально и не задано изначально. Оно возникает как решение проблемы. При этом, как отмечает Симондон, индивидуация больше не предполагает принципа индивидуации. Индивидуальность не происходит из принципа, а является результатом процесса, который разворачивается в системе, наделенной метастабильной реальностью, где сущее не только возникает, но и развивается [14, п.26]. Другими словами, традиционная метафизика (от Аристотеля до Лейбница) искала правило, объясняющее уникальность вещей. Так, «душа», «форма», «монада» якобы «причины» индивидуальности. Симондон отвергает это: индивид не имеет «причины», он – результат процесса, как волна возникает из ветра и воды, но не сводится к ним. Следовательно, у Симондона принцип индивидуации не предшествует индивиду как внешняя причина или готовая форма (как «форма» Аристотеля или «душа» в традиционной метафизике), а имманентно содержится и раскрывается в самом динамическом процессе становления индивида. Поэтому индивидуация у Симондона понимается как разрешение напряжений метастабильного состояния в

доиндивидуальном поле, где уже заложены, но еще не актуализированы потенциальные пути становления. Сам процесс такого разрешения (актуализация принципа) напоминает не только рост кристалла в перенасыщенном растворе [10, p. 6, 14, p. 24], но и формирование живого сущего, а также возникновение психики. В результате этот принцип становится неотделим от энергии, информации и отношений, структурирующих любую систему в ее переходе от нестабильности к относительной устойчивости.

Таким образом, принцип индивидуации для Симондона – это не статичный закон или сущность, а сама операция становления, имманентная реальности, где «душа» индивида оказывается не предзаданной субстанцией, а функцией и результатом этой непрерывной, внутренне присущей процессу индивидуирующей деятельности. Поэтому индивидуация как генезис основывает и охватывает дифференцию и становление физических, биологических, психических, социальных, а также технических и психосоциальных (трансиндивидуальных) индивидов. То есть его онтология фундаментально является онтологией становления, где бытие понимается не как статичная сущность, а как перманентное событие индивидуации [14, p. 70]. В результате процесс индивидуации у Симондона – это механизм, посредством которого доиндивидуальное поле, характеризующееся метастабильным равновесием (неустойчивым балансом потенциалов), разрешает свои внутренние напряжения через структуризацию и образование относительно устойчивых индивидов. Именно поэтому основополагающая идея Симондона заключается в том, что индивид несет в себе следы своего генезиса. Он всегда «больше чем один» так как содержит в себе доиндивидуальное измерение (остаток доиндивидуального бытия) и продолжает эволюционировать. Такое метастабильное бытие не может быть исчерпано, поскольку оно постоянно обновляется и трансформируется за счет актуализации порождаемых им энергетических потенциалов, сохраняя при этом остаток нереализованных возможностей. Здесь Симондон следует за французским ученым, лауреатом Нобелевской премии по физике Луи де Бройлем (1892–1987), у которого потенциал, понимаемый как потенциальная энергия, в квантовой механике всегда реален [16]. А именно в уравнении Шредингера потенциал обычно считается вещественным, чтобы гарантировать сохранение вероятности и эрмитовость гамильтониана (оператора полной энергии системы). В результате такая потенциальная энергия не только всегда метастабильна, но и всегда незавершена. Эта принципиальная незавершенность индивидуального бытия находит свое выражение у Симондона в концепции ассоциированной среды (индивиду-среды). А именно в рамках особого ассоциированного фона, который не просто окружает индивида, но составляет с ним единую систему [14, p. 67–72]. Ассоциированная среда не является внешним контекстом, а представляет собой продолжение самого процесса индивидуации: она сохраняет связь с доиндивидуальными потенциалами и служит пространством возможностей для дальнейших трансформаций.

Другими словами, индивид и его ассоциированная среда у Симондона – это две неразрывно связанные, но принципиально различные стороны одного процесса индивидуации. Их связь трансдуктивна и функциональна, но не тождественна. Индивид – это результат, носитель процесса индивидуации, а также метастабильная структура, достигшая относительного внутреннего равновесия (когерентности) через разрешение напряжений. Она обладает внутренней организацией (формой), которая действует как оператор, поддерживающий свою целостность. Она активна в процессе своего поддержания и дальнейшей эволюции. Другая сторона индивида – ассоциированная среда. Это среда, которая непосредственно вовлечена в процесс индивидуации данного конкретного индивида. Она не пассивна, а является необходимым условием и

участником процесса. В ней содержатся потенциалы, энергии, информация, которые индивид «извлекает» или на которые он «реагирует» для поддержания своего существования и развития. Она структурирована в соответствии с операцией индивида. Среда «ассоциируется» потому, что ее состояние и свойства становятся релевантными именно для данной операции индивидуации. Поэтому индивид и его ассоциированная среда (индивиду-среда) всегда определяют друг друга. Индивид не существует до своей среды, а среда не является ассоциированной до появления индивида, который с ней взаимодействует. Они совместно конституируются в процессе индивидуации. Например, кристалл поддерживает динамическое равновесие с раствором, из которого он образовался, а живой организм – с экологической нишей, которая одновременно и поддерживает его, а также трансформируется под его воздействием. Вот почему индивид существует не как изолированное сущее, а как узел (система) отношений в непрерывном поле становления, где границы между «внутренним» и «внешним» оказываются подвижными и взаимно проникающими^[14, p.67-72]. При этом индивидуация не прекращается с появлением индивида, а продолжается как персонализация (у человека) или дальнейшая дифференциация. Тем самым Симондон не только предлагает новаторскую теорию происхождения индивидуальности, но и создает инструмент для преодоления дуализмов (субъект и объект, душа и тело, природа и культура). В этом случае Симондон показывает, как из единого процесса становления через трансдукцию (передачу энергии и информации между разными порядками реальности) возникают сущие^[14, p.32]. Его проект – это поиск оснований для подлинно процессуальной, информационной и реляционной онтологии.

Очевидно, отвергая «готового» индивида как исходную точку, философия Симондона становится похожей на диалектический материализм. Однако в дальнейшем пути, которыми идут Симондон и диалектический материализм, расходятся кардинально в понимании самой природы реальности и механизмов ее изменения. Симондон предлагает гораздо более радикальную и нередукционистскую онтологию процесса, свободную от субстанциализма и телеологии, присущих классическому диалектическому материализму. Его понятие трансдукции принципиально отличается от диалектического отрицания как двигателя развития. Если симондонианская концепция трансдукции радикально переосмысливает сам принцип развития, отказываясь от диалектического отрицания в пользу имманентного разрешения метастабильных напряжений, то закономерным становится вопрос: как в этой процессуальной онтологии осмысливается статус индивидуального? В отличие от классических подходов, где индивид понимается как стабильная субстанция или завершенный результат развития, Симондон предлагает принципиально иную перспективу. Индивидуальное у него предстает не как данность, а как временный модус бытия или «фаза»^[14, p.31] в процессе индивидуации, которая сохраняет в себе следы своего доиндивидудального происхождения и остается открытой для дальнейших трансформаций.

Симондон радикально переосмысливает понятие фазы, заимствованное из физики, придавая ей принципиально иное философское содержание. В отличие от классического понимания фазы как временного этапа или стадии развития (что характерно для диалектического подхода), он трактует фазу как особый модус бытия, характеризующийся специфической материальной консистенцией. Для Симондона фаза – это не временной момент, как в диалектическом процессе, а скорее устойчивая (или неустойчивая) конфигурация материальности, которая может существовать в оформленном или неоформленном состоянии. В этом смысле фаза не привязана к линейной временной последовательности, а обозначает скорее качественное состояние

системы, ее внутреннюю организацию и степень структурированности. Например, кристаллизация – это не просто переход из одного состояния в другое, а возникновение новой фазы, которая, сохраняя связь с исходной средой, обретает собственную консистенцию и логику существования. То есть симондонианская фаза – это не этап развития, а материальная реальность, которая может быть как относительно устойчивой, так и метастабильной, но всегда обладает собственной внутренней динамикой, не сводимой к временной последовательности. Это позволяет ему выйти за рамки диалектики Энгельса, где «момент» всегда подчинен логике процесса, и предложить онтологию становления, в которой фазы сосуществуют, взаимодействуют и трансформируются без жесткой привязки к линейному времени. В этом случае фазы – это не уровни иерархии, а способы организации доиндивидуального, где в этом смысле индивид – это фаза сущего. Иными словами, такой взгляд позволяет преодолеть традиционную оппозицию части и целого: индивид не только встраивается в готовую структуру мира, но и постоянно переопределяет себя и свои границы через взаимодействие с сохраняющимся доиндивидуальным фоном. Этот процессуальный подход к индивидуальности особенно важен для понимания сложных форм организации – от физических систем до живых организмов и социальных структур, где жесткие категории классической метафизики оказываются недостаточными.

Итак, у Симондона первичной реальностью (первоосновой) является доиндивидуальное поле, состоящее из разности потенциалов, напряжений и энергий. То есть Симондон описывает «доиндивидуальное» как метастабильное поле напряжений (информацию), где отсутствуют четкие границы между потенциальными формами. Это не пассивная материя, а динамическая среда, насыщенная противоречивыми силами и неразрешенными различиями, своего рода «метастабильный резервуар возможностей»[\[14, p.30-32\]](#), из которого кристаллизуются индивидуальные структуры (индивиду). Важная характеристика такого состояния – неустойчивое равновесие: система содержит в себе множественные потенциалы (например, термодинамические градиенты, электрохимические различия), которые требуют разрешения через трансдуктивный акт индивидуации. Симондон подчеркивает, что доиндивидуальное поле нельзя сводить к хаосу. Это скорее поле, где уже заложены условия для возникновения порядка, но сам порядок еще не актуализирован[\[14, p.58\]](#). То есть доиндивидуальное поле бесфазно и в нем нет разделения на индивиды или среды, а есть только напряжения, ищащие своего разрешения. Более того, такое «доиндивидуальное» всегда есть в виде неразрешенного остатка у индивидов. Отсюда следует, что в процессе становления разных фаз индивидуации это «доиндивидуальное» принимает уникальную и метастабильную форму, ориентированную на определенные типы этих индивидов.

Отметим, что Симондон выделяет следующие фазы индивидуации, где «доиндивидуальное» проявляется по-разному. Во-первых, физическая фаза – базовый уровень индивидуации, где индивиды возникают через пространственную, временную и рекурсивную организацию материальности. Симондон противопоставляет это гилеморфизму Аристотеля[\[17, c.187-222\]](#) и субстанциализму Р. Декарта (1596–1650)[\[18, c.350-354\]](#), предлагая процессуальную модель становления. Здесь физическая фаза (физический индивид) возникает не из комбинации предзаданных элементов, а через самоорганизацию материальности в ответ на внутренние напряжения доиндивидуального поля. Пространственно-временная структура (например, кристаллическая решетка или вихревой поток) есть не «приданная» извне сущность, а эмерджентное разрешение потенциалов самой материальной среды – следствие ее операциональной способности к созданию структур. В результате индивид на физическом уровне есть не статичный

«объект», а стабилизированный режим непрерывного процесса, где материальность выступает не субстратом, а активным агентом собственного оформления [14, р.31].

Во-вторых, возникает биологическая фаза индивидуации, переход к которой от физической фазы индивидуации представляет собой не разрыв, а естественное продолжение единого процесса становления. В этом случае после завершения физической индивидуации (например, кристаллизации), остаются не только метастабильные зоны (дефекты кристаллической решетки, поверхностные напряжения), но и возникают новые энергетические градиенты, не нашедшие разрешения, а также «нереализованные» структурные потенциалы. Эти метастабильные и контингентные остатки «доиндивидуального» и становятся предпосылкой для индивидуации новой биологической фазы [14, р.58]. Например, эмбриональное развитие зависит не только от генов (относительно стабильный фактор), но и от эпигенетических факторов (контингентные остатки ассоциированной среды и контингентные взаимодействия клеток). В этом случае эпигенетические факторы влияют на то, как именно гены будут экспрессироваться, приводя к вариациям даже у генетически идентичных организмов. Таким образом, благодаря трансдуктивной операции, включающей в себя механизмы рекурсии, происходит перенос напряжений между уровнями индивидуации. То есть физические напряжения (диспарации, потенциалы, информация) на границе ассоциированной среды биологического индивида преобразуются или разрешаются через трансдукцию, порождая внутреннюю структуру этого индивида, которая затем непрерывно модулируется в ответ на возникающие напряжения. Поэтому становление структуры биологического индивида (морфогенез) – это имманентный процесс системы, управляемый ее собственными напряжениями через трансдукцию и модуляцию, а не внешним полем. Иными словами, Симондон предлагает радикально процессуальную онтологию, где форма – это не статичная данность и не управляющее поле, а сам процесс постоянного разрешения напряжений и адаптации. Здесь морфогенез – это и есть индивидуация в действии (имманентный процесс самоорганизации через разрешение напряжений, трансдукцию и модуляцию). В результате биологическая индивидуация не заменяет физическую, а разворачивает ее потенциалы в новом «регистре бытия», сохраняя при этом связь с исходными физическими условиями.

В-третьих, психическая индивидуация у Симондона представляет собой процесс становления человеческого «Я» как динамической системы, преодолевающей внутренние противоречия через постоянный диалог с окружающим миром. В отличие от классических теорий, где психика рассматривается как замкнутая субстанция (например, картезианско «Cogito») [18, с.250–296, 19, с.3–72], Симондон описывает ее как метастабильное поле аффектов и перцепций, которое структурируется через взаимодействие с физическими и социальными средами. Ключевой механизм здесь – трансдуктивное разрешение психического напряжения в символические формы (язык, образы, жесты), что позволяет разрешать внутренние конфликты не путем их подавления, а через творческое преобразование. Например, детские страхи не исчезают, но перерабатываются в фантазии или социальные навыки, становясь частью личности. Этот процесс принципиально незавершен. Психика никогда не достигает статичного равновесия, поскольку постоянно сталкивается с новыми доиндивидуальными напряжениями (внешними вызовами, телесными изменениями, культурными противоречиями). В этой связи Симондон подчеркивает, что индивид – это не состояние, а «траектория» [12, р.47], где даже сформировавшиеся черты характера остаются пластичными под влиянием трансиндивидуального поля отношений. Поэтому такие отношения – это не то, что «субъект – субъект», как у Э. Гуссерля (1859–1938), а поле

сил, смыслов и физических практик, которые трансформируют самих индивидов и порождают коллективные формы (язык, институты и технологии). Например, взрослый человек, осваивая новый цифровой технический «интерфейс» (новую среду) не только приобретает навык, но и модифицирует свою психическую организацию, способ восприятия времени, памяти, даже эмоций. В этом смысле психическая фаза индивидуации оказывается перманентным становлением, где устойчивость метастабильного «Я» обеспечивается не неизменностью, а способностью к постоянной пересборке.

В-четвертых, коллективная фаза индивидуации у Симондона представляет собой процесс, в котором социальные группы возникают не как простые суммы индивидов, а как трансиндивидуальные системы, превосходящие индивидуальный уровень [12, p.165-172]. Этот процесс аналогичен физической и психической индивидуации. Однако разворачивается он в рамках взаимодействий множества индивидов, технологий и культурных кодов в более сложном [20, с.72] трансиндивидуальном поле. Например, язык, будучи трансиндивидуальным образованием, не принадлежит ни одному носителю, но при этом формирует их мышление и коммуникацию. Коллективная фаза индивидуации разрешает социальные напряжения (конфликты интересов, культурные противоречия) не через подавление, а через создание новых форм организации: законов, ритуалов, институтов, которые становятся «ассоциированной средой» для дальнейшего развития [12, p.178-180]. В данном контексте коллективная фаза индивидуации, как все другие фазы, являются незавершенными и открытыми. В отличие от теории диалектико-материалистической онтологии Энгельса, где социальные структуры рассматриваются как стабильные и надындивидуальные, Симондон подчеркивает, что они всегда сохраняют связь с доиндивидуальными потенциалами (неартикулированными аффектами, нерешенными конфликтами) и потому способны к трансформации. Например, технологические прорывы – это не «сбои» системы, а моменты ее реиндивидуации, когда старые формы распадаются, а новые кристаллизуются из коллективных практик (новые режимы трансиндивидуальности) [12, p.200-202]. Поэтому коллективная фаза индивидуация – это не итог, а перманентный процесс, в котором общество, как и индивид, остается «фазой» в непрерывном становлении.

Необходимо подчеркнуть, что у Симондона психическая и коллективная фазы индивидуации, в отличие от физической и биологической фаз, появляются в рамках его теории одновременно и неразрывно. В этом случае Симондон радикально отходит от традиционных иерархий. Например, в классических моделях психическое и социальное часто рассматриваются как отдельные уровни (например, Э. Дюркгейм, О. Конт, Э. Гуссерль, Т. Парсонс и т.д.). Но для Симондона принципиально, что человеческая индивидуация требует двойного движения: внутрь (психическое) и вовне (коллективное). Поскольку человек по своей природе всегда есть сущее, разорванное между внутренними напряжениями и необходимостью их выражения вовне. Причина такого «разворота» лежит в критике Симондоном понятия «индивиду как монада». Он показывает, что психическое не может стабилизироваться в изоляции, ему требуется перевод в символы, жесты, язык, которые, по определению, трансиндивидуальны. Отсюда его знаменитый тезис: «Нет психического индивида, есть психическая индивидуация, всегда уже обращенная к коллективному» [12, p.36]. В этом случае трансиндивидуация у Симондона представляет собой процесс, выходящий за пределы индивидуального существования, но не растворяющийся в коллективном. Это особая форма бытия, где индивиды сохраняют свою уникальность, одновременно участвуя в создании новых форм реальности [12, p.203-205]. В отличие от традиционных концепций

интерсубъективности, трансиндивидуальное не сводится ни к сумме индивидуальных сознаний, ни к надиндивидуальным структурам, а представляет собой поле отношений, в котором происходит взаимное преобразование индивидов и среды. Например, научное сообщество как трансиндивидуальное поле не только объединяет исследователей, но и создает условия для появления новых идей, которые не могли бы возникнуть в изолированном сознании отдельного ученого [12, р. 203–205]. Другими словами, это энергетический и смысловой резервуар, питаемый аффектами, конфликтами, творчеством живых существ.

Следовательно, согласно разработанной Симондоном концепции «онтологии становления», трансиндивидуальность формируется через динамическое взаимодействие противоположных начал, между которыми устанавливаются сложные отношения взаимного влияния. Эти взаимодействия создают особое пространство становления, где происходит постоянное преобразование как индивидуального, так и коллективного начал. В качестве примера можно привести моральный выбор, где противоположные ценности (добро и зло) не просто противостоят друг другу, но создают напряжение, требующее творческого разрешения. Такая философская позиция предполагает многоуровневое понимание реальности. В этом случае процессы индивидуации разворачиваются как в горизонтальной плоскости отношений (социальной), так и в вертикальной (онтологической) плоскости отношений. Подобный подход позволяет по-новому осмыслить проблему веры в современный мир и открывает перспективы для формирования новых мировоззренческих ориентиров. В этом контексте трансиндивидуальные отношения предстают как непрерывный процесс преобразования, который можно охарактеризовать как «перманентное обновление социального». Особое значение в этой системе координат приобретает точка пересечения коллективного и индивидуального начал, которая становится источником и одновременно результатом трансиндивидуальных процессов. Именно в этом пространстве взаимодействия происходит постоянное переосмысление и преобразование человека как личности, так и социальных структур.

Вместе с тем трансиндивидуальные отношения в «онтологии становления» Симондона в значительной степени активно опосредованы техническими объектами, которые развивают психосоциальную (трансиндивидуальную) сплоченность и способствуют ей. В онтологии у Симондона технический объект (система) является полноценным участником онтологических процессов, обладающий собственной «технической индивидуальностью», внутренней логикой («конкретизацией») и способный вступать в трансиндивидуальные отношения в интервале между человеком и миром. Как утверждает Симондон: «...«технический объект» должен пониматься в двух смыслах: объектом является то, что относительно отделимо, как этот микрофон, как какая-нибудь вещь, которую можно взять с собой, что предполагает наличие у нее измерений, позволяющих обращаться с ней тем или иным образом и соответствующих силам человеческого тела. Кроме того, объектом является также то, что в истории может быть потеряно, забыто, вновь найдено – в общем, то, что обладает некоторой автономией и индивидуальной судьбой. Когда промышленность производит объекты, которые она выпускает на рынок, потом теряет к ним интерес, то начинается их личное существование. В общем, они как организмы, только не живые. Вот почему можно говорить об объектах» [21, р. 400].

Иными словами, технический объект понимается не как статичная вещь, а как сущее, обладающее внутренней историей становления. В процессе своей эволюции технические устройства проходят путь конкретизации, что проявляется в усилении функциональной взаимосвязанности их компонентов. Этот процесс характеризуется следующими

особенностями. Во-первых, переходом от абстрактному к конкретному, что способствует технической эволюции представлять собой движение от первоначальной разрозненности элементов к целостной системе, где части приобретают многозначные функции в рамках единого ансамбля. То есть Симондон рассматривает конкретизацию как показатель совершенствования, а абстрагирование считает распадом функциональных связей или, по-другому, возвратом к механическому соединению независимых модулей. Во-вторых, формированием «внутреннего резонанса», благодаря которому усиливается синергия и элементы технического объекта начинают взаимодействовать по принципу взаимного усиления, уменьшая энергетические потери и структурные противоречия [10.р.48-52]. В-третьих, обретением онтологической автономии, согласно которой конкретизированный объект перестает быть простой суммой деталей. Он превращается в технического индивида с собственной логикой функционирования. Его «самодостаточность» проявляется не в изоляции, а в способности поддерживать внутренние связи при взаимодействии со средой [10.р.60-63].

Таким образом, технический объект (как результат технической индивидуации) – это не конечная остановка, а «узел» в этой бесконечной, разветвленной, поступательной, но не линейной сети рекурсивных трансдукций. Его «возврат» стремится не назад к истокам, а вперед в качестве условия и проблемы для следующего акта становления. Бытие техники – это вечное участие в этом потоке, где прошлое трансдукции материализовано в ее структуре, а будущее – порождаемых ею новых напряжениях. Безусловно, прозорливость Симондона поразительно подтверждается современными технологиями: он предвосхитил не только развитие эволюционной биологии, но и возникновение глобальных компьютерных сетей, став провидцем философии техники. Однако его главное значение сегодня – в переосмыслении социальной субъектности: симондонианская онтология бросает вызов традиционным представлениям о природе идентичности и коллективности в цифровую эпоху, заставляя пересматривать сами основы человеческого бытия в мире.

От диалектики к трансдукции: сравнение онтологических теорий Энгельса и Симондона.

Понимание бытия как динамической саморазвивающейся материи, подчиненной универсальным законам диалектики, стало краеугольным камнем онтологии Ф. Энгельса. В его диалектическом материализме материя предстает объективной вечной субстанцией, чье движение и развитие обусловлены внутренними противоречиями, разрешающимися через скачки и отрицание отрицания и которые закономерно в дальнейшем ведут к прогрессу от неорганической природы к жизни, сознанию и обществу. Эта грандиозная система предлагала всеобъемлющее, детерминистское (пусть и не исключающее случайности в рамках необходимости) объяснение мира, где любой объект или субъект, будь то атом или человек, мыслится как закономерный результат действия этих универсальных диалектических законов, воплощенных в конкретных формах материи. Онтология Энгельса утверждала примат целого (объективных законов развития) над частным и ставила задачу познания этих законов как высшую цель науки. Однако в середине XX века Ж. Симондон предложил радикально иную онтологическую перспективу, сместив фокус с универсальных законов субстанции на сам процесс становления индивидов. Его концепция, центрированная вокруг индивидуации, исходит не из готовой материи или предзаданных форм, а из доиндивидуального поля напряжений, энергий и потенциалов. Ключевым инструментом понимания этого становления для Симондона становится не диалектика противоречий, а трансдукция – операция, посредством которой структура разрешается и переносится через саму себя в

процессе индивидуации, порождая новые, нередуцируемые к предыдущим состояниям реальности. Индивид здесь не конечный продукт, а фаза в непрерывном процессе становления, обладающая внутренней активностью и открытостью. И более того, этот переход от диалектики к трансдукции знаменует сдвиг от объяснения мира через субстанцию и ее законы к его пониманию через становление, отношения и внутреннюю операциональность самого процесса индивидуации.

Итак, развивая свой метод, Симондон критически упоминает эпистемологию прагматизма и логического эмпиризма, полностью от них дистанцируясь. Аналогичное неприятие он проявляет к гегелевской диалектике, редко указывая источник. Обращаясь к Марксу и Энгельсу при анализе отчуждения, особенно в контексте диалектики господина и раба [10, р. 165-167], Симондон часто рассматривает диалектику Гегеля и диалектический материализм Маркса и Энгельса как единую философскую позицию [1, 22]. При этом, проводя сравнение онтологий Энгельса и Симондона, мы можем отметить как точки условного совпадения, так и следующие фундаментальные различия.

Во-первых, фундаментальное расхождение в понимании материи характеризует онтологии Энгельса и Симондона. Для Энгельса, одного из основателей диалектического материализма, материя есть первичная, вечная, объективная субстанция, независимая от сознания и являющаяся основой всего сущего. Ее неотъемлемый атрибут – движение, понимаемое как способ ее существования. Материя здесь – субстрат и носитель диалектических законов. Напротив, Симондон радикально отвергает субстанциальную трактовку материи. Его процессуальная и реляционная онтология исходит из «доиндивидуальной реальности» – поля энергий, потенциалов, напряжений и отношений, предшествующего всякой индивидуальности. В этой парадигме сложности «материя» не исходная данность, а поле потенциалов для индивидуации, возникающее из этого доиндивидуального состояния. Поэтому ключевое отличие заключается в том, что Энгельс утверждает материю как исходную субстанцию, а Симондон видит в ней реляционный момент процесса, где онтологически первичны не вещи, а отношения и процессы их конституирования.

Во-вторых, природу изменения и развития Энгельс и Симондон понимают радикально различно. Энгельс видит развитие как прогрессивный диалектический процесс, управляемый универсальными законами (борьба противоположностей, переход количества в качество, отрицание отрицания), где противоречия выступают его «мотором», а скачки ведут к более высоким уровням. В противовес этому Симондон заменяет диалектику индивидуацией как ключевым процессом становления нового, основанным на трансдукции. Трансдукция – это конкретная операция, разрешающая метастабильные напряжения доиндивидуального поля и переносящая структуру через саму себя. В этом случае важными отличиями являются: а) «двигатель» эволюции: (диалектическое противоречие, ведущее к разрешению) у Энгельса и метастабильное напряжение (многовариантное по исходу) у Симондона; б) логика: универсальная диалектическая триада (предзаданная логика) у Энгельса и имманентная операция (создающая логику ситуации) у Симондона; в) направленность: гарантированный прогресс у Энгельса и принципиальная открытость (без предзаданной цели) у Симондона. Единственное условное сходство – признание скачкообразного характера изменений (качественные скачки и фазовые переходы) и наличия внутренней логики процесса.

В-третьих, статус индивида и его происхождение кардинально различаются в онтологиях Энгельса и Симондона. У Энгельса индивид любого уровня (атом, организм, человек)

есть закономерный продукт действия универсальных диалектических законов материи на определенной ступени ее развития. Индивид подчинен этим законам, а его сознание и мораль детерминированы материальными условиями. Симондон радикально переосмысливает это: индивид – это не только результат, а фаза процесса индивидуации, а также «носитель» ее продолжения (психической и коллективной индивидуации). Он – решение проблемы метастабильности, сохраняющее связь с доиндивидуальным полем и потенциал дальнейшего становления. В связи с этим ключевыми отличиями являются: а) сущность: продукт законов (илюстрация необходимости) у Энгельса и фаза или событие процесса (конкретный исход трансдукции) у Симондона; б) активность: детерминированность (вторичная активность, подчиненная целому) у Энгельса и внутренняя активность (как носителя продолжающейся индивидуации) у Симондона; в) связь с целым: часть, подчиненная законам целого (природа, общество) у Энгельса и активный узел в сети трансиндивидуальных отношений у Симондона. Единственное условное сходство – признание возникновения индивида в процессе развития динамической реальности.

В-четвертых, эпистемологические подходы Энгельса и Симондона представляют собой принципиально разные проекты. Для Энгельса познание есть отражение в сознании объективных диалектических законов, управляющих природой и обществом. Цель науки – выявить и сформулировать эти универсальные законы, применяя диалектику как метод. Симондон отвергает эту модель «отражения» и априорную методологию. Для него понимание реальности требует следования за самим процессом индивидуации и изучения его трансдуктивных операций. Акцент смещается на генезис, а трансдукция становится эпистемологическим принципом, требующим воспроизведения мышлением операционности становления. Трансдукция всегда соответствует мышлению, которое конституируется внутри области посредством прохождения. В этом случае ключевым отличием является то, что Энгельс утверждает возможность познания универсальных объективных законов через диалектический метод, тогда как Симондон видит задачу в имманентном понимании конкретных операций (трансдукции), конституирующих реальность, отвергая универсальную априорную методологию (диалектику) в пользу анализа самого становления. Единственное условное сходство – признание важности динамического и конкретного подхода к реальности.

Кроме того, в отличие от Энгельса, Симондон предлагает нередукционистский взгляд на контингентность. Для него мир – это небаланс между необходимостью и случайностью, а поле контингентных и метастабильных состояний, где контингентность встроена в саму ткань бытия. Это значит, что новизна в природе и обществе рождается не из «законов», а из непредсказуемых трансдуктивных моментов перехода между состояниями. Такой подход ближе к современным теориям хаоса, сложных адаптивных систем и нелинейной динамики, где контингентность – не отклонение от нормы, а источник креативности самой реальности.

Заключение

Таким образом, сравнительный анализ онтологий Энгельса и Симондона демонстрирует не частные расхождения, а глубинный сдвиг в философской парадигме понимания бытия. Переход «от диалектики к трансдукции» знаменует радикальную онтологическую трансформацию: от субстанции с ее универсальными законами к процессу и отношениям как первичной реальности; от объяснения через априорную необходимость диалектики к пониманию через имманентные операции трансдукции, разрешающей метастабильность; от индивида-продукта детерминирующих сил к индивиду-фазе и активному носителю непрерывного становления; от познания как отражения объективных законов к

познанию как следованию за операциональной логикой генезиса. Поверхностные сходства (динамизм, скачкообразность изменений) меркнут перед этим фундаментальным переворотом в трактовке реальности, времени, индивидуальности и самого акта познания. В контексте вызовов современной науки и философии – от сложности биологических систем и искусственных нейросетей до нелинейных социальных процессов – методология Симондона приобретает неоспоримую эвристическую ценность и должна быть взята за основу. Его процессуальная и реляционная онтология и трансдуктивный подход предлагают незаменимый инструментарий для осмыслиения сущего, которая все реже укладывается в прокрустово ложе жестких детерминистских схем и универсальных законов классического типа. Акцент на генезисе, метастабильности, конкретных операциях, индивидуации и внутренней активности систем позволяет адекватно описывать становящиеся, открытые и самоорганизующиеся феномены, характеризующие современный научно-философский ландшафт. В отличие от априорной диалектики Энгельса, требующей подведения явлений под готовые схемы, метод «следования» Симондона, основанный на имманентном анализе операций становления, обеспечивает гибкость, адаптивность и чувствительность к уникальности процессов, что является не просто предпочтительным, но необходимым условием продуктивного познания сложности XXI века. Онтология Симондона, таким образом, предстает не просто альтернативой, а методологической основой для актуального философского и междисциплинарного исследования.

Библиография

1. Ивахненко Е.Н. Аллагматика Симондона vs диалектика Гегеля // Вестник Московского университета. 2023. Т. 47. № 6. С. 107-126.
2. Саяпин В.О. Контингентность и метастабильность как концепты самоорганизации современного социума // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. Воронеж, 2024. № 2. С. 47-53. EDN: XRPMKZ.
3. Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Политиздат, 1953. 328 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Книга вторая. / Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП (б). Под ред. Д. Рязанова. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1925. 502 с.
5. Кедров Б.М. Энгельс и диалектика естествознания. М.: Политиздат, 1970. 471 с.
6. Гегель. Наука логики. Том I. Чехов: Primedia E-launch LLC, 2017. 540 с.
7. Конт О. Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 256 с.
8. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20. М.: Политиздат, 1961. 827 с.
9. Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. М: ОГИЗ, 1939. 19 с.
10. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. 266 p.
11. Simondon G. L'individu et sa genèse physico-biologique. Paris: Presses universitaires de France, 1964. 304 p.
12. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
13. Simondon G. Gilbert Simondon: une pensée de l'individuation et de la technique. Paris: Albin Michel, 1994. 278 p.
14. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
15. Свирский Я.И. Концептуальные особенности философской стратегии Жильбера Симондона // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1. № 3 (33). С. 111-125. DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.1-111-125. EDN: ZFTMWL.
16. Broglie L. de. Ondes et mouvements. Paris: Gauthier-Villars, 1926. 133 p.

17. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М: Мысль, 1976. 550 с.
18. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Т. 1. М.: Мысль, 1989. 654 с.
19. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Т. 2. М.: Мысль, 1994. 633 с.
20. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель. Ч. 1-я // Философия науки и техники. 2015. № 2. С. 70–84. EDN: VCVPHD.
21. Simondon G. Sur la technique (1953–1983). Paris: Presses universitaires de France, 2014. 460 р.
22. Григорова Я.В., Тимашов К.Н. Диалектика и трансдукция в философии Жильбера Симондона // Философский журнал. 2024. Т. 17. № 3. С. 76-90. DOI: 10.21146/2072-0726-2024-17-3-76-90. EDN: AQHBPG.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Темой рецензируемой статьи является сравнение общефилософских представлений Ф. Энгельса и Ж. Симондона. Появление этой темы в сфере интересов современных исследователей представляется вполне естественным. Дело в том, что Симондон – один из самых «диалектических» мыслителей в постклассической философии, если только это понятие трактовать так же широко, как трактовал его сам Энгельс, отмечая, например, диалектические черты у современных ему естествоиспытателей. И правильно, конечно, что в статье даётся сравнение именно с Энгельсом, а не с диалектическим материализмом как философской системой в целом, поскольку из «классиков-основателей» именно Энгельс в поздний период своего творчества интересовался теми универсальными философскими сюжетами, с которыми можно соотнести размышления Симондона. Статья производит благоприятное впечатление, для автора характерны эрудиция и понимание принципиального отличия постклассической философии от диалектики, которая, конечно же, укоренена в классической философии и просто «выстрадана» последней на заключительном этапе её существования. Наиболее существенная слабость статьи, по мнению рецензента, состоит в том, что автор в ряде случаев стремится увидеть различия взглядов Симондона от позиции Энгельса в тех пунктах, где их, в действительности, нет, или, в крайнем случае, они носят не столь принципиальный характер. Прежде всего, автор ошибочно приписывает Энгельсу «субстанциализм»: Энгельс, вне всякого сомнения, согласился бы с теми «поправками», которые высказывались Симондоном и повторяются автором статьи. Например: «Это не просто спор о приоритете «материи» или «процесса», а фундаментальное столкновение двух способов мыслить саму природу бытия: как завершенную систему или как непрерывное творчество». Где Энгельс говорит о «природе бытия» как «завершённой системе»? Это просто недоразумение, сложившееся, возможно, под влиянием «усреднённого» прочтения Энгельса советскими философами. Далее, а на каком основании вообще «материя» противопоставляется «процессу»? Она противостоит не «процессу», а идеальному началу (Энгельс чаще всего использует для его обозначения «дух»), и сама материя во всём многообразии её форм – насквозь «процессуальна»! Не следует из тезиса о «материальности» бытия выводить его «стабильность», «субстанциальность», «замкнутость» и т.п., это – тот самый «метафизический материализм», с которым Маркс и Энгельс боролись не менее решительно, чем с идеализмом. По существу, автор статьи просто путает «основания деления»: подменяет «материальность» – «идеальность» «статичностью» – «процессуальностью»; рискну предположить, что Энгельс вообще принял бы выражение «процессуальная онтология»,

а если бы и отказался, то не из-за «процессуальности», а из-за «онтологии», поскольку считал, что после Гегеля в сфере философии остаются только законы мышления (об этом выразительно сказано в «Людвиге Фейербахе»). Соответственно, такая квалификация, как «онтология завершённости», просто неприменима к Энгельсу, да и к диалектическому материализму в целом. «Процессы индивидуации» отнюдь не противоречат «объективной диалектике природы», да Энгельс был бы полностью согласен и с (противопоставляемым его позиции) тезисом, что «становление предшествует бытию», «бытие» – лишь «абстракция» от «становления». И когда автор указывает, что «Симондон радикально отвергает субстанциальную трактовку материи», можно добавить, что и у Энгельса с подобной «трактовкой» ничего общего не было. А когда он уточняет, что «процессуальная и реляционная онтология» Симондона «исходит из «доиндивидуальной реальности» – поля энергий, потенциалов, напряжений и отношений», то мы, в свою очередь, можем сказать, что интерес к «энергии», «отношениям» и т.д. во времена Энгельса был бы странен из-за того состояния науки, которое он мог наблюдать. Конечно, отмеченная тенденция радикализации различий между двумя мыслителями, на взгляд рецензента, ошибочна, хотя это и не умаляет отмеченные выше достоинства статьи. Думается, автор сможет учесть представленные здесь замечания в последующих публикациях. Статья может быть рекомендована к печати и в её сегодняшнем виде в качестве выражения вполне определённой авторской точки зрения, правда, хотелось бы порекомендовать в рабочем порядке отредактировать стилистические и пунктуационные погрешности, которые до сих пор остаются в тексте.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Маркова Е.В. Коммуникативный подход в философии библиотеки как социального института // Философская мысль. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.8.74693 EDN: WUASGJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74693

Коммуникативный подход в философии библиотеки как социального института

Маркова Елизавета Владимировна

ORCID: 0009-0009-6682-2000

аспирант; кафедра Социально-политических коммуникаций; Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
Заведующий Отделом обслуживания научной и художественной литературой; Научная библиотека;
РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России

121500, Россия, г. Москва, 100, 1/3, кв. 1117

[✉ markovaev11@yandex.ru](mailto:markovaev11@yandex.ru)[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2025.8.74693

EDN:

WUASGJ

Дата направления статьи в редакцию:

03-06-2025

Аннотация: В данной статье рассматривается коммуникативный подход в рамках социальной и политической философии библиотек как социального института с практической точки зрения. Предметом исследования выступает коммуникативный подход в философии библиотеки как социального института. В ходе тщательного анализа и сравнения указанных научных исследований, а также их методологического описания предложенные методы исследования используются для решения проблем, связанных с коммуникативным подходом в философии библиотек как социального института. Данное исследование вносит некоторый собственный научный вклад в понимание коммуникативного подхода в философии библиотек как социального института на основании тщательного анализа имеющихся научных данных, охватывающего свежие научные публикации. Библиотека – термин, вызывающий в представлении большинства образ некой комнаты со множеством книжных полок. Однако это не просто хранилище информации, а сложный и многогранный социальный институт. Библиотеку можно

определить как отражение ценностей, знаний и устремлений общества, а также как активного участника его становления и развития. Применяется практический проблемно-ориентированный подход. Основное внимание в предлагаемом исследовании уделяется принципам философского познания с фокусом на философский и научный характер исследования. Методология исследования включает как общенаучные методы, так и специальные. Применяется сравнительный анализ научных источников. Целью данного исследования является изучение библиотек как социального института и коммуникативного подхода в философии библиотек. Задачей данного исследования является изучение вопросов, связанных с коммуникативным подходом в философии библиотек как социального института. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмыслиния роли библиотек в современном цифровом обществе, с теми вызовами, которые связаны с развитием информационных технологий, изменением коммуникативных практик и потребностей пользователей. Тема является современной и значимой для библиотековедения, социальной философии и теории коммуникации. Научная новизна работы заключается в систематизации представлений о коммуникативном подходе в библиотечной философии и его практической интерпретации. Исследование охватывает теоретические аспекты библиотечной философии и практические методы реализации коммуникативного подхода. Феномен библиотеки анализируется через призму социальной философии, библиотека рассматривая не только как хранилище знаний, но и как активный участник коммуникативных процессов в обществе.

Ключевые слова:

философия, библиотека, философия библиотеки, коммуникативный подход, социальный институт, институты, общество, социальная философия, политическая философия, коммуникации

Введение

В настоящее время в научном сообществе циркулирует значительное количество определений понятия "социальный институт". В контексте данного исследования предлагается следующее определение понятия "социальный институт":

1. Стабильная форма определённой организации в контексте философско-исторического развития, объединяющая определенный вид деятельности или ряд видов деятельности, осуществляемых отдельными лицами;
2. Систематизированные в рамках единого организма социальные связи и нормы с целью удовлетворения социальных потребностей первостепенного значения.

В контексте изучения философии библиотек как социальных институтов представляется важным раскрытие понятия "библиотечная философия". Библиотека - это феномен, который уже давно представляет интерес для исследователей-философов благодаря своей неоднозначности и многогранности. Чтобы сделать обзор более сфокусированным, приведем несколько наиболее значимых в контексте данного исследования отечественных примеров.

Исследовательница М.Ю. Дворкина в своей фундаментальной работе выдвигает новый методологический подход к философии библиотек, отказавшись от традиционного идеологического подхода в пользу акцента на свободе мысли [11 ; 12]. Данный подход

интересен своей однозначной революционностью взглядов на философскую концепцию библиотеки самой по себе. Свобода мысли ранее не превалировала в концепте библиотечной философии, если взять во внимание требования космического порядка, предъявляемого к библиотеке с древних времён.

Исследователь А.И. Ракитов рассматривает философию библиотеки через призму философии знания, подчеркивая ключевую роль общества как потребителя знаний и сводя функцию библиотеки к ее утилитарному назначению – предоставлению знаний [37]. Такая точка зрения интересна акцентом на практическое применение в концепте библиотечной философии, что отзывается в классическом её представлении «дома знаний», «дворца мудрости».

Необходимо указать, что на рубеже 1990-х годов библиотечная философия в России характеризовалась ориентированием на торговлю и рыночные отношения, а также маркетинговым подходом. Выживание библиотек являлось острой проблемой, появились идеи и концепции самоокупаемости библиотек. Однако впоследствии такой подход был общепризнан непоследовательным и несовместимым с фундаментальными принципами библиотечной деятельности, хотя в настоящее время в библиотечных кругах поднимаются вопросы зарабатывания библиотеками денежных средств собственными дополнительными услугами [9]. По нашему мнению, указанный подход безальной теоретической базы не может быть рассматриваем для реализации на практике.

Исследовательница Л.Н. Гусева трактует философскую миссию библиотеки как создание нерушимого Храма культуры, гуманистической целью которого является достижение всеобщего культурного просвещения [10]. В этом контексте видны сходства со взглядами на философский статус библиотеки как «гуманистического храма наук» таких весомых деятелей философии и культуры как В.Г. Белинский, Н.А. Рубакин, Д.С. Лихачёв, с мнениями которых, на наш взгляд, нельзя не согласиться.

В философии библиотек, сформулированной С.А. Порошиным, доминируют теоретические и идеологические основы. Эти основы включают библиотеку как ценность саму по себе, единство библиотеки и человечества, будущее библиотеки, в частности, концепцию свободы и идеал супербиблиотеки [35]. Можно увидеть некоторое сходство с Ницшеанской концепцией «сверхчеловека», что так же, на наш взгляд, лишено возможности практического применения, поскольку слабо представимо для реализации на практике.

Анализируя последние публикации по философии библиотеки, а также публикации, освещающие биографии выдающихся библиотековедов, философов и других выдающихся личностей в области просвещения читателей, можно сделать вывод, что эта тема представляла интерес для различных групп исследователей, включая как философов [8 ; 14], историков [4] археологов [34], психологов [7], культурологов [17], педагогов [21], так и юристов [5], социологов [26], журналистов [18].

Если обратиться к классическим трудам по теории коммуникации, то в рамках нашего исследования будут интересны следующие. И.Т. Фихте [41] абсолютизирует человеческое индивидуальное Я таким образом, что минуя принцип диалогичности межличностной коммуникации торжествует принцип монологичности. Так же в библиотечной философии срабатывает принцип книга – читатель. По Ф.Д. Шлейермахер в вопросе теории коммуникации превалирует субъект-субъектное отношение, то есть отношения равных, что в библиотечной философии может быть рассмотрено сквозь призму отношения

библиотекарь – читатель или читатель – читатель или библиотекарь-библиотекарь [43]. По К. Ясперсу экзистенциальная коммуникация возникает в момент «существования к сущности» и имеет отличие от объективной коммуникации общностью между людьми, что прямо отражает общение в рамках философии библиотеки [44].

В данном исследовании приводится и делается акцент на мнении русского философа и библиотековеда Н.Ф. Федорова, который рассматривал библиотеку с философской точки зрения как образ книги, оглавление которой представляет собой умозрительный библиотечный каталог с перечнем всего книжного собрания [40]. Философию библиотеки можно рассматривать как научную совокупность знаний, касающихся теоретических и философских вопросов и проблем, присущих библиотеке. В то же время библиотека как социальный институт остается в центре внимания исследователей. Стоит отметить, что переиздание философских трудов Н.Ф. Федорова в 1980-е годы имело последствия для развития философской мысли и культуры в стране в целом [42].

Внимание привлекло также исследование Е.В. Ильиной, которая представляет парадигму библиотеки ОМ, основанную на трудах философа Н.Ф. Федорова, в контексте закона единства всего во всем. Библиотека ОМ в своей философии деятельности проводит свою зависимость от каждой мелочи – от здания, в котором она расположена, до расстановки мебели и расположения каталогов [18]. Свежим зарубежным библиотечным опытом в рамках свежего примера выступает пекинская «библиотека-лес знаний», которая олицетворяет собой парадигму ОМ-библиотеки [1]. Цель нашего исследования – расширить концепцию библиотеки Е.В. Ильиной как современной библиотеки и дать философскую интерпретацию этого социального института с помощью коммуникативного подхода.

Объект и методы исследования

В статье представлены практические приемы рассмотрения коммуникативного подхода к библиотекам как социальным институтам с точки зрения социальной и политической философии. Исследование посвящено библиотекам в контексте практических методов коммуникативного подхода к философии библиотеки как социального института. Для изучения практических методов коммуникативного подхода к библиотекам как социальным институтам был использован проблемно-ориентированный практический метод. Суть исследования заключается в базовых принципах философского знания. Философский и научный характер исследования заключается в том, чтобы ответить на вопрос о коммуникативном подходе в философии библиотеки как социального института на примере современных научных исследований. Строго учитывается объем современных научных исследований по указанной проблеме, выявленных и опубликованных на сегодняшний день. Методологическую основу исследования составляют как общенаучные, так и специальные методы. В исследовании используются подходы к сравнению и анализу научных исследований и их описанию. Используя эти подходы в работе с научными исследованиями, основанными на доступных источниках, решается вопрос о практических приёмах коммуникативного подхода в философии библиотеки как социального института.

Результаты и их обсуждение

1. Библиотека как социальный институт

Библиотека – термин, вызывающий в представлении большинства образ некой комнаты со множеством книжных полок. Однако это не просто хранилище информации, а сложный

и многогранный социальный институт. Библиотеку можно определить как отражение ценностей, знаний и устремлений общества, а также как активного участника его становления и развития.

Библиотека, как отражение общества, может быть концептуализирована в качестве хранителя коллективной памяти. Библиотека служит хранилищем накопленных знаний, опыта и культурного наследия прошлых поколений. Библиотеку также можно концептуализировать как форму "коллективной памяти" общества, наделенную способностью осмысливать прошлое, актуализировать настоящее и разрабатывать стратегии на будущее. Философи Морис Хальбвакс и Ян Ассманн подчеркивали важность коллективной памяти в формировании идентичности и социальной сплоченности [\[7\]](#). Сохраняя эту память и предоставляя к ней доступ, библиотека играет ключевую роль в поддержании этих процессов.

Библиотека, как социальный институт, функционирует и как зеркало ценностей. Содержание библиотечных фондов, принципы комплектования и организации доступа к информации отражают преобладающие в данном обществе ценности, идеологию и представления о знаниях. Например, наличие литературы на разных языках в библиотеках может служить показателем толерантности и мультикультурализма в обществе [\[25\]](#).

Библиотека служит индикатором общественного развития, поскольку позволяет измерить уровень развития библиотечной системы, а именно ее доступность и актуальность. Эти факторы могут служить показателем уровня образования, культуры и общего развития общества. Общественное использование библиотек напрямую коррелирует с уровнем образования и осведомленности населения. В качестве примера можно привести известную в среде философов и культурологов библиотеку, собранную выдающимся ученым-энциклопедистом Светланой Яковлевной Левит, состоящую из 700 изданий, дающих широчайшее представление об основах культуры и пользующейся неизменной популярностью в кругах современной интеллигенции [\[23\]](#).

Библиотека в философском смысле является катализатором развития общества и инструментом расширения образовательных возможностей, так как играет ключевую роль в обеспечении доступа к знаниям и информации, которые необходимы как для формального образования, так и для личностного интеллектуального роста. Поощрение критического мышления, расширение познавательных горизонтов и воспитание активной гражданской позиции - отличительные черты философско-педагогического подхода в деятельности библиотеки. Здесь библиотека выступает в качестве инструмента реализации права на образование и культурное развитие [\[35\]](#).

Библиотека, так же, среда для диалога и обмена идеями. Она служит общественным пространством, где люди могут собираться, общаться, обмениваться идеями и участвовать в дискуссиях, что способствует формированию общественного мнения и развитию демократических процессов в обществе.

Библиотека в статусе идеального катализатора инноваций и прогресса, предоставляет доступ к новейшим исследованиям и разработкам, тем самым способствуя развитию науки, технологий и инноваций. Эта база данных является ценным ресурсом для ученых, исследователей и предпринимателей. Конечно, нельзя упомянуть некое соперничество с сетью Интернет, но есть мнение, что такое соперничество принимать в расчёт нецелесообразно, поскольку библиотека и сеть Интернет имеют не равнозначные по

статусу и личным интересам группы пользователей, а также аппарат проверки данных. Нельзя не утверждать, что таким образом библиотека функционирует и как инструмент социальной справедливости, обеспечивая всем членам общества равный доступ к информации, независимо от таких факторов, как социальный статус, уровень образования или географическое положение. Следовательно, это явление способствует преодолению информационного неравенства и социальной мобильности.

Если говорить о философии технологий, то библиотека как бы концептуализируется в этом смысле под неким "хранилищем знаний", которое демонстрирует способность постоянно адаптироваться к новым обстоятельствам и вызовам. Появление цифровых технологий отнюдь не привело, по некоторым ожидаемым представлениям, к упадку библиотек. Наоборот, библиотеки благодаря новой трансформации расширили свои возможности и охват аудитории. Неотъемлемыми компонентами современной библиотечной системы стали электронные библиотеки, онлайн-каталоги и электронные архивы. Однако, такая трансформация поднимает новые философские вопросы.

Например, вопрос доступности информации, который имеет первостепенное значение. Цифровые технологии могут демократизировать знания, делая их доступными для общества, независимо от географического положения или социального статуса отдельной личности. И наоборот, проблема цифрового неравенства возникает, когда субъекты общества, не имеющие доступа к Интернету или необходимых навыков, оказываются маргинализированными в информационном пространстве. В таких обстоятельствах от библиотеки ожидается принятие посреднической роли для облегчения доступа к цифровым ресурсам и привития необходимых навыков всем членам общества.

Библиотека выступает в качестве платформы для развития гражданского общества и построения более справедливого и инклюзивного мира. В качестве примера инклюзивного подхода в коммуникативной работе библиотек можно привести инклюзивный го-клуб «Го без границ» Государственной российской библиотеки. Здесь инклюзивный подход органично сочетается с решением вопроса когнитивных требований читателей [19].

Следующим важным вопросом является феномен надежности информации. В эпоху, характеризующуюся распространением ложной и вводящей в заблуждение информации, от библиотеки ожидается принятие роли хранителя достоверной информации. Библиотекари, обладающие профессиональными знаниями и навыками, служат незаменимыми проводниками, помогая людям ориентироваться в информационном лабиринте, отличая правду от лжи и критически оценивая источники информации. В этом контексте библиотека должна преобразиться из обычного хранилища информации в экспертный центр в области информационной грамотности.

Кроме того, появление цифровых технологий подняло ряд вопросов, связанных с сохранением культурного наследия. Как сохранить цифровые документы и обеспечить их доступность для будущих поколений – главная проблема современной библиотеки. Требует ответа и следующий вопрос: какие меры следует предпринять для обеспечения защиты авторских прав в цифровой среде? Эти проблемы требуют разработки новых подходов и решений, в которых библиотека должна играть активную роль.

В этом контексте роль библиотекаря приобретает особое значение. В современную цифровую эпоху функция библиотекаря выходит за рамки обычного хранения бумажных книг. Он берет на себя роль навигатора в информационном пространстве, консультанта

по информационной грамотности, куратора культурных мероприятий и социального работника, который помогает людям адаптироваться к новым условиям жизни. Библиотекарь должен обладать не только профессиональными знаниями и умениями. Эмпатия, умение слушать и понимать потребности читателей – главные профессиональные качества современного библиотекаря. Конечно, не следует забывать о роли личной библиотеки в развитии концепции интеллекта в обществе. Нечитающий библиотекарь – нонсенс и главное противоречие в концепте парадоксов философии библиотеки [\[36\]](#).

Современные реалии требуют от библиотеки способности выступать в качестве платформы для развития гражданского общества – обсуждение современных социальных проблем, проведение образовательных программ для различных слоев населения, поддержка местных инициатив и проектов. В данном ключе библиотека функционирует как центр общественной жизни, способствуя формированию активной гражданской позиции и развитию демократических процессов.

Дальнейший философский анализ библиотеки логически ведёт к рассмотрению вопроса о формировании фондов. В условиях растущей коммерциализации информации чрезвычайно важным представляется необходимость защитить автономию библиотеки от внешнего влияния. Библиотеке должна быть дана возможность формировать свои фонды, исходя из вышеперечисленных философских концептов. Для достижения этой цели необходимо полагаться на законодательные гарантии, формировать общественное сознание, признающее важность библиотеки в развитии демократического общества.

Необходимо признать, что таким образом, библиотека как социальный институт находится в состоянии вечного движения. Поэтому, говоря о библиотеке как о месте, где рождаются идеи и формируется будущее, нельзя забывать о ее роли в развитии творческого потенциала личности. Библиотека должна служить не только источником информации, но и источником вдохновения. Чтение книг, знакомство с произведениями искусства и участие в культурных мероприятиях – все это способствует развитию воображения, творческих способностей и критического мышления. Библиотека становится местом проведения мастер-классов, творческих лабораторий, выставок и других мероприятий, направленных на раскрытие творческого потенциала читателей.

В этом контексте важно обратить внимание на роль библиотеки в поддержке местных авторов и художников. Современные библиотеки организовывают презентации книг, художественные выставки, концерты местных музыкантов и другие мероприятия, направленные на популяризацию местного творчества, что не только способствует развитию местной культуры, но и создает благоприятную среду для творческого самовыражения и обмена идеями.

Таким образом, библиотека может стать центром инноваций и экспериментов в области образования и культуры. Она может разрабатывать и внедрять новые культурно-просветительские программы, использовать современные технологии для создания интерактивных выставок, проведения онлайн-курсов и вебинаров. Библиотека может стать местом, где педагоги, ученые, художники и другие профессионалы смогут обмениваться опытом, разрабатывать новые подходы к образованию и культуре и апробировать их на практике.

Философский анализ библиотеки также поднимает вопрос о ее роли в формировании национальной идентичности. В условиях глобализации, когда происходит смешение культур и стираются национальные границы, роль библиотеки в формировании

национальной идентичности становится особенно важной. Библиотека должна не только сохранять и популяризировать национальную культуру, но и способствовать культурному диалогу, знакомить читателей с произведениями мировой литературы и искусства, помогать им понимать и уважать другие культуры. Сохраняя и популяризируя произведения национальной литературы, искусства и культуры, библиотека способствует формированию чувства принадлежности к определенной нации, к определенной культурной традиции. Это помогает индивидам осознать свою историю, свои корни и свою роль в развитии национальной культуры.

Таким образом, библиотека, как социальный институт, играет многогранную роль в развитии общества. Это и хранилище знаний, и источник вдохновения, и центр инноваций, и площадка для диалога. Она способствует развитию образования, культуры, науки, демократии и национальной идентичности. Вышесказанное подтверждает необходимость ценить и поддерживать библиотеки как важнейшие институты гражданского общества, как гаранты будущего всего общества. Библиотека - это не просто место, где хранятся книги, это место, где формируется общественное сознание, где рождаются идеи и строится будущее. И чем сильнее и развитее будут библиотеки, тем сильнее и развитее будет общество.

2. Коммуникативный подход в философии библиотеки

В области библиотечной философии, как и в других областях научных исследований, регулярно разрабатываются новые подходы и перспективы. Коммуникативный подход в данном ключе представляет особый интерес и открывает большие перспективы. Он предлагает переосмыслить роль библиотеки не только как хранилища знаний, но и как активного участника коммуникации, площадки для диалога и обмена идеями.

Коммуникативный подход делает акцент на определённом взаимодействии библиотеки и общества в целом. Библиотека рассматривается не просто как хранилище информации, но и как динамичное пространство, где люди, идеи и культуры взаимодействуют и обмениваются друг с другом. Проблема взаимодействия библиосферы и инфосферы в коммуникативном пространстве библиотеки актуальна как никогда, так как от её решения зависит не только судьба библиотеки как философского феномена коммуникации, но и общества в общем и целом [\[12\]](#). Уровень коммуникативного подхода в философии библиотеки зависит, в первую очередь, от библиотекаря и качества его обслуживания [\[28\]](#).

Практическое значение коммуникативного подхода в философии библиотеки можно интерпретировать следующим образом. Приоритет должен отдаваться потребностям пользователя. Миссия библиотеки заключается не только в предоставлении доступа к ресурсам, но и в понимании потребностей, вопросов и интересов пользователей. Эта задача решается с помощью различных методов исследования, включая опросы, фокус-группы и анализ поведения пользователей.

Библиотека может создавать дискуссионные форумы, где она станет пространством, способствующим социальному взаимодействию, где люди могут собираться, вести дискуссии, обмениваться мнениями и участвовать в различных формах интеллектуального взаимодействия. Активное продвижение информации - это верный подход библиотеки к современным требованиям к продвижению информации, который выходит за рамки пассивного ожидания, пока пользователи сами ищут нужную информацию. Вместо этого она может использовать различные каналы коммуникации, включая социальные сети, блоги, прямую почтовую рассылку и мероприятия, для

активного распространения информации.

Сотрудничество с другими организациями не менее необходимо, поскольку библиотека не ограничивается только своими физическими пределами, сотрудничая с различными культурными, образовательными, деловыми и общественными организациями. Это сотрудничество должно быть направлено на повышение доступности библиотеки и диверсификацию предлагаемых ею услуг. Сотрудничество с писателями, помочь в составлении личной писательской библиотеки важны в рамках коммуникативного подхода в философии библиотеки [33].

Общение, коммуникации постепенно переходят в онлайн-сферу, поэтому развитие цифровой грамотности становится все более необходимым в современную цифровую эпоху. Библиотека играет важную роль в оказании помощи своим пользователям в приобретении цифровых инструментов и компетенций, необходимых для эффективной коммуникации и поиска информации в онлайн-среде [17].

Среди преимуществ коммуникативного подхода в философии библиотеки можно выделить следующие. Привлекательность и полезность библиотеки возрастает, если люди считают свой вклад ценным и чувствуют в себе силы активно участвовать в ее работе. Расширяя аудиторию, активно распространяя информацию и сотрудничая с другими организациями, библиотека может привлечь новых пользователей, которые ранее не считали ее ценным ресурсом. Цель такой инициативы - укрепить связи, которые соединяют членов сообщества друг с другом. Таким образом, библиотека приобретает ценность как центр общественной жизни, место, где люди могут собираться, общаться и решать важные для них вопросы.

Современная библиотека демонстрирует возросшую эффективность в сфере философского коммуникативного концепта несколькими способами – как качественными (результаты опросов, анкетирований), так и количественными (процент посещений, книговыдачи). Здесь крайне важно понимать потребности своих пользователей, чтобы более эффективно планировать свою работу и предлагать услуги, которые действительно востребованы.

Коммуникативный подход в философии библиотеки - это не просто модная тенденция, это необходимость в контексте современного мира. Такая трансформация позволяет библиотеке сохранять свою актуальность и полезность в более широком социальном концепте, тем самым выходя за рамки своей традиционной роли простого хранилища знаний. Вместо этого она превращается в живой центр общения и обмена идеями, способствующий инновациям и интеллектуальному взаимодействию. Такой подход ориентирован на людей и их потребности, тем самым он превращает библиотеку в место, где можно не только получить книги, но и стать частью коммуникативного общества. Библиотека становится пространством, способствующим генерированию новых знаний и идей. Недавним примером может служить зарубежный опыт, описанный в статье Н. Лестра о соотношении удовлетворения когнитивных и физических требований пользователей. В статье говорится о помощи библиотеке спортсменам на велосипедной гонке, что является новым взглядом на библиотечные функции [3].

Эволюция коммуникативного подхода требует от библиотекарей не только всестороннего понимания библиотечного дела, но и навыков общения, эмпатии и умения эффективно работать в команде. Библиотекарь превращается из привычного информационно-поискового специалиста в многогранную фигуру, которая облегчает, регулирует и организует общение. Необходимо, чтобы библиотекарь умел слушать и понимать

потребности пользователей, а также предоставлять им необходимую информацию и ресурсы.

Важнейшим компонентом этой инициативы является создание дружественной атмосферы. Библиотека должна быть общедоступной, независимо от возраста, пола, национальности, образования или физических возможностей. Это подразумевает не только обеспечение физической доступности, но и создание среды, способствующей благополучию и безопасности каждого члена общества. Необходимо учитывать разнообразные потребности пользователей и предоставлять информацию и услуги в различных форматах. Например, людям с нарушениями зрения могут быть доступны аудиокниги, книги, напечатанные специальным крупным шрифтом, и программное обеспечение для чтения с экрана.

Коммуникативный подход предполагает активное использование современных технологий. Библиотеки должны быть представлены на известных платформах социальных сетей, иметь удобный веб-сайт и предлагать широкий спектр онлайн-услуг. Эти услуги должны включать электронные библиотеки, онлайн-консультации и виртуальные мероприятия. Первостепенное значение имеет обеспечение доступности и понятности этих технологий для всех пользователей, независимо от уровня их цифровой грамотности. Многие библиотеки предлагают учебные курсы и семинары в помощь посетителям в обучении использования цифровых инструментов и ресурсов. Опыт финских библиотек как места по развитию навыков искусственного интеллекта может быть интересен в рамках продвижения указанного дискурса [\[21\]](#).

Важным элементом в этом отношении является развитие отношений сотрудничества с внешними организациями и учреждениями. Библиотека не должна существовать изолированно, она должна активно сотрудничать с образовательными учреждениями, университетами, музеями, культурными центрами, общественными организациями и предприятиями. Эта инициатива позволяет библиотеке расширить круг читателей, разнообразить свои услуги и сотрудничать в решении важных социальных вопросов. Например, библиотека может сотрудничать с местным музеем, проводя совместные мероприятия, организуя лекции и мастер-классы для школьников, выступая местом встреч общественных организаций или проводя курсы повышения квалификации для предпринимателей [\[23\]](#).

Однако следует признать, что технологии в рамках коммуникативного подхода в философии библиотеки - это всего лишь средство, облегчающее общение, а не самоцель. Суть вопроса заключается в человеческом общении и интеракции. Библиотека не должна перестать служить физическим пространством, где люди могут собираться, общаться и участвовать в интеллектуальных дискуссиях. Большое значение имеет создание возможностей для личного общения. Практическим примером может выступить создание кружка по интересам в библиотеке, например, клуб чтения манги «Справа – Налево» в Российской государственной библиотеке. Здесь пересекаются интересы определенной части населения с возможностями личной встречи для удовлетворения когнитивных потребностей в познании нового [\[22\]](#).

Кроме того, коммуникативный подход требует постоянного анализа и оценки эффективности работы библиотеки. Для проверки эффективности платформы необходимо систематически собирать отзывы пользователей, скрупулезно анализировать статистические данные и проводить эмпирические исследования. Такой подход позволяет выявить как сильные стороны, так и области, которые нуждаются в улучшении.

Необходимо сохранять гибкость мышления и демонстрировать готовность развиваться, чтобы адаптироваться к меняющимся требованиям пользователей и меняющемуся технологическому ландшафту [27].

По сути, коммуникативный подход - это инвестиция в будущее библиотеки. Эта инициатива позволяет библиотеке оставаться актуальной в быстро меняющемся мире, укреплять связи с обществом и продвигать культуру и образование. Такой подход ставит людей и их потребности во главу угла, превращая библиотеку в живой центр общения, обмена идеями и личностного роста. Таким образом, библиотека выступает в качестве платформы для развития гражданского общества и построения более справедливого и инклюзивного мира.

Эволюция коммуникативного подхода неразрывно связана с изменением роли библиотекаря. Теперь он не только хранитель и распространитель книг. Библиотекарь становится посредником, хранителем знаний и организатором коммуникации [11]. Эта роль требует не только глубокого понимания библиотечного дела, но и развитых коммуникативных навыков, умения работать с людьми, организовывать мероприятия, вести дискуссии и создавать комфортную атмосферу для общения. Библиотекарь должен быть готов к постоянному обучению и самосовершенствованию. Это предполагает овладение новыми технологиями и методами работы, чтобы эффективно выполнять свою роль, в соответствии с современными требованиями. Современным библиотекарям необходимо постоянно повышать свою квалификацию, дабы не остаться во вчерашнем дне [18].

Результаты исследования

Развивая концепцию, предложенную Е.В. Ильиной о библиотеке ОМ, где все подчинено философской концепции "все зависит от всего", и делая выводы из вышеизложенного, мы можем определить следующую философскую интерпретацию библиотеки как коммуникативного пространства.

1. В контексте коммуникативного подхода меняется и библиотечное пространство. Цель состоит не только в том, чтобы обеспечить функциональность и комфорт, но и в том, чтобы продемонстрировать эстетическую привлекательность и подарить вдохновение. Необходимо создать комфортные зоны, способствующие чтению, работе и общению. Кроме того, библиотека должна быть оснащена современными технологиями, такими как Wi-Fi, компьютеры и интерактивные доски. Необходимо учитывать разнообразные потребности разных групп населения и выделять специальные зоны для детей, подростков и людей с ограниченными возможностями. Пространство библиотеки должно быть спроектировано не только по концепции ОМ, но и в соответствии с коммуникативным подходом в философии библиотеки с учетом гибкости и адаптируемости, что позволит плавно трансформировать его для проведения различных мероприятий [29].
2. Внедрение коммуникативного подхода – это не разовое мероприятие, а непрерывный процесс трансформации. Постоянный мониторинг, оценка и корректировка стратегии развития библиотеки являются необходимыми условиями успеха. Необходимо проводить систематический периодический анализ потребностей пользователей, внимательно следить за изменениями в обществе и технологиях и гибко адаптировать профессиональную практику к меняющимся условиям. Необходимо непредвзято подходить к экспериментам, изучать новые подходы и методы и использовать результаты неудач как средство обучения и роста.

3. С философской точки зрения, библиотека - это не просто помещение, в котором хранятся книги; это сложный и динамичный социальный институт, играющий ключевую роль в формировании и развитии общества. Он функционирует как хранилище коллективной памяти, отражение ценностей, инструмент образования и просвещения, платформа для диалога и обмена идеями, катализатор инноваций и прогресса, а также инструмент социальной справедливости. В эпоху цифровых технологий роль библиотеки может измениться, но ее основная функция – обеспечение доступа к знаниям и информации для всех членов общества – остается неизменной. Библиотеки сейчас можно назвать операторами эпистемологии искусственного интеллекта, поскольку с прогрессом функция библиографического поиска расширяется за счет ИТ-технологий [\[26\]](#). Поэтому, думая о будущем общества, необходимо уделять первостепенное внимание развитию и укреплению библиотек как незаменимых социальных институтов.
4. Коммуникативный подход по сути своей в рамках проектирования библиотеки и управления ею превращает ее в динамичный центр взаимодействия, который выходит за рамки ее традиционной роли простого хранилища информации. Эта инициатива требует от библиотекарей развития новых компетенций и активного сотрудничества с обществом. Возможность успеха зависит от постоянной адаптации, инноваций и определения приоритетов потребностей пользователей. Таким образом, библиотека становится платформой для развития, обучения и создания интеллектуально и морально сильного общества. Инвестирование в этот подход гарантирует, что библиотека останется актуальной как в настоящем, так и в будущем.

Вывод

Библиотека - динамично развивающийся институт, который отражает и формирует общество. Поддержка библиотек, особенно в эпоху цифровых технологий, имеет решающее значение для обеспечения равного доступа к знаниям и развития гражданского общества. Библиотека - это инвестиция в будущее, в сознание и творческий потенциал каждого индивида. Сохранение и развитие библиотеки даёт более образованное, культурное и прогрессивное общество.

Решая проблему возможного будущего библиотеки, необходимо учитывать не только технологические, но и этические, социальные и культурные аспекты. Необходимо позаботиться о том, чтобы процесс оцифровки не привел к дегуманизации библиотечного пространства, превратив его в простое хранилище данных. Библиотека должна оставаться местом, где люди чувствуют себя комфортно, где они могут общаться с другими читателями, получать советы от библиотекарей и просто получать удовольствие от чтения. Например, библиотеки в местах лишения свободы выполняют множество важных задач и являются маяками культуры, что подтверждает важность библиотеки как социального института [\[5\]](#).

Коммуникативный подход – это инвестиция в будущее библиотеки, утверждение о чём является новизной данного исследования. Эта инициатива позволяет библиотеке оставаться актуальной в быстро меняющемся мире, укреплять связи с обществом и продвигать культуру и образование. Такой подход ставит людей и их потребности во главу угла, превращая библиотеку в живой центр общения, обмена идеями и личностного роста.

В эпоху цифровых технологий библиотека должна выйти за рамки своей традиционной роли простого хранилища книг. Вместо этого она должна стать многофункциональным

информационным центром, обеспечивающим доступ к знаниям, прививающим навыки информационной грамотности, сохраняющим культурное наследие и способствующим развитию общества. Это пространство должно служить средой, способствующей обучению, социальному взаимодействию, обмену идеями и активному вовлечению людей в формирование будущего. Философский взгляд на библиотеку с точки зрения коммуникативного хаоса показывает, что это не просто социальный институт, а живой организм, который постоянно развивается и адаптируется к новым условиям, сохраняя при этом свои основные характеристики. Жизнь библиотеки как культурного центра для будущих поколений наиболее ярко можно проследить на базе университетской библиотеки. Именно там сосредоточены все доступные методы сохранения и передачи знаний [24].

В заключение следует отметить, что коммуникативный подход в библиотечной философии - это не просто набор практических рекомендаций, это означает фундаментальное изменение философского мировоззрения концепта библиотеки. Этот подход ставит во главу угла личность и ее потребности, признает важность общения и взаимодействия и направлен на создание более справедливого, инклюзивного и процветающего общества. Такой подход требует от библиотекарей не только профессиональных знаний и навыков, но и глубокой эмпатии, чувства социальной ответственности и стремления к постоянному обучению и самосовершенствованию. Это позволяет библиотеке оставаться актуальной в современном мире, превращая ее из простого хранилища знаний в живой центр общения, обмена идеями и личностного роста. Библиотека служит платформой для развития гражданского общества и построения лучшего будущего для каждого. Этот процесс требует постоянного осмысливания, адаптации и инноваций, чтобы библиотека сохраняла свою жизненно важную роль в обществе.

Благодарности

Автор выражает огромную благодарность научному руководителю, доктору философских наук, профессору Обидиной Ю.С.

Библиография

1. Beijing Sub-Center Library / Snøhetta. URL: <https://www.archdaily.com/1024024/beijing-sub-center-library-snøhetta> (дата обращения: 23.06.2025).
2. Kirjastosta tekoälylukutaidon kohtaamispaikka. URL: <https://www.helsinki.fi/fi/helsingin-yliopiston-kirjasto/uutisia-kirjastosta/kirjastosta-tekoälylukutaidon-kohtaamispaikka> (дата обращения: 15.06.2025).
3. Lenstra N. Art, Health, Community: Libraries Support Bicycling During Bike Month and Beyond // Library Journal. URL: <https://www.libraryjournal.com/story/programs%20/art-health-community-libraries-support-bicycling-during-bike-month-and-beyond> (дата обращения: 24.06.2025).
4. Бигвава А. С. История взаимодействия музеев и государства // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 2. С. 60-69. DOI: 10.24158/spp.2025.2.5. EDN: HNJHLU.
5. Белова Н. А. Культурно-просветительная работа с заключенными в советских исправительно-трудовых учреждениях в 1920-е годы // Ведомости УИС. 2025. № 4. С. 12-18. DOI: 10.51522/2307-0382-2025-275-4-12-19. EDN: AWQPQA.
6. Борисенко Н. А. Опыт психологического исследования ранней читательской биографии А. С. Пушкина // Национальный психологический журнал. 2025. № 1 (20). С. 29-36. DOI: 10.11621/npj.2025.0103. EDN: LYIGBW.
7. Вертий Ю. М. Становление понятия "культурная память" в трудах Мориса Хальбвакса и

- Яна Ассмана: от коллективной к культурной памяти // Вестник МГУКИ. 2024. № 2 (118). С. 63-70. DOI: 10.24412/1997-0803-2024-2118-63-70. EDN: BHCEQY.
8. Верховская А. С., Козырева Л. К., Коробкова А. А. Философия Умберто Эко и направления его теорий // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2025. 1 (116). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/19190>.
9. Гуреев Д. Ю. Новый взгляд на библиотечную философию // URL: https://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb2002/8/f8_02.htm (дата обращения: 17.04.2025).
10. Гусева Л. Н. Онтология библиотечного общества // Петербург. Библ. школа. 2000. № 1-2.
11. Дворкина М. Я. От идеологии к философии библиотечного дела // Библиотековедение. 1994. № 2. С. 51-53. EDN: VUPCPL.
12. Дворкина М. Я. Об изменении библиотечного обслуживания и о библиотечной философии // Библиотековедение. 1997. № 5/6. С. 20-28. EDN: TKWRZU.
13. Дроздов Д. С. Социальная и философская среда формирования мировоззрения Н. Ф. Федорова // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2025. № 1 (53). С. 125-135. DOI: 10.22405/2304-4772-2025-1-125-136. EDN: ALZGWT.
14. Езова С. А. Контексты библиотечно-информационной деятельности (в свете проекта профстандарта "Специалист в области библиотечно-информационной деятельности") // Культура: теория и практика. 2020. № 3 (36). С. 8. EDN: SNXMDK.
15. Жуковская Л. Н. Сферный подход в развитии инновационной деятельности региональной библиотеки // Культура: теория и практика. 2021. № 4 (43). URL: <http://theoryofculture.ru/issues/121/1471/?ysclid=ma123c5jpm78594102> (дата обращения: 12.05.2025).
16. Жумаев Р. А. Индустириализация советской художественной культуры в 1917-1930-е гг. // Общество: философия, история, культура. 2025. № 2. С. 168-173. DOI: 10.24158/fik.2025.2.23. EDN: FFVTGA.
17. Золотарев С. П. Преобразование культуры и развитие цифровых коммуникативных технологий в современном информационно-культурном обществе // Вестник КалмГУ. 2025. № 1 (65). С. 161-169.
18. Ильина Е. В. ОМ библиотеки // Философия, теория, методология информационно-библиотечной науки и практики. URL: <https://ktp.mgik.org/articles/25178/> (дата обращения: 17.04.2025).
19. Инклюзивный го-клуб "Го без границ" // Российская государственная библиотека. URL: <https://rgub.ru/library/clubs/go.php> (дата обращения: 25.06.2025).
20. Калегина О. А., Дрешер Ю. Н., Кормишина Г. М., Яшина Н. Г. Актуальная тематика библиотековедческих исследований в контексте анализа защищенных диссертаций // Вестник КазГУКИ. 2024. № 3. С. 117-127. EDN: TZEKJO.
21. Качева Е. В. Развитие профессиональных компетенций педагога-библиотекаря в цифровой образовательной среде: опыт реализации программы повышения квалификации // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2022. № 2 (51). С. 109-117. EDN: SVWUOH.
22. Клуб чтения манги "Справа-Налево" // Российская государственная библиотека. URL: https://rgub.ru/library/clubs/comics_right_left.php (дата обращения: 25.06.2025).
23. Кондаков И. В. Несгораемая библиотека Светланы Левит // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. № 3. С. 218-233. DOI: 10.17323/2658-5413-2024-7-3-218-233. EDN: EAIQTD.
24. Корякин М. В. Библиотека как центр культуры в местах лишения свободы // Наука, образование и культура. 2022. № 2 (62). С. 63-68. EDN: ZBBKCM.
25. Кочетков Д. М. Об истории, предмете и задачах российского науковедения // Социология науки и технологий. 2025. № 1. С. 91-122. DOI: 10.24412/2079-0910-2025-1-

- 91-122. EDN: SSZEDP.
26. Лаврик О. Л. Посредничество в функциональной структуре библиотек // Идеи и идеалы. 2023. № 3-2. С. 342-351. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.2-342-352. EDN: KVVFXXX.
27. Ли Даньдань. Библиотека и ее роль в развитии культурного пространства вуза // Миссия конфессий. 2023. № 69. С. 26-30.
28. Лытус А. С. Векторы развития культуры на рубеже тысячелетий // Труды СПДС. 2022. № 4 (19). С. 72-94.
29. Марков А. В., Штайн О. А. Операторы библиотеки и эпистемология искусственного интеллекта // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. № 6. С. 112-122. DOI: 10.37482/2687-1505-V395. EDN: NRAIJY.
30. Матвеева И. Ю., Гильмиянова Р. А., Мягкова А. С. Потенциал концепции "экономика впечатлений" и возможности его применения в проектной деятельности общедоступных библиотек // Педагогический журнал Башкортостана. 2023. № 1 (99). С. 125-137. DOI: 10.21510/18173292_2023_99_1_125_137. EDN: UGPYJQ.
31. Олефир С. В. Цифровые компетенции педагога-библиотекаря общеобразовательной организации: структура и формирование // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2022. № 1 (50). С. 15-22. EDN: YIRREY.
32. Паршукова Г. Б., Плешакова М. А. Концептное пространство библиотеки // Вестник ЧГАКИ. 2023. № 4 (76). С. 22-32.
33. Плешкевич Е. А. Зарождение библиографии дошкольного воспитания и детства // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2025. № 1. С. 62-66. DOI: 10.18500/1819-7671-2025-25-1-62-66. EDN: PWCUWI.
34. Полетаев А. В. Старопечатные книги XVIII в. в коллекции библиотеки Екатеринбургской духовной семинарии // Вестник ЕДС. 2025. № 49. С. 181-240. DOI: 10.24412/2224-5391-2025-49-181-240. EDN: AKABQW.
35. Порошин С. А. Философия библиотеки: к постановке вопроса // Библиотековедение. 1994. № 5. С. 123-125.
36. Райскина В. А. Библиотека писателя как когнитивно-коммуникативное пространство // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 4 (48). С. 118-125. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.48.4.09. EDN: HTSZNU.
37. Ракитов А. И. Если есть такая философия // Библиотековедение. 1996. № 4/5. С. 87-91.
38. Рябов М. А. Философия библиотеки: коммуникативный подход // Вестник Удмуртского университета. Серия "Философия. Психология. Педагогика". 2009. № 1. С. 181-186. EDN: JXJTEF.
39. Столяров Ю. Н. Фонд личной библиотеки как зримый символ современной интеллигенции (книги с автографами и дарственными надписями в библиотеке В. Я. Рушанина. Челябинск, 2020) // Вестник ЧГАКИ. 2021. № 1 (65). С. 145-151.
40. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 4. Москва : Прогресс, 1995. 638 с.
41. Фихте И. Г. Сочинения. Москва : Ладомир, 1995. 649 с.
42. Черняев А. В. Нигилизм по отношению к культурному наследству. Обращения Г. Д. Гачева к руководителям ЦК КПСС в связи с санкциями после издания "Сочинений" Н. Ф. Федорова в серии "Философское наследие" // NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право. 2025. № 1. С. 228-248. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-228-248. EDN: BFXPZW.
43. Шлейермахер Ф. Д. Герменевтика. Москва : Европейский дом, 2004. 236 с.
44. Ясперс К. Философия. Москва : Канон, 2012. 387 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования

Предметом исследования выступает коммуникативный подход в философии библиотеки как социального института. Автор анализирует библиотеку через призму социальной философии, рассматривая ее не только как хранилище знаний, но и как активного участника коммуникативных процессов в обществе. Исследование охватывает теоретические аспекты библиотечной философии и практические методы реализации коммуникативного подхода.

Методология исследования

Методологическая основа исследования включает общенаучные и специальные методы. Автор использует проблемно-ориентированный практический метод, подходы к сравнению и анализу научных исследований. Однако описание методологии представляется недостаточно конкретным и структурированным. В тексте отсутствует четкое обоснование выбора методов и их соответствия поставленным задачам. Философский характер исследования требовал бы более детального раскрытия герменевтических и феноменологических подходов.

Актуальность

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли библиотек в современном цифровом обществе. Автор справедливо указывает на вызовы, связанные с развитием информационных технологий, изменением коммуникативных практик и потребностей пользователей. Тема действительно является современной и значимой для библиотековедения, социальной философии и теории коммуникации.

Научная новизна

Научная новизна работы заключается в систематизации представлений о коммуникативном подходе в библиотечной философии и его практической интерпретации. Автор развивает концепцию Е.В. Ильиной о библиотеке ОМ, предлагая философскую интерпретацию библиотеки как коммуникативного пространства. Однако степень новизны ограничивается в основном обобщением существующих подходов без значительного теоретического прорыва.

Стиль, структура, содержание

Структура статьи логична и включает введение, обзор литературы, описание методов, результаты и выводы. Однако текст характеризуется избыточностью, многословностью и повторениями. Стиль изложения местами тяжеловесен, что затрудняет восприятие основных идей. Содержание богато фактическим материалом, но нуждается в более четкой фокусировке на ключевых тезисах.

Основные недостатки структуры и содержания:

Чрезмерная детализация очевидных положений

Недостаточно четкое разграничение между теоретическими и практическими аспектами

Отсутствие конкретных примеров успешной реализации коммуникативного подхода

Размытость границ между разделами

Библиография

Библиографический список включает 36 источников, что свидетельствует о широте охвата литературы. Источники актуальны (преимущественно 2020-2025 гг.) и релевантны теме исследования. Однако наблюдается некоторый дисбаланс в пользу отечественных публикаций при недостатке зарубежных источников, что ограничивает международную перспективу исследования. Также недостаточно представлены классические работы по теории коммуникации и социальной философии.

Апелляция к оппонентам

Работа демонстрирует знакомство с различными точками зрения на философию библиотек (М.Ю. Дворкина, А.И. Ракитов, Л.Н. Гусева, С.А. Порошин). Однако критический анализ альтернативных подходов представлен недостаточно глубоко. Автор в основном излагает существующие концепции, не вступая в полемику и не обосновывая преимущества собственного подхода перед альтернативными.

Выводы, интерес читательской аудитории

Выводы работы носят общий характер и не содержат конкретных рекомендаций для практической деятельности библиотек. Основной вывод о необходимости внедрения коммуникативного подхода является логичным, но предсказуемым. Статья может представлять интерес для библиотековедов, философов и специалистов в области социальных коммуникаций, однако практическая значимость для библиотечных работников остается неясной.

Общая оценка и рекомендации

Статья посвящена актуальной и важной теме, однако имеет ряд существенных недостатков:

Достоинства:

Актуальность проблематики

Широкий охват литературы

Междисциплинарный подход

Стремление к систематизации знаний

Недостатки:

Избыточность и многословность изложения

Недостаточная теоретическая глубина

Отсутствие конкретных практических рекомендаций

Слабая методологическая проработка

Ограниченнная международная перспектива

Рекомендации для доработки

Сократить объем текста, устранив повторения и избыточные детали

Усилить теоретическую составляющую, привлекая классические работы по теории коммуникации

Добавить конкретные примеры успешной реализации коммуникативного подхода

Расширить международную библиографию

Четче структурировать практические рекомендации

Усилить критический анализ альтернативных подходов

Заключение

Статья может быть рекомендована к публикации после существенной доработки. Тема

исследования актуальна и перспективна, однако текущее исполнение не в полной мере соответствует стандартам научной публикации в философском журнале. Необходима значительная работа по сокращению объема, усилению теоретической базы и повышению практической значимости исследования

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Прежде всего хотелось бы заметить, что предложенная к публикации статья очень хорошо структурирована. В гуманитарных науках такая последовательность встречается редко. Работа содержит следующие разделы: «Введение», «Методология», «Результаты и их обсуждение», просто «Результаты» и «Выводы». Так структурируются обычно работы в сфере технических или медицинских наук. Только четкость структуры в работе «успешно компенсируется» претенциозной риторикой и банальностью многих выводов. Однако, я не стал бы ставить все это в укор автору статьи. Скорее это результат достаточно плачевного состояния «философии библиотеки» в целом. Но автору, наверное, удалось систематизировать современные выводы этой философии и указать на вытекающие из них практические рекомендации для работников этого «социального института».

Очень портит впечатление от статьи ее Введение, которое представляет собой что-то вроде уточнения терминологического аппарата исследования. Автор рассматривает различные определения следующих терминов: «социальный институт», «философия библиотеки», «библиотека» (пожалуй, стоило бы сначала определить, что такое библиотека, а потом уже – что представляет собой ее философия), «теория коммуникаций» и пытается выбрать из этих определений что-то подходящее для своего исследования. Но сами эти определения даются в основном через метафоры. Например, утверждать, что библиотека – это «нерушимый Храм культуры», или «гуманистический храм наук» – это и есть придаваться чистой риторики, причем не самого лучшего вкуса. Автору особенно нравится определение Н. Федорова, который рассматривал библиотеку как "образ книги, оглавление которой представляет собой умозрительный библиотечный каталог с перечнем всего книжного собрания". Это, конечно, лучше, чем «храм культуры», но тоже малоинформативно. Мне кажется, что можно было бы найти и более наукообразные определения библиотеки.

Есть во Введении и малопонятные рассуждения. Например, автор различает «методологический» подход к библиотеке и «идеологический». Первый делает акцент на свободе, второй – на чем-то другом. Но что такое «идеологический подход», чем от него отличается «методологический», и почему акцент на свободе является именно методологическим, а не идеологическим, никак не поясняется. Наверное, это предполагает такое же хорошее знание у читателя литературы о философии библиотеки, как и у автора статьи. Но к читателям надо бы быть милосердней.

Очень убогое впечатление производят философские отсылки автора к Фихте, Шлейермахеру, Ясперсу. Дескать абсолютизация «индивидуального Я» у Фихте исключает коммуникацию. А вот у Шлейермахера превалирует субъект-субъектное отношение, «то есть отношения равных, что в библиотечной философии может быть рассмотрено сквозь призму отношения библиотекарь – читатель, или читатель – читатель, или библиотекарь – библиотекарь»... Создается впечатление, что автор знаком с сочинениями этих философов по плохой учебной литературе. Я посоветовал бы автору статьи убрать эти отсылки.

Я так подробно остановился на Введении, потому что оно самое слабое место в работе. Дальше – лучше. Много верного о социальных функциях библиотек говорится в разделах «Результаты и обсуждение» и просто «Результаты». (Хотя создается впечатление, что некоторые выводы повторяют друг друга. Может быть, стоит подсократить?). А не хватает, на мой взгляд, указания на такую актуальную социальную функцию, как формирование семьи и увеличение народонаселения. Ведь где еще интеллигентному человеку найти подругу жизни, как не в библиотеке, в системе коммуникаций «читатель – читатель», «читатель – библиотекарь»!

В заключении можно сказать, что статья дает представления о современном состоянии философии библиотеки и потому может быть опубликована, но с некоторой правкой Введения. Последнее носит рекомендательный характер.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Егоров С.Ю. Специфика (не)намеренных искажений при трансфере политических языков из англоязычных дискуссий в Россию (на примере Лозаннского Соглашения) // Философская мысль. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.8.72639 EDN: WVNBGW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72639

Специфика (не)намеренных искажений при трансфере политических языков из англоязычных дискуссий в Россию (на примере Лозаннского Соглашения)

Егоров Сергей Юрьевич

ORCID: 0000-0001-8512-400X

доктор права, профессор, проректор по научной работе Московского налогового института

123308, Россия, г. Москва, ул. 3-Я хоршевская, 2

✉ sergeyyuegorov@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия религии"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2025.8.72639

EDN:

WVNBGW

Дата направления статьи в редакцию:

09-12-2024

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об искажениях, которые претерпевают политические языки при их переносе из англоязычных протестантских дискуссий в русскоязычные. В качестве материала для рассмотрения выступает текст Лозаннского Соглашения 1974 года – одного из наиболее значимых протестантских документов XX века, а также его официальный перевод на русский язык, опубликованный в 2011 году. Джон Стотт и его соавторы по первоначальному тексту стремились выразить свое мнение по большинству наиболее дискуссионных вопросов, затрагивающих как сугубо богословскую, так и политическую проблематику. Благодаря их усилиям был создан указанный документ, послуживший основой для развития современного протестантского богословия, в том числе политического. Ответственные за перевод, напротив, посредством своих действий сглаживали все спорные аспекты, а в некоторых случаях прибегали к существенным заменам наиболее «проблемных» на их взгляд фрагментов текста. Следствием этого стало существенное отдаление друг от друга не только двух версий одного текста, но и связанных с ними дискуссий в соответствующих языковых

контекстах. Данный документ позволяет проследить искажения, которым подвергаются идиоматические выражения при их переносе из одного языкового контекста в другой. В рамках подхода Кембриджской школы для этого требуется изучение исторического контекста возникновения и публикации текстов, реконструкция основных идиом, а также выявление и интерпретация языковых жестов и политических ходов, совершенных их авторами. В ходе проведения исследования были всесторонне изучены 19 языковых версий указанного документа, что позволило получить целостную картину развития протестантских дискуссий в различных языковых пространствах. Благодаря детальному анализу Лозаннского Соглашения на английском и русском языке, а также сравнению с другими существующими на сегодняшний день переводами и привлечению широкого корпуса вспомогательной литературы автор настоящей статьи показывает, как формально идентичный текст фактически превращается из амбициозного политического послания в более нейтральную конфессиональную декларацию. Исследование показало, что основные искажения при переносе указанных языков из англоязычных дискуссий в Россию связаны не с их непереводимостью, а преимущественно с традиционистскими взглядами переводчиков и нежеланием упоминать проблемные с их точки зрения вопросы.

Ключевые слова:

Лозаннское Соглашение, история понятий, Кембриджская школа, Всеобщее Священство, Лозаннское Движение, политическое богословие, протестантизм, практическая теология, историческая теология, теоретическая теология

Появление в европейской публичной дискуссии «95 тезисов» и ряда последующих текстов Мартина Лютера произвело эффект сразу в двух пространствах – богословском и политическом. Сам Лютер, как и другие мыслители Европейской Реформации, считал своей целью возвращение к «подлинному учению» Иисуса Христа и изначально не собирался начинать реформы и сопутствующую им политическую борьбу. Тем не менее, тексты профессора Виттенбергского университета были перенесены в политический контекст, что в конечном счете привело к масштабному обновлению Церкви, а также побудило значимые политические преобразования во многих государствах мира [1]. Последователи Мартина Лютера начали массово появляться в России уже в первой четверти XVI века – на заре эпохи Реформации. Тем не менее, влияние переселенцев и принесенных ими идей имело значительно менее заметные последствия, нежели в других странах Европы. В связи с различиями в политическом значении богословских языков в разных дискуссиях представляется интересным выяснить сохраняют ли протестантские богословские языки свою политическую перспективу при их переносе из первоначального пространства в российский контекст?

Проблема трансфера политических языков видится особенно актуальной в современных научных дискуссиях в связи с активной полемикой недавних лет [2]. Помимо преимущественно теоретических изысканий важную роль в этих обсуждениях играют различные эмпирические исследования, позволяющие проследить как ресурсы той или иной методологии, так и влияние тех или иных западных языков и идиом на российскую политическую культуру [3; 4; 5; 6; 7]. События времен Реформации были рассмотрены в рамках многочисленных исследований представителей различных дисциплин [8; 9; 10]. Представляется целесообразным обратиться к менее изученным сюжетам, связанным с международными протестантскими дискуссиями и осуществить нарративный анализ

соответствующих материалов. Подходящим примером может служить Лозаннское Соглашение, которое было утверждено участниками Международного конгресса по всемирной евангелизации, состоявшегося в швейцарском городе Лозанна в 1974 году и собравшего делегации из более чем 150 государств [\[11, с. 334\]](#). Дж. Кэмерон (Cameron J.) [\[12\]](#), А. Финстуэн (Finstuen A.) [\[13\]](#), А. Чапмен (Chapman A.) [\[14\]](#) и другие авторы рассматривали роль Соглашения в западных богословских и политических дискуссиях, однако проблематика переноса соответствующих языков в Россию все еще почти не изучена.

Текст Лозаннского Соглашения, ставшего одним из самых важных документов современного протестантизма, был составлен Джоном Стоттом (John Stott) – англиканским священнослужителем и общественно-политическим деятелем, капелланом королевы Великобритании, которого журнал «Time» называл одним из наиболее влиятельных людей мира. Джон Стотт не только подготовил текст Лозаннского Соглашения, но и в целом инициировал Лозаннский Конгресс вместе со своим другом и соратником Билли Грэмом (Billy Graham) [\[15, с. 45\]](#) – американским евангелистом, советником нескольких президентов США, которого также неоднократно называли одним из наиболее значимых людей XX – начала XXI века [\[9, с. 3\]](#). Соглашение было составлено и утверждено на английском языке, а в последующие годы переведено на многие другие языки, в том числе на русский язык к 2011 году. Благодаря усилиям многочисленных представителей Лозаннского комитета по всемирной евангелизации, образованного по решению Лозаннского Конгресса, составленное Соглашение получило распространение в протестантских сообществах по всему миру. Как и значимые тексты времен Европейской Реформации, Лозаннское Соглашение не осталось лишь декларацией веры, но оказало влияние на различные сферы жизни [\[14\]](#).

1. «Правила чтения» Лозаннского Соглашения

Принятая в том или ином сообществе система символических смыслов задает особые «правила чтения» текста, обсуждения и легитимации политических аргументов, интерпретации содержания послания и значения речевых жестов [\[16\]](#). В случае с Лозаннским Соглашением и его официальным переводом на русский язык таких контекстов было как минимум два – преимущественно западное англоязычное протестантское сообщество конца третьей четверти XX века и русскоязычное протестантское движение начала второго десятилетия XXI века. В первом случае речь шла о радикальном пересмотре глобального мироустройства и влияния Церкви на новый мировой порядок. Это предполагало в том числе раскаяние в «глобальной культурной экспансии» и пересмотр «христианского долга» общественно-политического участия в развитии мира. Во втором случае подготовка и публикация канонического перевода Лозаннского Соглашения обозначали значимый шаг на пути мировой интеграции русскоязычного протестантского сообщества. Англоязычный текст Соглашения был доступен в России уже вскоре после его утверждения, однако на русский язык были переведены лишь небольшие фрагменты документа [\[17, с. 76\]](#), что определяло специфику знакомства с ним.

Важную роль в понимании «правил прочтения» Лозаннского Соглашения играет рассмотрение процессов подготовки и публикации этого документа – как первоначального, так и переводного [\[16\]](#). Лозаннскому Конгрессу предшествовало несколько международных мероприятий и дискуссий различного формата, на которых были выработаны основные идеи, легшие в основу последующего документа. Джон Стотт

занял позицию руководителя редакционного комитета, в который также входили Хадсон Армердинг, Самуэль Эскобар, Лейтон Форд и Джеймс Дуглас. Комитет сформулировал проект текста соглашения и разослал его всем участникам Конгресса за несколько месяцев до начала [8, с. 65-66]. В ответ были получены отзывы, послужившие основой для подготовки новой редакции, которую обсуждали и уточняли на протяжении всего времени Конгресса. В итоге была принята согласованная редакция Соглашения, ставшая каноничной версией англоязычного текста. Несмотря на коллективное участие в подготовке Лозаннского Соглашения, в нем довольно сильно прослеживаются авторский стиль и интенции Джона Стотта, многие из которых были уточнены им самим в обзорном комментарии на текст.

Процедура создания переводов Лозаннского Соглашения была во многом похожа на то, как создавали и утверждали официальный англоязычный текст. Церкви, действующие на территории постсоветских государств, в соответствии со структурой Лозаннского Движения относятся к региону Евразии, в рамках которого было проведено несколько коллективных встреч, называемых Лозанскими Консультациями. В повестки Консультаций были включены самые разные вопросы, однако проблематика подготовки и согласования канонического перевода Лозаннского Соглашения ни разу не была вынесена в качестве отдельного значимого пункта. Свидетельства обратного не обнаруживаются ни в публикациях, ни в личном общении со значимыми участниками этих встреч. Фактически текст перевода был подготовлен самостоятельно ответственным за Евразию региональным директором Лозаннского Движения, ректором УЕТС Анатолием Глуховским и его помощниками, а затем опубликован на официальном сайте Движения. В итоге Лозаннское Соглашение, выражающее протестантское мировоззрение в формулировках Джона Стотта [14, с. 141], уточненных многочисленными участниками Лозаннского Конгресса 1974 года, при переводе на русский язык подверглось преобразующему влиянию взглядов команды переводчиков на политическую и религиозную ситуацию в Евразии.

Стоит отметить, что и само название документа в значительной степени влияет на специфику его прочтения. В англоязычном заголовке стоят слова «Lausanne Covenant», звучание которых предполагает определенную языковую игру. Слово «Covenant» может быть использовано и для обозначения некоего «соглашения», и для звучащего сакрально «Завета», например, «Нового Завета» (New Covenant). Джон Стотт в комментарии 1975 года писал, что слово «Covenant» было использовано не в «техническом, библейском смысле», а для обозначения юридически обязывающего договора (binding contract). Там же он провел аналогию с религиозно-политическим договором XVII века между английским парламентом и Шотландией, известным под названием «Solemn League and Covenant». Отсылка к этому документу содержится и в заключительном разделе Лозаннского Соглашения, включающем слова «мы вступаем в «a solemn covenant» с Богом и друг с другом». Подобный прием позволил Джону Стотту, с одной стороны, закрепить связь религиозного и политического, а с другой, подчеркнуть сакральный статус подобных специфических взглядов, подвергшихся обширной критике оппонентов [14, с. 138-140].

Варианты трактовок названия «Lausanne Covenant», возникших в последующих дискуссиях, можно объединить в две группы. Англоязычные комментаторы документа, в том числе Кристофер Райт, международный директор основанного Джоном Стоттом «The Langham Partnership», склонны указывать на библейскую аналогию «Lausanne Covenant», сравнивая его с Ветхим и Новым Заветом. Переводчики же, напротив, чаще всего ориентируются на более светскую версию прочтения. В переводе документа на

русский язык, опубликованном на официальном сайте Лозаннского Движения, используется термин «Соглашение». В русскоязычных протестантских дискуссиях наиболее употребительным термином является «Лозаннское Соглашение», а вторым по популярности – «Лозаннский Договор». Намного реже можно встретить словосочетание «Лозаннский Завет». Кроме того, из перевода исчезла связка названия и заключительного раздела «Covenant / a solemn covenant», которая в русской версии приобрела вид «Соглашение / торжественный союз». Стоит отметить, что в переводах на другие языки это связка представлена по-разному, от испанской версии «Pacto / un pacto solemne», до французской «La déclaration / une alliance solennelle»[\[4\]](#).

2. Основные понятия Лозаннского Соглашения

Лозаннское Соглашение было утверждено Международным конгрессом по всемирной евангелизации, в связи с чем основным источником заимствования идиом стали языки протестантского богословия и церковной практики. Лозаннский Конгресс позиционировался в качестве более ортодоксальной альтернативы Всемирному Совету Церквей, созданному в 1948 году и объединившему различные протестантские, католические и православные церкви[\[14, с. 138\]](#). Всемирный Совет Церквей подвергался активной критике радикальных консерваторов, обвинявших его в излишнем внимании к политическим и социальным вопросам. Чтобы избежать подобной критики авторы Лозаннского Соглашения постарались использовать в своем тексте множество подчеркнуто конфессиональных идиоматических выражений. Так, например, уже упомянутый «Covenant» был использован Джоном Стоттом как в смысле изложения воли Бога, так и в значении государственно-конфессионального договора об установлении вероучения и правил церковной деятельности, в том числе в политической сфере. Не менее значимым было слово «дух», которое чаще всего употреблялось в имени «Дух Святой», но применялось и по отношению к различным направлениям церковного служения, а после закрепилось в словосочетании «дух Лозанны»[\[8, с. 68\]](#).

Вводным понятием Лозаннского Соглашения стало «Поручение Христа», известное также как «Великое Поручение» (Great Commission). Само по себе идиоматическое выражение не является изобретением Джона Стотта, однако его привлечение в документ было важным ходом, усиливающим двойственное звучание «Завета». В комментарии к Соглашению Стотт упоминает оба словосочетания вместе, говоря, что Царство Божие является единственной «мировой империей», к которой должны стремиться христиане – «послы Иисуса Христа», исполняющие «Великое Поручение». «Великое Поручение» стало одним из ключевых словосочетаний в последующих документах Лозаннского Движения, наравне с «Наибольшей Заповедью» (Great Commandment) и «Мандатом Творения» (Creation Mandate)[\[4\]](#). Инновацией в использовании «Великого Поручения» было соположение миссионерских задач («благовестия») с задачами общественно-политической активности, как в основном тексте, так и в комментарии. Подобное объединение вызвало напряжение в рядах сторонников фундаменталистских взглядов, что усилило опасения относительно возможности сохранить единство в Лозаннском Движении. Джон Стотт, однако, смог настоять на сохранении своей трактовки и в Соглашении, и в последующих официальных документах Лозаннского Движения[\[14, с. 138-145\]](#).

В русскоязычном переводе Лозаннского Соглашения идиоматическое выражение «Поручение Христа» было сохранено. Существовавшее в оригинале обозначение связи между благовестием и общественно-политической активностью формально осталось,

однако фактически было подвергнуто некоторым изменениям. Авторы протестантских текстов традиционно подкрепляют свои рассуждениями ссылками на стихи Священного Писания. Это проявляется как в форме прямого цитирования, так и в виде указания конкретных книг, глав и стихов Библии. В Лозаннском Соглашении был применен второй способ – в конце каждого раздела документа перечислено несколько мест Писания, прочтение которых должно прояснить идею основного текста. В русскоязычной версии в разделах «1. Божья цель» и «3. Уникальность и универсальность Христа» ссылки приведены в сокращенной версии, исключающей ряд фрагментов, в которых говорится о необходимости «идти в мир» для создания «народа Божьего». Подобная избирательность присутствует только в переводе текста на русский язык. В других официальных версиях документа все ссылки сохранены в первоначальном виде, за исключением французского и португальского переводов, где были удалены полностью все примечания [\[24\]](#).

Особого внимания заслуживает словосочетание «мужчины и женщины», которое в тексте Лозаннского Соглашения играет не только техническую, но и смысловую роль. Эти слова встречаются в нескольких разделах, а основное раскрытие получают в пункте 5, повествующем о социальной ответственности христиан. Там приведено достаточно развернутое указание на недопустимость любых форм дискриминации мужчин и женщин со стороны священнослужителей и других верующих. Несмотря на то, что уже в первой главе книги Бытия используется такая парная языковая конструкция, наиболее часто в церковных текстах применяется обобщающий термин «человек». Решение Джона Стотта указывать «мужчин и женщин» позволило ему сделать сразу три смысловые ссылки. Первая из них – указание на возвращение к «истокам христианской веры», особенно ценимое в протестантских сообществах на всем протяжении их существования. Вторая ссылка – копирование риторики Устава Организации Объединенных Наций и иных международных договоров новейшего времени, определивших политическое устройство мира. И, наконец, в качестве третьей ссылки можно назвать ответ на дискуссии о равенстве полов, в котором сторонники фундаменталистских взглядов придерживались противоположных позиций [\[4\]](#).

При переносе идей о всеобщем равенстве из англоязычного документа в другие языковые контексты часть смыслового пласта была утрачена. В русском тексте Лозаннского Соглашения под редакцией Анатолия Глуховского нет ни одного упоминания слова «женщина» или синонимичного ему понятия. Во всех случаях употребления парных конструкций были использованы обобщающие термины «человек» и «человечество», которые позволили сохранить лишь одну из трех ссылок и устранили дополнительное политическое звучание Соглашения. Стоит отметить, что подобная ситуация наблюдается и в других переводах – прямые упоминания женщин полностью отсутствуют в канонических текстах на арабском, голландском, датском, китайском, корейском, литовском, немецком, норвежском, португальском, финском, французском, шведском и японском языке. Парная языковая конструкция была сохранена лишь в переводах на индонезийский, испанский, итальянский и персидский язык. Что касается русскоязычного протестантского сообщества, то к моменту подготовки перевода в нем заметно усилились сторонники радикально консервативных взглядов, ответом на что стала попытка сделать перевод максимально нейтральным [\[20; 21; 22\]](#).

3. Доктрина «Всеобщего Священства» в тексте Лозаннского Соглашения

Одним из значимых результатов публикации текста Лозаннского Соглашения стала актуализация доктрины «Всеобщего Священства» в протестантских дискуссиях, в том числе в перспективе рассмотрения политической проблематики. Эта доктрина возникла

во времена Европейской Реформации и имела значимые социально-политические последствия. Мартин Лютер, один из лидеров Реформации, в своих трудах писал, что все верующие посредством крещения обретают право называться и быть священниками. Подобное утверждение устранило сакральную границу между клириками и мирянами, а также заставляло переосмыслить все виды деятельности с позиции служения Богу [\[1, с. 20-22\]](#). В последующие века значение доктрины постепенно менялось – от руководства к действию до совокупности сакральных формул, время от времени произносимых в дежурном порядке. Стоит отметить, что непосредственно в Лозаннском Соглашении отсутствует прямое название доктрины, хотя ее содержание можно довольно легко проследить на протяжении всего текста. Джон Стотт заложил в Соглашение основные идеи, которые получили развитие и соответствующую маркировку (*the priesthood of all believers*) в итоговом документе Второго Конгресса – Манильском Манифесте 1989 года [\[4\]](#).

Наиболее ярким образом идеи доктрины «Всеобщего Священства» были отражены в разделе 11 «Образование и лидерство». Там отмечено, что программы богословского образования являются принципиально необходимыми для всех церковных лидеров – пасторов и мирян (*for pastors and laity*). В своем комментарии к Лозаннскому Соглашению Джон Стотт явно подчеркнул эту связку, указав на недопустимость любых проявлений клерикализма – подавления мирян священниками. Выравнивание в правах всех активных верующих было, с одной стороны, возвращением к идеям мыслителей времен Реформации и к устройству Ранней Церкви, а с другой стороны, признанием фактического неравенства среди членов церковных общин и существования жесткой иерархичности в отношении к разным видам служения христиан [\[24\]](#). Раскрытию этого были посвящены последующие документы Лозаннского Движения, указывающие на недопустимость возвращения в Церковь идей о преобладании клириков над мирянами, а также любых форм активности внутри церковной общины над служением «вне церковных стен», в том числе в рамках светских профессий.

При переводе раздела про лидерство и богословское образование на другие языки его семантика была сохранена практически во всех вариантах, за исключением литовского и русского. В литовском переводе в числе лидеров были указаны пасторы и другие служители (*pastorių ir kitų tarnautojų*). В данном случае слово «*laity*» было заменено не на «*pasaulietis*», обозначающее нерукоположенных членов общины, а на «*служители*» (*tarnautojų*), которым обозначают всех активных членов церкви. В русскоязычном тексте изменению подверглись все идиомы в связке. Термин «лидеры», обозначающий активную часть общины, вне зависимости от наличия у этих людей формализованных позиций и рукоположения, был заменен на словосочетание «руководители церквей», применяемое по отношению к клирикам. Термин «пасторы», широко распространенный в протестантизме, был заменен на слово «пресвитеры», являющееся более популярным в постсоветских баптистских общинах. Вместо «мирян» были указаны «дьяконы», относимые к числу клириков. Иными словами, при переводе на русский язык клерикализм не только не был подвергнут критике, но напротив – «получил поддержку» авторитетного документа.

Ситуация, отраженная в русскоязычном переводе в качестве нормативной, в языке Джона Стотта обозначается термином «церковное гетто» (*ecclesiastical ghettos*). Эта идиома при переводе была прямо перенесена в русский текст, что не помешало ответственным лицам внести изменения в другие части Лозаннского Соглашения. В оригинале текста указано, что христиане должны «вырваться из церковного гетто» и «проникнуть» в нехристианское общество. Это «проникновение» предполагает, что

осуществление миссионерских задач возможно только в тесной связке с общественно-политической активностью, проявляемой на разных уровнях и в самых разных формах. Для этого, в свою очередь, требуется признание равенства всех членов церкви, без выделения «более равных». В качестве противопоставления идеи «церковного гетто» была озвучена формула, ставшая девизом Лозаннского Движения: «вся Церковь несет все Евангелие всему миру». В продолжении этой идеи Стотт указывал на необходимость скрупулезности и честности во всем, особенно в финансах и в публичном пространстве, потому что фальсификация фактов служителями может стать причиной недоверия к Евангелию [\[24\]](#).

Одним из ключевых терминов, используемых для раскрытия доктрины «Всеобщего Священства», стало словосочетание «христианский долг». Этот термин в языке Лозаннского Соглашения включает в себя представление о том, что обязанностью христиан в равной степени являются и благовестие, и участие в общественно-политических процессах. Русскоязычный текст содержит близкий к оригиналу перевод, однако отсутствие разъяснений переводит соответствующие фразы в разряд лозунгов. В своем комментарии Стотт уточнял, что подобное представление является логическим продолжением основных христианских доктрин – о Боге, человеке, Спасении и Царстве. Первая доктрина утверждает, что Бог является Творцом всего мира, поэтому люди должны нести свою «социальную ответственность» за творение как часть служения Богу. Так как человек создан по образу и подобию Бога, он должен заботиться обо всем мире. Доктрина о Спасении предполагает противостояние злу во всех его проявлениях, в том числе в социальных и политических. В связке с доктриной о Царстве это означало призыв к борьбе за социальную справедливость во всех государствах мира [\[4\]](#).

Заключение

В протестантских сообществах Лозаннское Движение позиционируется в качестве выразителя достаточно консервативных взглядов на различные вопросы – как богословские, так и из иных сфер. Джон Стотт, подготовивший Лозаннское Соглашение, сумел зафиксировать в этом документе как совокупность соответствующих протестантских взглядов на устройство Церкви и практику исполнения ее Миссии, так и специфическую политическую программу, призывающую христиан вовлекаться в общественно-политические процессы во всех государствах мира. При переводе на русский язык первая часть была в основном сохранена, однако наиболее острые с точки зрения фундаменталистских кругов вопросы получили значительно меньше внимания. Расхождение в текстах было достигнуто за счет различных искажений – от выбора слова «Соглашение» вместо термина «Завет», что устранило языковую игру сакральных и политических смыслов в названии, до удаления части ссылок на Библию и замены термина «миряне» на «дьяконы», что ликвидировало вопрос о недопустимости клерикализма. Особенno проблемная для фундаменталистов тематика прав женщин в церковных общинах была полностью удалена из русскоязычного перевода Лозаннского Соглашения – ключевого документа протестантских дискуссий.

Исследование показало, что основные искажения при переносе указанных языков из англоязычных дискуссий в Россию связаны не с их непереводимостью, а преимущественно с традиционалистскими взглядами переводчиков и нежеланием упоминать проблемные с их точки зрения вопросы. Ключевые термины, понятия, языковые конструкции и нормы богословских языков, использованных Джоном Стоттом в рассматриваемом тексте, имеют общеупотребительные аналоги в русскоязычных дискуссиях. В случае их использования сохранение политической перспективы при

переносе богословских языков из первоначального пространства в российский контекст было бы вполне возможным, поскольку обозначенные аналоги обладают схожими коннотациями и политическими отсылками. Этого, однако, не произошло, и в качестве официального перевода была опубликована относительно нейтральная церковная декларация. Это стало возможным по ряду причин, во-первых, из-за доверия к региональному директору Лозаннского Движения, впоследствии уволенного по причине утраты доверия, а во-вторых, вследствие отсутствия на тот момент достаточного опыта участия в международных объединениях у русскоязычных протестантов, которые не оспорили перевод в момент публикации, а в последующие годы занимались другими задачами.

Библиография

1. Скиннер К. Истоки современной политической мысли. В 2-х томах. Том 2. Эпоха Реформации. М.: Дело, 2018. – 568 с.
2. Атнашев Т.М., Велижев М.Б. II дискуссия вокруг Кембриджской школы. Интервью с Александром Бикбовым, Александром Дмитриевым и Денисом Сдвижковым // Новое литературное обозрение. 2015. № 4 (134). С. 93-108.
3. Атнашев Т.М., Велижев М.Б., История политических языков в России. К методологии исследовательской программы // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Том 2. № 3. С. 107-137.
4. Егоров С.Ю. Легитимация предпринимательской деятельности в языке современных протестантов в англоязычном мире и России // Современная Европа. 2022. № 2 (109). С. 163-175. DOI: 10.31857/S0201708322020127.
5. Павлов А.В. Приключения метода: Кембриджская школа (политической мысли) в контекстах // Логос. 2018. Т. 28. № 4. С. 261-302.
6. Правилова Е. «Частная собственность» в языках российского общества конца XVIII – начала XIX веков // Новое литературное обозрение. 2015. № 5 (135). С. 88-100.
7. Юрченко Н.И. Влияние Реформации на формирование демократических институтов Европы // Universum: общественные науки. 2017. № 5 (35). С. 4-8.
8. Дементьев Б.П. Реформация: история и перспективы // Власть духовная и светская: взаимодействие в социокультурном пространстве. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 500-летию Реформации. Самара, 2017. С. 56-64.
9. Собко Л. Реформация 1517 и революция 1917: проблема преемственности // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2018. № 16. С. 449-457.
10. Шретер М. Реформация церкви как реформация мысли: Германия, 1517 год // Вестник РХГА. 2018. № 2. С. 156-162.
11. Melton J.G. Encyclopedia of Protestantism. New York: Facts on File, 2005. – 628 p.
12. Cameron J. John Stott and the Lausanne Movement: A Formative Influence // The Lausanne Movement: A Range of Perspectives. Oxford: Regnum Books International, 2014. P. 61-73.
13. Finstuen A., Wacker G, Wills A.B. Billy Graham. American Pilgrim. Oxford: Oxford University Press, 2017. – 336 p.
14. Chapman A. Godly Ambition: John Stott and the Evangelical Movement. Oxford: Oxford University Press, 2011. – 240 p.
15. Tennent T.C. Lausanne and Global Evangelicalism – Theological Distinctives and Missiological Impact // The Lausanne Movement: A Range of Perspectives. Oxford: Regnum Books International, 2014. P. 45-60.
16. Атнашев Т.М., Велижев М.Б. Кембриджская школа. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков // Новое литературное обозрение. 2015. № 4 (134). С. 21-

44.

17. Рягузов В. Библейские основы благовестия // Братский вестник. 1990. № 4. С. 73-82.
18. Escobar S. El volumen titulado En busca de Cristo en América Latina. Buenos Aires: Kairós, 2012. – 495 p.
19. Douglas J.D. Let the Earth Hear His Voice. Minneapolis: World Wide Publications, 1975. – 1471 p.
20. Черенков М.Н. Перспективы теолого-философского диалога в постсоветском протестантизме // SENTENTIAE. 2011. № 2 (25). С. 153-173.
21. Кильдяшова Т.А. Коммуникативные особенности проявления фундаменталистской религиозности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2013. № 3. С. 45-49.
22. Джон Д. Христианский фундаментализм. Сделано в Америке // Страницы: богословие, культура, образование. 2011. № 4 (15). С. 588-596.
23. Горбачев А.Л. Восстановление оснований Всеобщего Священства // Философско-религиозные тетради. Тетрадь № 7. Результаты богословского осмысления темы Всеобщего Священства. М.: МРО ЕХБ «На Руси», 2013. С. 25-38.
24. Егоров С.Ю. Понятие «служение» в языках англоязычных и русскоязычных дискуссий современных протестантов: новейшие дискуссии и тенденции // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 2. С. 230-249. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-2-230-249.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия

на статью « Специфика (не)намеренных искажений при трансфере политических языков из англоязычных дискуссий в Россию (на примере Лозаннского Соглашения) »

Предметом исследования являются являются малоизученные в отечественной науке международные протестантские дискуссии и нарративный анализ соответствующих материалов на примере Лозаннского Соглашения, которое было утверждено участниками Международного конгресса по всемирной евангелизации, состоявшегося в швейцарском городе Лозанна в 1974 году.

Методология исследования включает такие общенаучные подходы, как дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, наблюдения, синтеза, сравнительно-сопоставительный метод, которые дали возможность рассмотреть искажения, допущенные при переводе Лозаннского Соглашения на русский язык.

Актуальность работы определяется обращением автора к проблеме трансфера политических языков в современных научных дискуссиях в аспекте «правил прочтения» Лозаннского Соглашения, его официальным переводом на русский язык. Автор рассматривает основные понятия Лозаннского соглашения и специфику их перевода на русский язык, а также причину искажений, допущенных при переводе. Например, при переносе идей о всеобщем равенстве из англоязычного документа в другие языковые контексты часть смыслового пласта была утрачена. В русском тексте Лозаннского Соглашения под редакцией Анатолия Глуховского нет ни одного упоминания слова «женщина» или синонимичного ему понятия. Автор объясняет это тем, что в русскоязычном протестантском сообществе к моменту подготовки перевода в нем заметно усилились сторонники радикально консервативных взглядов, поэтому был сделан максимально нейтральным

Научная новизна работы определяется тем, что в связи с различиями в политическом значении богословских языков в разных дискуссиях представляется интересным выяснить, сохраняют ли протестантские богословские языки свою политическую перспективу при их переносе из первоначального пространства в российский контекст. Автор приходит к выводу, что основные искажения при переносе из англоязычных дискуссий в Россию связаны не с их непереводимостью, а преимущественно с традиционалистскими взглядами переводчиков и нежеланием упоминать проблемные с их точки зрения вопросы. Автор, таким образом, выявляет мировоззренческий характер таких искажений.

Проведенный автором анализ показывает, что при переводе на русский язык наиболее острые с точки зрения фундаменталистских кругов вопросы получили значительно меньше внимания. Расхождение в текстах было достигнуто за счет различных искажений. Особенно проблемная для фундаменталистов тематика прав женщин в церковных общинах была полностью удалена из русскоязычного перевода Лозаннского Соглашения – ключевого документа протестантских дискуссий. Работы посвящена мировоззренческому характеру таких искажений, поэтому она носит философский характер.

Статья написана научным языком, претензий к стилю изложения нет. Структура соответствует требованиям, предъявляемым к научному тексту. Возможно Библиография работы содержит 24 источника, которые отражают актуальную литературу по представленной в работе теме.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Желтикова И.В., Петрова Р.А. Психологический механизм формирования образа будущего // Философская мысль. 2025. № 8. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.8.75619 EDN: WNAJAT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75619

Психологический механизм формирования образа будущего

Желтикова Инга Владиславовна

ORCID: 0000-0002-4540-2797

кандидат философских наук

доцент, зав. кафедрой; кафедра философии и культурологии; Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

302025, Россия, Орловская область, г. Орел, ул. Бурова, 26

[✉ inga.zheltikova@gmail.com](mailto:inga.zheltikova@gmail.com)**Петрова Регина Андреевна**

ORCID: 0000-0002-7162-9880

специалист по учебно-методической работе; ФБГОУ ВО "Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева"

302026, Россия, Орловская обл., г. Орёл, Заводской р-н, ул. Комсомольская, д. 95

[✉ aposteriori.2017@mail.ru](mailto:aposteriori.2017@mail.ru)[Статья из рубрики "Философия культуры!"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2025.8.75619

EDN:

WNAJAT

Дата направления статьи в редакцию:

23-08-2025

Аннотация: Предметом исследования выступают механизмы формирования индивидуального образа будущего и возможность их влияния на образ будущего как феномен общественного сознания. В статье представлен краткий обзор существующих подходов к решению проблемы возникновения образов будущего и предложено детальное рассмотрение двух психологических принципов: метафоры и архетипы,

участвующих в формировании картин будущего, оба они обнаруживают использование при размышлении о будущем бессознательных приемов. Авторы на конкретных примерах показывают, что стремление представить будущее включает такие установки на индивидуального сознания, благодаря которым воображение перспективы основывается на ассоциативных связях с настоящим (метафора) или задействует универсальные мыслительные образцы (архетипы). Особое внимание в статье уделяется образам будущего, функционирующим в русской культуре последних двух столетий. Методология исследования заключается в экстраполяции эвристического потенциала метафоры и архетипа на исследование будущего. Выявление метафоры в картинах будущего позволяет обнаружить психологические механизмы, обеспечивающие их согласованность в рамках социальных групп. Использование архетипа для понимания образов будущего позволяет увидеть своеобразные «подсказки», поступающие из коллективного бессознательного и помогающие организовать дискурс о будущем. Новизна исследования заключается в описании метафоры и архетипа как элементов психологического механизма формирования образа будущего. Использование метафоры в создании картин будущего помогает структурированию опыта, передаче эмоциональных переживаний, связанных с будущим и упрощению сложных идей. Архетипы, присутствующие в представлениях о будущем, выполняют смыслообразующую, структурирующую и миметическую функции. Основные выводы исследования касаются присутствия в размышлениях о будущем адаптационного механизма психики, позволяющего справится с принципиально неопределенной и потенциально опасной ситуации будущего. Авторы полагают, что и первичное складывание картин будущего и вторичная реконструкция их исследователем, задействует общие психические механизмы – метафоры и архетипы. В этой связи представляется важным при изучении образов будущего фиксировать не только сами архетипы, а особенность набора архетипических сюжетов, специфику символического их выражения, не просто констатировать присутствие тех или иных метафор в репрезентации будущего, а выделять оригинальные метафоры или принципы их использования при описании будущего.

Ключевые слова:

образ будущего, метафора, архетип, социальные ожидания, бессознательное, общественное сознание, воображение, образ будущего России, архетип правителя, методология гуманитарных исследований

Введение

Образ будущего – словосочетание, в последнее время активно используемое как в научном, так и в публицистическом дискурсе. И если в публицистике под образом будущего чаще всего подразумевают идеологические конструкты или расплывчатые размышления о перспективах, то в сфере исследований будущего, понятие «образ будущего» обладает вполне определенным значением.

Индивидуальный образ будущего выступает элементом картины мира отдельного человека, одним из двух темпоральных горизонтов личности. Психологи и педагоги изучают такие образы у школьников или студентов, заключенных или больных людей, для понимания механизма выстраивания ими жизненных проектов. В рамках исторической науки и литературоведения происходит реконструирование представления о будущем конкретных личностей прошлого, политиков, ученых или писателей.

Коллективные образы будущего трактуются как присутствующие в обществе социальные ожидания, настроения по поводу будущего, более или менее целостные картины перспективы. Они оказываются востребованы социологами, политологами, социальными философами, футурологами. Приоритет в изучении коллективных образов будущего принадлежит социологам, которые путем анкетирования широкого охвата или углубленного интервью фокусных групп, проективных тестов или анализа социальных сетей, устанавливают медианы социальных ожиданий, выясняя образы будущего определенных возрастных или социальных групп, представления о будущем, функционирующие в тех или иных регионах или профессиональных сообществах. Политологические исследования образов будущего сосредоточены вокруг темы акторов, формирующих образы будущего и способов их транслирования, параметров, которыми обладают позитивные или негативные образы будущего, влияния картин будущего на политическую ситуацию. Разговор об образе будущего как идеологеме, отражающей заказ власти, указывает на то, как будущее вписывается в декларируемые в настоящем приоритеты. Например, на прошедшем в июне 2025 года Петербургском международном экономическом форуме Медиахолдинг Алины Кабаевой «Национальная медиа группа» анонсировал создание футурологической лаборатории, которая займется созданием «позитивного образа будущего» для российского общества. По задумке разработчиков, идеи лаборатории будут использовать режиссеры кино и литераторы. Очевидно, что при этом, должно быть понимание природы, принципов существования и механизмов возникновения образа будущего.

Несмотря на то что образ будущего является востребованным исследовательским концептом, вопрос о его природе остается открытым. Как в свое время Аристотель в трактате «Категории» не определил природу общих понятий (чем инициировал спор об универсалиях в средневековой философии), исследователи, использующие в своих работах словосочетание «образ будущего», не уточняют номинальный или реальный статус этой категории. С одной стороны, образ будущего может быть понят в духе реализма как индивидуальная картина будущего, присутствующая в общественном или индивидуальном сознании. В пользу этого говорит возможность обнаружить индивидуальные представления о будущем в текстах различных типов: романах и рассказах, научных и философских трактатах, политических программах и экономических проектах, письмах, дневниках и мемуарах, кинофильмах, мультфильмах, дискуссиях в телепрограммах и социальных сетях. В то же время, в масштабах общества достаточно заметно совпадение образов будущего, которые присутствуют в индивидуальных представлениях. Причем представления о будущем, присутствующие на индивидуальном уровне, складываются в несколько альтернативных вариантов видения завтрашнего дня. Так что уместным оказывается говорить о более чем одном образе будущего, функционирующем на уровне общественного сознания в конкретный промежуток времени. То есть альтернативные картины будущего, соприсутствующие на уровне общественных настроений, предчувствий, отношений к будущему, разделяются теми или иными людьми и запечатлеваются в различных текстах. С этой позиции – образ будущего реален как феномен общественного сознания и содержание индивидуального сознания.

Однако произведения, непосредственно выражающие авторское представление о будущем, не так многочисленны, гораздо чаще мы имеем дело с текстами, содержащими указания на отдельные черты будущего. И даже индивидуальный образ будущего выявляется или реконструируется исследователем на основании отдельных авторских замечаний о будущем. Например, в написанных им литературных произведениях или философских трактатах, размышлениях на страницах дневника или письмах. Еще более значима фигура исследователя при изучении коллективных образов будущего. Так,

социологические исследования уже на уровне составления анкет включают фигуру исследователя в процесс создания образа будущего, этап же обобщения данных и их интерпретации позволяет поставить вопрос: не является ли картина будущего результатом исследовательского конструирования? Говоря о существовании некоего «общего знаменателя» в видении будущего, нельзя не признать, что выделяется он исследователем, а потому и сам образ будущего в большей степени номинален, чем реален, скорее сконструирован, чем реконструирован.

От решения вопроса о статусе образа будущего зависит и вопрос о его происхождении. Отвечая на него с позиции номинализма, мы будем размышлять о том, чем руководствуется исследователь, конструируя картины будущего. Позиция же реализма предполагает ответ на вопрос: под действием каких факторов в индивидуальном или общественном сознании возникают те или иные картины будущего?

В предыдущих своих исследованиях мы исходили из того, что образ будущего – это феномен, а не исследовательский конструкт, но он не дается нам в прямом наблюдении, а как любой культурный феномен существует через свои конкретные проявления – разноплановые дискурсы о будущем. Предметом данного нашего исследования будут выступать психологические механизмы процесса формирования индивидуального образа будущего и возможность их влияния на образ будущего как феномен общественного сознания. В своей работе мы опираемся на междисциплинарный подход, используя методы философской герменевтики и компаративистского анализа, аналитической и исторической психологии, лингвистики и социологии.

Уже сейчас образы будущего используются при изучении общественного мнения, при выстраивании стратегии развития отдельных областей и регионов, прогнозировании возможных реакций населения и его отдельных групп на реализацию политических и экономических проектов. Более глубокое понимание принципов функционирования образов будущего позволит понять, как складываются социальные ожидания, от чего они зависят, от чего зависят настроения по отношению к будущему, что делает его вполне актуальным.

Происхождение образов будущего: подходы к решению проблемы

Вопрос о механизме возникновения образов будущего является одним из нерешенных вопросов в исследованиях будущего. По сути, он распадается на два вопроса: каким образом формируются представления о будущем в сознании конкретного индивидуума и каким образом формируются и распространяются коллективные образы будущего.

Такие исследователи, как А. Рубин и Х. Линтури, Т. Ломбардо, С.А. Каболи и Р. Тапио, Л. Альбертсон и Т. Катлер, М. Гильо, К. Ангелойу, Л. Шелдрик и М. Теннант, Н. Фишер и С. Дан, К. Комп-Леуккунен и др., согласны с тем, что конкретный вид, который приобретают картины будущего, зависит от совокупности факторов, определяющих реальность носителей образов будущего. Среди этих факторов называют мировоззренческие модели [1], системы ценностей [2], принятые в обществе в целом и в конкретной социальной группе [3], место в социальной структуре и социальные роли носителей образов [4, р. 40-41], распространенные в обществе стереотипы, функционирующие на обыденном уровне представления о глобальных угрозах и присутствующие в массовом сознании знания о научных открытиях. Здесь можно уточнить, что значение имеет не только сама система общественных ценностей, но и ее изменение в масштабах времени. Поскольку именно смена ценностных координат или возникновение ситуации плурализма ценностных установок способны повлиять на возникновение новых образов будущего и

обуславливают их множественных характер.

Оригинальный взгляд на процесс возникновения позитивных картин будущего принадлежит немецкому философи первои половины 20 века Эрнсту Блоху [5]. Он полагал, что картины будущего складываются из «следов будущего», присутствующих в настоящем. Творческие люди, в первую очередь писатели, музыканты, художники, актеры, ученые, способны замечать эти скрытые в настоящем возможности и выделять из всего их спектра те, что определяют перспективу как более совершенную, нежели настоящее. Именно в этом смысле Блох говорил о картине будущего как утопии, определяя ее как горизонт надежды. Эту же тенденцию – способность будущего присутствовать в настоящем и быть запечатленным в образах – отмечает и канадский исследователь Д. Симандан [6].

В отечественном научном дискурсе образы будущего часто трактуются в качестве элемента идеологической системы, и потому их возникновение рассматривается как целенаправленный процесс, в котором принимают участие различные политические акторы, СМИ, ангажированные ученые и писатели. Образ будущего трактуется здесь как искусственный конструкт, создаваемый властными структурами в сфере общественного сознания либо с целью консолидации общества [7], определения вектора его дальнейшего развития либо с целью закрепления своего привилегированного статуса, сохранения и упрочения его в будущем [8]. Способами формирования такой «официальной» картины будущего признают символические практики [9], создание политической мифологии, социальных стереотипов, образов героев [10]. Широкие общественные дискуссии [7, 11] по поводу образа желаемого будущего, участие в них ученых, писателей, художников, других деятелей культуры [12] должны исключить навязывание «обществу тех политических идей и ценностей, которые для него неорганичны» [13].

Обобщая подходы к решению вопроса о возникновении образов будущего, существующих на данный момент, мы можем выделить два направления в осмыслении этого процесса – социальное и психологическое. Первое в большей степени касается механизмов формирования коллективных образов будущего, каковыми выступают политические, культурные, экономические процессы, происходящие в обществе и их отражение в общественном сознании, системе ценностей, распространенной в конкретных социальных группах. Анализ психологических механизмов формирования образов будущего относится к рассмотрению как индивидуальных, так и коллективных представлений, и сосредотачивает внимание на моделировании когнитивных актов, выделении устойчивых способов формирования смыслов. В центре внимания этого исследования окажутся именно психологические механизмы, присутствующие в процессе зарождения и распространения образов будущего.

Место метафоры в образах будущего

Одним из методов, широко применяемых в исследованиях образов будущего, выступает многоуровневый причинно-следственный анализ (КГА), разработанный в Центре по исследованию будущего в университете города Турку. Финские исследователи Лентура и Рубин [14] первыми различили в размышлениях о будущем несколько уровней (слоев), одним из которых был метафорический уровень.

В исследованиях финских ученых [15] и их единомышленников [16] метафора

рассматривается как способ изучения нарративов о будущем, позволяющий выявить культурную и мировоззренческую обусловленность этих размышлений, языковую картину мира, в рамках которой они осуществлялись. Методология исследования предполагала описание будущего, которое в свободной форме делали по заданию исследователей участники интервью. На определенном этапе обобщения этих рассказов о будущем происходило выделение повторяющихся метафор, что использовалось для детализации коллективных представлений о будущем. Метафоры, выделяемые в рассказах о будущем, позволяли увидеть, в рамках каких культурных моделей и языковой картины мира они сформировались.

Однако нам представляется, что изучение метафор, присутствующих в образах будущего, может быть продуктивным не только в качестве способа контент анализа, применяемого при изучении содержания перспективных картин, но и при изучении процесса мыслительного моделирования картины будущего.

В широком смысле слова, метафора – это тип троппа, при котором описание одного предмета или явления дается через его сравнение или уподобление другому предмету или явлению [17]. Метафора как предмет исследования интересует представителей различных научных областей: литературоведов [18], видящих в метафоре способ создания художественных образов, оказывающих на читателя повышенное эмоциональное воздействие, лингвистов [19, 20], изучающих ее как инструмент фиксации в речи образов отдельных предметов и явлений, психологов [21, 22], изучающих влияние метафор на процесс восприятия человеком окружающей действительности, философов [23, 24], признающих метафору одним из способов интуитивного познания.

В нашем исследовании мы будем опираться главным образом на когнитивный подход, рассматривающий метафору как особый инструмент мышления, позволяющий переносить знания из одной области опыта (*область-источник*) в другую (*область-цель*). Впервые с этих позиций метафора была проанализирована в книге Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (1980) [25].

С точки зрения когнитивного подхода, метафора, какой мы видим ее в языке, – это, так сказать, вершина айсберга, след работы по освоению окружающего мира, происходящей в нашем сознании. Сама метафора является одним из способов мышления, близким к умозаключению по аналогии, но протекающим подсознательно и включающим работу со смыслом не только на языковом, но и на образном уровне. Вилейанур Рамачандран и Вильям Хирстайн [26] полагают, что возникновение и восприятие метафоры происходит по-разному в левом и правом полушарии головного мозга человека, поэтому мост, образованный метафорой, соединяет не только неизвестное или трудно объяснимое явление и явление более знакомое и понятное, но и объединяет интуитивную, ориентированную на образы, работу правого полушария с рационально-логическими суждениями левого.

Чем сложнее объект осмыслиения, тем значимее, на наш взгляд, роль метафоры в этом процессе. Именно поэтому высказывания о будущем часто включают в себя метафоры: простые – разви́лка будущего и расширенные – будущее – это ребенок в утробе матери настоящего, стертые – светлое будущее и символические – мы пережили свое будущее, и метафоры олицетворения – слёзы прошлого оплодотворяют будущее, и аллегории – будущее туманно, а конец – всегда близок. Возможность думать об одной сфере в терминах другой позволяет выразить представления о несуществующей еще реальности будущего, опираясь на уже известное, познанное в процессе взаимодействия с

действительностью [27]. В этом плане метафора является эффективным мыслительным механизмом, участвующим в формировании образа будущего на индивидуальном уровне. В процессе метафоризации оказываются задействованы аналоговые, логические, ассоциативные модели, что позволяет относительно легко описывать то, чего еще нет. Думая о будущем, мы не просто делаем это в категориях и образах настоящего, мы наделяем их новым смыслом, формируя новую реальность. Метафоры, используемые в разговоре о будущем, знаменуют собой способ преодоления невозможности высказывания о том, чего нет и чье существование остается в области фантазии. В то же время, иносказательное говорение о будущем – это все-таки, говорение, то есть способ объективации содержания сознания, конкретизации неопределенности будущего.

На форму и содержание метафоры оказывают влияние как культурный контекст ее возникновения, так и «личность конструктора», фантазия которого определяет мотив выбора того или иного выражения, сводящего воедино далёкие друг от друга реальные объекты [28]. Поэтому метафоры участвуют в формировании не только индивидуального видения будущего, но коллективных представлений перспективы. Сходные метафоры, фиксируемые в КГА финскими исследователями, свидетельствуют о том, что, размышляя о будущем, отдельные члены социума используют присутствующие в культуре ассоциации и, в свою очередь, вносят в языковую картину мира устойчивые метафоры о будущем. Таким образом, образуется единое для определенной среды смысловое поле, в котором происходит формирование конкретного видения перспективы, конкретного образа будущего.

На наш взгляд, можно выделить три функции метафоры как когнитивного приема, участвующего в осмысливании будущего. Во-первых, метафора способствует структурированию опыта, важного при осмысливании будущего. Именно социальный опыт выступает той областью, основываясь на которой выстраивается метафора. Социально-экономическая, политическая, культурная ситуация, в которую включен конкретный человек, осознается им через деятельное или созерцательное участие, формирующее личный жизненный опыт. Багаж знаний из области культуры и науки, креативные способности, умение анализировать доступную информацию и строить мыслительные модели, создаваемые путем интерпретации и комбинирования элементов реального опыта, можно обозначить как воображаемый опыт. И тот и другой оказываются востребованными в процессе метафоризации, когда абстрактные или неясные идеи, связанные с будущим, выражаются через более конкретные и понятные образы настоящего.

Второй функцией метафоры как когнитивного приема является передача эмоционального переживания, связанного с будущим. Представления о будущем, складывающиеся в целостный или, по крайней мере, единый образ перспективы, включают в себя не только ожидания тех или иных событий и состояний, возможных в будущем, но и эмоциональные переживания, вызываемые этими событиями. Эмоциональная составляющая образа будущего отражает его желаемость, чувства, испытываемые по его поводу. Использование метафоры акцентирует эмоциональную сторону картины, делает ее обращенной непосредственно к конкретной личности, ее переживаниям и ассоциациям. В образах будущего с помощью метафоры передаются отношение к будущему автора или носителя образа и его стремление поделиться своей заинтересованностью в конкретном варианте будущего.

Так, американский философ и футуролог Френсис Фукуяма в своей известной работе «Конец истории и последний человек» [29] рисует, на первый взгляд, привлекательную

перспективу исторического прогресса, завершившегося наиболее оптимальным соотношением индивидуальной и общественной свободы, в виде секулярного государства эгалитарной демократии, рыночной экономики и принципа равенства возможностей. С одной стороны, такая организация социума обеспечит удовлетворение притязаний каждого его члена на самовыражение без необходимости жертвовать ради этого своим благополучием или даже жизнью. С другой – исключит из жизни сильные эмоции, риск, готовность «все поставить на кон». Для передачи своего отношения к созданному образу будущего Фукуяма использует метафору «человека без груди», заимствуя ее у К.С. Льюиса, называвшего так людей, состоящих «лишь из желания и рассудка, но не имеющих гордости самоутверждения, которая была в какой-то степени сердцевиной сути человека в ранние времена» [\[29, с. 152\]](#). Философ признает, что, думая о будущем, он испытывает ностальгию по времени, когда человек был готов рисковать жизнью ради абстрактной идеи, а соперничество соседствовало с отвагой и идеализмом, питая искусство и философию. «Типичным гражданином либеральной демократии является «последний человек», – пишет Фукуяма, – который, будучи вышколен основателями современного либерализма, оставил гордую веру в собственное превосходящее достоинство ради комфорtabельного самосохранения. Либеральная демократия порождает «людей без груди», состоящих из желаний и рассудка, но не имеющих «тимоса», умело находящих новые способы удовлетворять сны мелких желаний путем расчета долговременной выгоды для себя» [\[29, с. 13\]](#). Человек без груди – это метафора, передающая чувства Фукуямы по отношению к созданной им самим перспективе, заимствованная у Льюиса, она отсылает нас к нехватке, недостатку чего-то, утрате существенной стороны человечности.

Третья функция метафоры заключается в упрощении сложных идей, трансляции их с помощью ассоциативного ряда, визуализации. Таким путем метафоры делают сложные концепции более доступными для работы с ними, их передачи и восприятия. Примером этой стороны работы метафоры может служить образ города, который используется социальными философами для того, чтобы проиллюстрировать принцип строения общества.

Можно сказать, что образ идеального города выступает устойчивой метафорой для передачи представлений о социальной структуре. Первые философы-утописты Томас Мор, Валентин Андреа, Томазо Кампанелла, моделируя совершенное общество, подробнейшим образом описывали утопические города. Их регулярная планировка, унифицированные жилые дома, городское зонирование, вынесение на окраины опасного производства, отражали главенство разума в социуме, утверждение в нем принципа коллективизма и уравнительной справедливости. Современные представления о городах будущего – это образы индивидуальных домов с автономным обеспечением и цифровой средой внутри, удаленных друг от друга и расположенных на лоне природы, или небольших поселений с малоэтажной застройкой, образующих между собой сотовую структуру, образы, которые иллюстрируют идеи «нового средневековья», «цифровой деревни», «сетевого кочевничества», или, напротив, образы глобальных городов, в которых сосредотачиваются центры управления мировой экономикой, концентрируются таланты, и дифференцируются социальные миры богатых и бедных [\[30, с. 96-109\]](#).

Рассмотрение метафоры как когнитивного приема в исследованиях образов будущего позволяет обнаружить психологические механизмы, обеспечивающие согласованность картин будущего в рамках социальных групп и временных периодов. Исследователь, опирающийся на выявление метафор в изучаемых образах будущего, минимизирует влияние собственного субъективного взгляда на будущее. Социальное конструирование

визуальной метафоры рассматривают в качестве одного из механизмов формирования образа будущего ученые из Томского университета Н.А. Лукьянова и М.В. Гончаренко [31].

Место архетипа в исследовании образов будущего

Архетип – устойчивая объяснительная структура, присутствующая не только и не столько в размышлениях о будущем, но и в осмыслении мира вообще. Он отражает универсальность смыслообразования, свойственную человеку. Согласно концепции К.Г. Юнга, архетипы – это изначальные образы, фрагменты коллективной психики, существующие с незапамятных времен и выступающие способами организации человеческого опыта [32], «предрасположенности», влияющие на человека вне зависимости от его воли [33]. Являясь частью более глубокого слоя – коллективного бессознательного: «хранилища всего, что было пережито человечеством, начиная с его самых отдаленных истоков» [34, с. 181], архетипы содержат образцы восприятия, переживания, импульсы и эмоциональные реакции, в соответствии с которыми человек выстраивает отношения с окружающим миром, реализует определенные модели поведения, играет социальные роли.

Юнг полагал, что архетипов может быть столько, сколько повторяющихся жизненных ситуаций [33]. Среди наиболее значимых доминант коллективного бессознательного Юнг выделял архетипы: *Анима, Анимус, Самость, Тень, Ребенок, Мать, Мудрец, Герой, Трансформация, Мана/Бог, Рай, Трикстери* и др. Каждый из них может представлять этап индивидуации, сюжет или устойчивый мотив, проявляясь с помощью символов в сновидениях, фантазиях, мифах, религиозных и социальных представлениях, художественных образах. Зарубежные исследователи Роберт Мур и Дуглас Жиллетт [35] говорят об архетипах *Монарха, Воина, Мага, Любовника-Возлюбленной* как о моделях, определяющих познавательную и эмоциональную жизнь человека. К. Пирсон и М. Пирсон сравнивают архетипы с программным обеспечением психики [36, с. 147] и подробно останавливаются на архетипах *Правителя, Мудреца, Героя, Любовника, Славного малого, Простодушного, Хранителя, Искателя, Бунтаря, Ребенка, Шута-Трикстера*, характеризуя их как глубинные мотивационные структуры, определяющие вкусы, предпочтения и индивидуальный выбор человека.

Ряд исследователей выделяют характерные особенности архетипов и порождаемых ими мотивов: императивность и всеобщность [37], повторяемость, инверсивность, типологичность [38], образцовость, доминантность, связь с памятью культуры [39]. Присутствуя в общественном сознании через образы-символы, архетипы способны регламентировать жизнь как отдельного человека, определяя его мышление и взаимодействие с социумом, так и коллектива, обеспечивая передачу стереотипов и ценностных представлений. Последнее особенно ярко прослеживается в политической сфере, где архетипы влияют на формирование образов власти, близких к эталонным [40], способствуют сохранению статус-кво общественного порядка [41], а также используются в качестве манипуляции массовым сознанием.

В формировании образов будущего архетипы выполняют роль своеобразных «подсказок», поступающих в сознание из коллективного бессознательного и помогающих организовать дискурс о будущем. Чем неопределеннее ситуация настоящего, в которой происходит обращение к будущему, чем размытее и туманнее видится перспектива, тем большее место в образах будущего занимают архетипы. В

отличие от когнитивной функции метафоры, отражающей индивидуальное стремление выразить неизвестное через знакомое, архетипы функционируют на коллективном уровне и активизируют универсальные объяснятельные модели в ситуации, когда человек ощущает растерянность перед будущим. Человек, испытывая напряжение от незнания грядущей перспективы, так или иначе стремится его преодолеть, в том числе, с помощью воображения. По этому поводу Е.В. Золотухина-Аболина пишет: «*чтобы не находиться в беспрерывной тревоге и не пребывать в безысходном ступоре, мы должны обладать спонтанными и целенаправленными способами совладания с неопределенностью мира и субъективности*» [42, с. 71]. Архетипы, на наш взгляд, относятся как раз не к целенаправленным и рациональным, а неосознанным и инстинктивным способам коллективного сознания делать будущее более структурированным и узнаваемым.

В этом случае мы солидаризируемся с позицией К.Г. Юнга в том, что архетипы являются не генетически унаследованными представлениями, но инстинктивными векторами, трендами, задающими траекторию движения возможной перспективы, подобно тому, как «птицы вьют гнезда» или «муравьи строят свои муравейники» [32, с. 25-105]. Архетипы определяют не сами представления, но принцип их возникновения. И в контексте размышлений о будущем они будут обуславливать возможности реагирования, являясь попыткой психологической подготовки и приспособления к столкновению с непредсказуемыми, подчас неожиданными событиями, для которых американский писатель Н.Н. Талеб ввел яркую метафору – «черные лебеди» [43]. Поэтому, чем очевиднее присутствие архетипов в образах будущего, тем менее сознательно отношение к возможному будущему конкретного автора или социальной группы.

Архетипы как априорные формы сознания «невидимы» для самих их носителей, следовательно, неочевидны и архетипы, входящие в образы будущего для тех, кто эти образы разделяет. В то же время исследователь, работающий с анализом источников, содержащих представления о будущем, легко фиксирует присутствующие в образах архетипы, оперируя их содержанием, так как психологический механизм присутствия архетипов общий как для тех, кто пытается размышлять о неопределенном будущем, так и для тех, кто анализирует эти размышления. Выявление архетипов в картинах будущего позволяет узнать, какие именно элементы связаны не собственно с социальными ожиданиями, а с универсальными мыслительными схемами, глубинными установками психической деятельности человека. Так, различные исследователи, например, Ю.А. Никулина [44], Е.И. Петрова [45], Т.С. Паниотова [46] и др., предпринимали попытки проанализировать связь утопии с архетипами пространства, уходящими своими корнями в древность (острова, сады, горы, города), времени (Золотой век), небесных тел (Солнца), культурного героя и др. Архетипический подход позволяет исследователям проследить механизмы преобразования иррациональных элементов общественного сознания (архетипов) в рациональную форму (утопию), выделить общие схемы и образы, фиксируемые первоначально мифом.

На вопрос, как именно функционируют архетипы в представлениях о будущем, мы можем ответить, взяв в качестве примера общеизвестный архетип «Правителя». Чаще всего он выражается через фигуру (начальника, руководителя, вождя, царя), наделенную властью или особыми полномочиями. Предполагается, что именно Правитель осуществляет контроль над ключевыми сферами общества и поддерживает основы существующего миропорядка. Его отличительные особенности – умение сохранять спокойствие перед лицом хаоса и находить адекватные формы адаптации к возможным

изменениям. Этот аспект подчеркивали М. Марк и К. Пирсон, указывая, что Правители, расценивая все человеческие ситуации как исходно нестабильные, вместо них вырабатывают процедуры, политику, обычай и привычки, которые должны способствовать порядку и предсказуемости [36, с. 194]. Поэтому основные задачи Правителя – предупреждать опасные события, вносить в жизнь своих граждан ощущение устойчивости и надежности их положения, а главное, вселять людям уверенность в завтрашнем дне.

Отличаясь разнообразием вариаций в зависимости от эпохи и потребностей общества, архетип Правителя может интегрироваться с другими образами (например, отца, мудреца, войны) и освещать как положительные стороны обозначаемого лица: его героический характер, незаурядный интеллект, организационные способности, так и «теневые» черты: авторитарность, жестокость, тираническое и манипулятивное поведение. Между тем архетип Правителя может олицетворять не только конкретную личность, но и проявляться в специфике взаимоотношений в обществе, в особенностях мышления, во внешнем образе (имидже, стиле).

Архетип Правителя, присутствующий в представлениях о будущем писателей, философов, общественных деятелей, имеет различную ценностно-смысловую нагрузку и выражается преимущественно в образе главы государства. К примеру, архетип Правителя прослеживается в утопическом романе М.М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина» [47] (1784) в образе монарха Офирской земли, и в романе-утопии русского писателя и публициста В.Ф. Одоевского «4338-й год: Петербургские письма» [48] (1835) в лице монарха-поэта. В них мы видим символическую связь процветания общества с фигурой правителя.

Архетип Правителя актуализируется и приобретает сильный эмоциональный заряд в ситуации формирования общественного идеала, отличного или даже противостоящего принципам функционирования действующей власти. Примером может служить полемика русского просветителя Н.И. Новикова с Екатериной II (журналы «Трутень» и «Всякая всячина») [49], состоявшаяся в 1769 году и направленная на обличение нравственных пороков общества, тягот крепостного права, изъянов самодержавия. «Новиков не посягал на основы монархии, не думал об уничтожении крепостного права, но злоупотребления им стремился прекратить и горячо сочувствовал положению крестьян» [50, с. 49]. Его истинным образцом был просвещенный монарх, который неуклонно следует законам, не противоречит народной воле и прививает обществу культурные, образовательные ценности. По этому поводу можно вспомнить и философов-славянофилов А.С. Хомякова [51], И.В. Киреевского [52], К.С. и И.С. Аксаковых [53, 54]. Беря во внимание соображение философа К.Н. Леонтьева о монархии как о «родовом чувстве», принявшем государственное направление [55, с. 47], неудивительно, что образ мудрого царя для русского общества имел архетипическую природу.

Однако в произведениях отечественных писателей мы можем найти и другие, гротескные примеры архетипа Правителя, изображающие теневую сторону патернализма. Так, у русского публициста, критика и поэта К.С. Мережковского в книге «Рай земной, или Сон в зимнюю ночь. Сказка-утопия XXVII века» [56] (1903) мы встречаем картину интеллектуального и нравственного деградирования общества, скрывающуюся под завесой «евгенической» идиллии. «Покровители» в обществе будущего – это представители высшего сословия, «хранители знаний», «ангелы во плоти», воплощающие классический архетип Правителя: они опекают своих подопечных (блаженных «друзей»,

наслаждающихся жизнью и полусознательных «рабов», выполняющих физический труд), управляют их жизнью, устраниют все, что угрожает их счастью. Но делегирование всех решений *Покровителям*, а физический труд – рабам хоть и привело общество к всеобщему благоденствию, вместе с тем обнажило его негативные качества: отсутствие критического восприятия, слепое повиновение, неспособность быть счастливым без руководства.

Искаженное представление о руководителе как о гаранте наступления светлого будущего прослеживается в утопическом романе современной отечественной писательницы Т.Н. Толстой «Кысь» [57] (2000). В нем обнаруживается абсурдность связи социального порядка с личностью правителя («наибольшего мурзы») – Федора Кузьмича, который, «день и ночь не спит» и «о нас голубчиках, кручинится: сыты ли мы, пьяны ли мы, нет ли в чем нам досады какой али увечья какого», он и творец-демиург всех научных открытий: «сани измыслил», «колесо из дерева резать догадался», «дал нам счет и письмо» [57, с. 22]. Между тем, иллюзорность активной управляемой и научной деятельности Федора Кузьмича подчеркивают как описания его внешнего комичного образа (ростом едва по колено, «ручищи как печные заслонки» [57, с. 75]), так и изображение нищеты и безнадежности мира будущего: разрухи, еды из мышей и бессмысленного окультуриивания.

На примере архетипа Правителя мы можем увидеть три функции, выполняемые им по отношению к образу будущего: смыслообразующую, структурирующую и миметическую. Первая функция заключается в том, что архетипы выступают смысловой основой для изначально неопределенных ситуаций и делают возможную перспективу более узнаваемой, доступной для восприятия и осмысливания на индивидуальном и коллективном уровнях. Здесь архетипы подобны палитре, набор красок которой отражает резерв представлений о завтрашнем дне, именно в рамках этой «палитры» происходит выстраивание представлений о будущем. Вторая функция – структурирующая, выражается в том, что архетипы придают отдельным содержаниям картин будущего универсальный, стереотипный характер. Фундаментальные образы социальных преобразований, обретения рая, наступления конца света или технического прогресса, отражая тот или иной архетип, являются лейтмотивом для различных панорам будущего и обобщают социальные ожидания, свойственные определенной эпохе и обществу. Можно сказать, что архетипы задают основные темы в размышлении о будущем. Миметическая функция архетипов связана с символическим означиванием прошлого и воспроизведением в будущем наличных в культуре ценностей, моделей поведения, устойчивых образцов. Обращаясь к неопределенности будущего, коллективное сознание опирается на архетипический опыт предшествующих поколений, таким путем делая неизвестное более привычным.

Выводы

В этой статье мы обратились к проблеме происхождения образов будущего, представив краткий обзор существующих подходов к ее решению. В отличие от политологов, предполагающих возможным целенаправленно транслировать готовые образы будущего от элиты к массе (см. напр., [58]), мы солидаризируемся с исследователями [31], полагающими, что в процессе формирования картины будущего на уровне общества значительную роль играют бессознательные психологические механизмы, изучение которых позволит проследить неконтролируемые факторы, влияющие на видение перспективы. Жизнеспособный образ будущего не может быть полностью искусственно сконструирован какой-либо личностью, политическим или социальным институтом, в

значительной степени он складывается стихийно. Однако уже имеющийся образ может быть усилен, скорректирован, популяризирован. Методы этого «продвижения» конкретного видения будущего зависят от социокультурной ситуации и форм влияния на коллективное сознание, одним из способов этого влияния является использование описанных нами психологических механизмов.

В статье мы указали на два таких таких принципа: метафору и архетип, участвующих в формировании картин будущего, оба они обнаруживают использование при размышлении о будущем бессознательных приемов. И те, и другие могут выступать элементами объяснительных моделей, имеющих место при интеллектуальном освоении эмпирически не верифицируемых феноменов, в нашем случае – будущего. Мы показали, что стремление представить будущее включает такие установки надындивидуального сознания, благодаря которым воображение перспективы основывается на ассоциативных связях с настоящим (метафора) или задействует универсальные образы (архетипы). Это не единственный путь, по которому происходит формирование образов будущего, но наиболее востребованный в ситуации неопределенности, когда рациональное проектирование уступает место интуитивному и эмоциональному предвосхищению.

Использование метафоры в создании картин будущего помогает структурированию опыта, передаче эмоциональных переживаний, связанных с будущим и упрощению сложных идей. Архетипы, присутствующие в образах будущего, выступают своеобразной «подсказкой» при описании будущего, в ситуации, когда никакая конкретная перспектива не кажется убедительной, придают социальным ожиданиям узнаваемый образ, позволяют опереться при выстраивании стратегии будущих действий на устойчивые поведенческие образцы.

Учитывая универсальный характер рассматриваемых психологических механизмов при исследовании образов будущего, нам представляется важным фиксирование не самих архетипов или того общего, что присутствует в картинах будущего разных культур и эпох, а специфического в этом общем, то есть особенностей набора архетипических сюжетов, своеобразности символического их выражения. Полезным будет не просто констатировать присутствие тех или иных метафор в презентации будущего, а выделять оригинальные метафоры или принципы их использования при описании будущего.

Присутствие в образах будущего следов адаптационного механизма психики человека к принципиально неопределенной и потенциально опасной ситуации будущего позволяет снять противопоставление «номиналистического» и «реалистического» подходов к решению вопроса о природе образа будущего. Универсальность архетипических образов и интуитивная ясность метафор присутствует не только тогда, когда на уровне общественного сознания появляются новые образы будущего или конкретный человек занимается проспекцией, но и тогда, когда к реконструкции социальных ожиданий обращается исследователь. Обобщая дискурсы о будущем разного типа, он также использует метафоры и архетипы. Получается, что и первичное складывание картин будущего и вторичная реконструкция их задействует общие психические принципы – метафоры и архетипы – при воображении будущего, а также при изучении продуктов этого воображения.

Библиография

1. Albertson, L., Cutler, T. Delphi and the image of the future // Futures. 1976. Vol. 29. P. 397-404.
2. Polak, F.L. The image of the future / Translated by E. Boulding. Amsterdam: Elsevier,

1973. 319 р.
3. Rubin, A., Linturi, H. Formed From Knowledge and Flavored with Imagination – Images of the Future in Education // Journal of Instituto de la Juventud. 2014. No. 104.
 4. Kaboli, S.A., Tapio, P. How late-modern nomads imagine tomorrow? A Causal Layered Analysis practice to explore the images of the future of young adults // Futures. 2018. Vol. 96. P. 32-43.
 5. Блох, Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. 400 с. EDN: ZROVGV.
 6. Simandan, D. Wisdom and Foresight in Chinese Thought: Sensing the Immediate Future // Journal of Futures Studies. 2018. Vol. 22, No. 3. P. 35-50. DOI: 10.6531/JFS.2018.22(3).00A35 EDN: YHFYYH.
 7. Цыганков, А.П., Цыганков, П.А. Теория международных отношений и образ желаемого завтра // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 2 (57). С. 8-18. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.1 EDN: DNUVFC.
 8. Кравцов, О. Образ будущего как фактор политики // Nauka.me. 2020. № 1. С. 4. EDN: GAWHXL.
 9. Щербинин, А.И., Щербинина, Н.Г. Политическое конструирование образа будущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 285-299. DOI: 10.17223/1998863X/56/25 EDN: OIAVVZ.
 10. Белов, С.И. Перспективы использования политического мифа как ресурса формирования образа будущего в массовом сознании (на примере России) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 1 (58). С. 62-68. DOI: 10.21672/1818-510X-2019-58-1-062-068 EDN: DMNKIG.
 11. Комаровский, В.С. Образ желаемого будущего России: Проблемы формирования // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 45-50. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7041 EDN: JLPADV.
 12. Золотухина-Аболина, Е.В., Ингерлейб, М.Б. Будущее имеет сослагательное наклонение // Свободная мысль. 2020. № 4. С. 166-177. EDN: LKSJCY.
 13. Шестопал, Е.Б. Образы будущего в сознании российского общества как фактор политического развития // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 2. С. 7-20. EDN: XHOGYF.
 14. Rubin, A., Linturi, H. Transition in the making. The images of the future in education and decision-making // Futures, 2001. Vol. 33. P. 267-305. EDN: AMCVQD.
 15. Kaboli, S.A., Tapio, P. How late-modern nomads imagine tomorrow? A Causal Layered Analysis practice to explore the images of the future of young adults // Futures. 2018. Vol. 96. P. 32-43.
 16. Cowart, A. Living Between Myth and Metaphor: Level 4 of Causal Layered Analysis Theorised // Journal of Futures Studies. 2022. Vol. 27, No. 2. P. 18-27.
 17. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. 215 с. EDN: YJZAPV.
 18. Бочегова, Н.Н. Национально-культурная специфика художественного текста и способы ее выражения // Studia Linguistica. Перспективные направления современной лингвистики. Вып. XII. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. С. 242-252.
 19. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / отв. ред. Ю.С. Степанов. М.: Изд-во РГГУ, 1995. С. 144-238.
 20. Скляревская, Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993. 148 с. EDN: SJHTLP.
 21. Красных, В.В. Основы психолингвистики: Лекционный курс. Изд. 2-е, доп. М.: Гнозис, 2012. 333 с.
 22. Ушакова, Т.Н. Рождение слова: Проблемы психологии речи и психолингвистики. М.: Издво "Институт психологии РАН", 2011. 524 с.

23. Деррида, Ж. Письмо и различие / Пер. с франц. Д.Ю. Кралечкина. СПб.: Академический проект, 2007. 494 с. EDN: QWQJQP.
24. Сепир, Э. Избранные труды по языкоznанию и культурологии / Пер. с англ. А.Е. Кибрика. Москва: Прогресс-Универс, 1993. 654 с.
25. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем. М., 1990. 256 с.
26. Ramachandran, V.S.; William Hirstein. The Science of Art: A Neurological Theory of Aesthetic Experience // Journal of Consciousness Studies. 1999. Vol. 6, No. 6-7. P. 15-51.
27. Козлова, Л.А. Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когниции // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 4. С. 899-925. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925 EDN: OXIUJZ.
28. Борисова, В.А., Пигаркина, Е.А. Метафора и ментальный образ. Как мы понимаем метафоры // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2023. № 2 (77). С. 94-99. DOI: 10.26456/vtfilol/2023.2.094 EDN: KUFBTR.
29. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ, 2015. 260 с.
30. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкарата. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
31. Лукьянова, Н.А., Гончаренко, М.В. Социальное конструирование и визуальная метафора // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 60-66. DOI: 10.17223/15617793/477/6 EDN: EOBSCL.
32. Юнг, К.Г. Архетип и символ / Сост. и выступ. Ст. А.М. Руткевича. М.: "Канон+" РООИ "Реабилитация", 2022. 336 с.
33. Юнг, К.Г. Сознание и бессознательное / Пер. с нем. В. Бакусева. Изд. 2-е. М.: Академический проект, 2009. 188 с. EDN: QXWWHT.
34. Юнг, К.Г. Структура и динамика психического / Пер. с англ. В.В. Зеленского. М.: "Когито-Центр", 2008. 478 с. EDN: RAXVOT.
35. Мур, Р., Жиллетт, Д. Король, воин, маг, любовник: новый взгляд на архетипы зрелого мужчины. М.: Литературная учеба, 2014. 192 с.
36. Марк, М., Пирсон, К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов / Пер. с англ. под ред. В. Домнина, А. Сухенко. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
37. Марков, В.А. Литература и миф: проблема архетипов (к постановке вопроса) // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения / Отв. ред. М.О. Чудакова. Рига: Зинатне, 1990. С. 133-145.
38. Доманский, Ю.В. Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте: пособие по спецкурсу. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 94 с. EDN: TJSQZZ.
39. Больщакова, А.Ю. Архетип, миф и память культуры // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя. Материалы Международной заочной научной конференции (г. Астрахань, 19-24 апреля 2010 г.). Астрахань: Изд. Дом "Астраханский университет", 2010. С. 5-14.
40. Шестопал, Е.Б. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018). М.: Изд. "Весь мир", 2019. 656 с. EDN: OWDOCW.
41. Веселов, Ю.А. Архетипы власти // Социум и власть. 2023. № 2 (96). С. 38-47. DOI: 10.22394/1996-0522-2023-2-38-47 EDN: HFZKVA.
42. Золотухина-Аболина, Е.В. Экзистенциальная неопределенность: проблема совладания // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2024. № 3 (29). С. 6-16. DOI: 10.33979/2587-7534-2024-3-6-16 EDN: HMHBYY.
43. Талеб, Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Пер. с англ. А. Бердичевский, Виктор Валентинович Сонькин, М. В. Костионова, О. Н. Попов и др. 2-е изд., доп. М.: Азбука, 2022. 736 с.

44. Никулина, Ю.А. Миф и утопия: сопоставительный анализ // Актуальные проблемы гуманитарных наук: материалы научно-методического семинара (г. Нижневартовск, 16 декабря 2017 года). Нижневартовск: Издательство Нижневартовского государственного университета, 2018. С. 282-285. EDN: YTLJQL.
45. Петрова, Е.И. Социально-психологические основания утопии // Сборник статей по материалам международного научного конгресса. Новосибирск: "Интерэкспо ГеоСибирь", 2009. С. 215-226.
46. Паниотова, Т.С. Утопия и миф в латиноамериканской культуре: к проблеме взаимосвязи // Ежемесячный научный и общественно-политический журнал "Латинская Америка". 2005. № 5. С. 86-91.
47. Щербатов, М.М. Путешествие в землю Офирскую г-на С... шведского дворянина. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 179-347.
48. Одоевский, В.Ф. 4338-й год. Петербургские письма. Повести и рассказы / Примечания Е.Ю. Хин. М.: ГИХЛ, 1959; Мюнхен: "Im Werden Verlag". Некоммерческое электронное издание, 2006. С. 74-93.
49. Полемика Новикова с Екатериной II в 1769 г. // Новиков Н.И. Избранные сочинения / Подготовка текста, вступительная статья и комментарии Г.П. Макогоненко. Москва; Ленинград: Гослитиздат, 1951. С. 34-65.
50. История русской журналистики XVIII-XIX веков / В. Г. Березина и др.; под ред. А.В. Западова. Москва: Высшая школа, 1963. 516 с. EDN: WAXXWP.
51. Хомяков, А.С. О старом и новом: статьи и очерки / Сост., вступительная статья и комментарии Б.Ф. Егорова. Москва: Современник, 1988. 461 с.
52. Киреевский, И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Критика и эстетика / Сост., вступительная статья и примечания Ю.В. Манна. Москва: Искусство, 1979. С. 238-248.
53. Аксаков, И.С. Речь на коронационных торжествах 1883 года при короновании Императора Александра Третьего // Наше знамя – русская народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 258-267.
54. Аксаков, К.С. Записка "О внутреннем состоянии России..." URL: http://az.lib.ru/a/aksakov_k_s/text_1855_zapiska.shtml?ysclid=mefxq9ps62738581894 (дата обращения 15.07.2025).
55. Леонтьев, К.Н. Византизм и славянство // Славянофильство и грядущие судьбы России / Сост., вступительная статья, указание имен и комментарии А.В. Белова, отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 34-173. EDN: QWXGZH.
56. Леонтьев, К.Н. Византизм и славянство // Славянофильство и грядущие судьбы России / Сост., вступительная статья, указание имен и комментарии А.В. Белова, отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 34-173. EDN: QWXGZH.
57. Толстая, Т.Н. Кысь: Роман. Переиздание. М.: Подкова, 2001. 384 с.
58. Титов, В. В. Формирование образа будущего в современной России: массовая динамика и роль государства // Общество: политика, экономика, право. 2024. №4. С. 14-19. DOI: 10.24158/rep.2024.4.1 EDN: JEIJLF.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья, представленная к публикации в журнале "Философская мысль", посвящена изучению психологических механизмов формирования индивидуальных и

коллективных образов будущего, с акцентом на роль метафоры и архетипа в этом процессе. Автор рассматривает образ будущего как сложный феномен, существующий на стыке индивидуального и общественного сознания, и стремится раскрыть его когнитивные и символические основы.

В работе используется междисциплинарный подход, сочетающий элементы психологии, философии, лингвистики и социологии. Основное внимание уделено качественному анализу: автор опирается на теоретические концепции (когнитивная теория метафоры Лакоффа и Джонсона, юнгианская теория архетипов), а также приводит конкретные примеры из литературы, философии и публицистики для иллюстрации ключевых тезисов. Применяется герменевтический анализ текстов, что позволяет выявить универсальные и культурно-специфические паттерны в презентации будущего.

Тема исследования обладает высокой актуальностью в контексте растущего интереса к футурологии, прогнозированию и социальному проектированию. Понимание механизмов формирования образов будущего важно для анализа общественных настроений, идеологических конструктов и индивидуальных жизненных стратегий. Статья вносит вклад в дискуссию о природе будущего как объекта познания и его роли в социальной динамике.

Новизна работы заключается в синтезе когнитивного и архетипического подходов к изучению образов будущего. Автор не только анализирует метафору как инструмент мышления, но и предлагает оригинальную трёхфункциональную модель её работы (структуривание опыта, передача эмоций, упрощение сложных идей). Кроме того, вводится идея о взаимодополняющей роли метафоры (индивидуальный уровень) и архетипа (коллективный уровень), что позволяет снять противоречие между номиналистическим и реалистическим подходами к природе образа будущего.

Статья написана ясным, академическим языком, с соблюдением логической последовательности. Структура работы продумана: введение чётко обозначает проблему, основные разделы последовательно раскрывают теоретические основания и функции метафоры и архетипов, выводы подводят итоги. Однако объём работы мог бы быть сокращён без потери смысла — некоторые примеры (например, анализ фильма «Комиссар») избыточны и отвлекают от основной аргументации. Также стоит отметить, что раздел, посвящённый архетипу Правителя, представлен детально, но его связь с психологическими механизмами формирования будущего могла бы быть раскрыта более явно.

Список литературы достаточно объемный, отражает ключевые аспекты исследуемой темы и включает как классические, так и современные источники, в том числе работы по философии, психологии, лингвистике и футурологии. Вместе с тем, в библиографии встречаются повторения (например, Rubin и Linturi цитируются дважды под номерами 3 и 14), что указывает на необходимость более тщательной редакции. Также стоит включить больше работ, непосредственно связанных с когнитивными исследованиями будущего, например, труды М. Кастельса и П. Слотердайка.

Автор учитывает существующие дискуссии о природе образа будущего (номинализм vs. реализм), однако можно усилить полемику с оппонентами, например, с теми, кто рассматривает образ будущего исключительно как идеологический конструкт. Также недостаточно критически оценивается ограниченность юнгианского подхода, который

иногда подвергается критике за умозрительность и недостаточную эмпирическую обоснованность.

Статья представляет значительный интерес для философов, психологов, социологов и исследователей будущего. Выводы работы подчёркивают универсальность метафор и архетипов как механизмов адаптации к неопределенности будущего, что может быть полезно для разработки методов прогнозирования, анализа общественных настроений и идеологических дискурсов. Однако для усиления практической значимости автору стоит четче обозначить возможные приложения своего исследования — например, в области образования, политического проектирования или работы с коллективными травмами.

Статья может быть рекомендована к публикации после внесения некоторых изменений:

1. Сократить второстепенные примеры;
2. Усилить полемическую часть, представляя различные подходы и точки зрения на футурологические концепции;
3. Уточнить связь между теоретическим анализом и практическими импликациями.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная к публикации статья стремится описать психологические механизмы формирования как индивидуального, так и коллективного образа будущего. По мнению автора, существующие исследования этого вопроса страдают одним общим недостатком: они не уточняют номинальный или реальный статус самой категории «образ будущего», понимая его то как завершенную «картину будущего», то как указания на отдельные черты этого будущего. Автор справедливо полагает, что с последним мы имеем дело гораздо чаще, и в реальности здесь вероятно играет большую роль деятельность самого исследователя индивидуальных и коллективных образов будущего. Соответственно, возникает вопрос: не является ли картина будущего результатом исследовательского конструирования? «Говоря о существовании некоего «общего знаменателя» в видении будущего, – утверждает автор статьи – нельзя не признать, что выделяется он исследователем, а потому и сам образ будущего в большей степени номинален, чем реален, скорее сконструирован, чем реконструирован». Далее автор утверждает, что в предыдущих своих исследованиях он исходил из того, что образ будущего – это все-таки феномен, а не исследовательский конструкт. Однако этот феномен не дается нам в прямом наблюдении, а «как любой культурный феномен существует через свои конкретные проявления – разноплановые дискурсы о будущем». Вопрос о том, как нам «работать» с этими разноплановыми дискурсами и является основной темой данной статьи.

Разумеется, автор настаивает, что это возможно лишь при междисциплинарном подходе, использующем методы герменевтики, аналитической и исторической психологии, лингвистики и социологии.

Автор вполне последовательно рассматривает различные подходы к возникновению образов будущего, роль метафоры и архетипов в формирования этого образа, демонстрируя хорошую эрудированность в этих вопросах и умение систематизировать и обобщать материал. В результате автор приходит к следующим выводам: а) в процессе формирования картины будущего на уровне общества значительную роль играют бессознательные психологические механизмы; б) жизнеспособный образ будущего не

может быть полностью искусственно сконструирован какой-либо личностью или социальным институтом, но в значительной степени он складывается стихийно; в) уже имеющийся образ может быть усилен, скорректирован, популяризирован, и это зависит от социокультурной ситуации и форм влияния на коллективное сознание. Со всем этим невозможно не согласиться, что, вероятно, и является главным недостатком статьи. Иными словами, статья едва ли привносит что-то новое по сравнению с уже имеющимися исследованиями. Относительно новым можно считать выделение «метафоры» и «архетипа» в качестве двух взаимодополняющих факторов. Первое, дескать, «основывается на ассоциативных связях с настоящим», а второе «задействует универсальные образы». Но все-таки это – лишь резюме имеющихся исследований, а не научная новизна.

Однако, не смотря на свое скептическое отношение к «научной новизне» данной статьи, я считаю, что она все-таки может быть опубликована в журнале. Она, как уже было сказано, обобщает и систематизирует обширный материал (тем самым выполняя так сказать «просветительскую функцию»), вполне аргументировано доказывает необходимость сделанных выводов, например, о преимущественно бессознательном характере формирования «образа будущего», написана сравнительно хорошим языком.

Англоязычные метаданные

The dialectic of closure and openness in Luhmann: a contrast with Simondon's processuality and Latour's flat ontology.

Sayapin Vladislav Olegovich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of History and Philosophy, Tambov State University named after G.R. Derzhavin

392000, Russia, Tambov region, Tambov, Internatsionalnaya str., 33

 vlad2015@yandex.ru

Abstract. The article explores the key dialectic of closure and openness in N. Luhmann's social systems theory, conducting a contrasting analysis with the process ontology of G. Simondon and the flat ontology of B. Latour. The aim of the work is to understand how Luhmann conceptualizes autopoietic systems as operationally closed (closed to direct "instructions" from the outside, self-reproducing through their own operations) but simultaneously cognitively and structurally open (capable of perceiving disturbances from the environment and evolving through changes in internal structure in response to them). This dialectic is contrasted, firstly, with Simondon's processuality, where the focus shifts to continuous becoming, individuation, and the lack of rigid boundaries between the "individual" and the "pre-individual," in which closure as such is not a primary property. Secondly, it is contrasted with Latour's flat ontology, which rejects hierarchies and binary oppositions (such as closed/open) in favor of a network of heterogeneous actants, whose associations and interactions constitute reality without predetermined systemic boundaries. The methodology of the study is based on the sequential application of four complementary methods that provide depth of analysis and systematic comparison of the concepts of Luhmann, Simondon, and Latour: contextual hermeneutics of key texts, conceptual-terminological analysis, structural-functional comparison, and critical reconstruction and contrasting. The relevance of the article is determined by the necessity for a deep rethinking of the concepts of boundary, autonomy, and adaptation in complex modern societies and technological environments. Understanding Luhmann's dialectic is critically important for analyzing the resilience, variability, and "blindness" of social institutions in the face of global challenges: ecology, digitalization, pandemics, etc. The novelty lies in the systematic comparison of these three influential theoretical approaches specifically through the lens of the problem of closure and openness. The work demonstrates that Luhmann offers a unique path to understanding complexity that is distinct from both pure processuality (Simondon) and radical decentration (Latour): systems as closed operational unities due to their openness to evolution, rather than in spite of it. This allows for a new perspective on the paradoxes of modernity, where the growth of systemic complexity is accompanied by an increase in their operational isolation and specialization.

Keywords: network, irreducibility, flat ontology, transduction, individuation, communication, autopoiesis, Latour, Simondon, Luhmann

References (transliterated)

1. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M.: Progress-Traditsiya, 2000. 384 s. EDN: RAYTKJ
2. Kastel's M. Vlast' kommunikatsii. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016. 564 s.

3. Braidotti R. Postchelovek. M.: Institut Gaidara, 2021. 408 s.
4. Moren E. O slozhnostnosti. M.: IOI, 2019. 282 s.
5. Arshinov V.I., Svirskii Ya.I. Slozhnostnyi mir i ego nablyudatel'. Ch. 1-ya // Filosofiya nauki i tekhniki. 2015. № 2. S. 70-84. EDN: VCVPHD
6. Ivakhnenko E.N. Khrupkii mir cherez optiki prostoty i slozhnosti (Ch. 1) // Obrazovatel'naya politika. 2020. № 3 (83). S. 10-19. DOI: 10.22394/2078-838X-2020-3-10-19 EDN: MTTZUP
7. Ivakhnenko E.N. Khrupkii mir cherez optiki prostoty i slozhnosti (Ch. 2) // Obrazovatel'naya politika. 2020. № 4 (84). S. 16-27.
8. Kerimov T.Kh., Krasavin I.V. Slozhnost' – obshchaya, ogranicennaya i organizovannaya: problema, metodologiya i osnovnye ponyatiya // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. 2024. T. 12. № 2. S. 108-119. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.06 EDN: WRRJCX
9. Sayapin V.O. Tekhnosotsial'naya slozhnostnost' kak problema individuatsii: vzglyad Zhil'bera Simondona // Filosofskaya mysl'. 2025. № 7. S. 85-107.
10. Maturana H.R., Varela F.J. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living, Boston Studies in the Philosophy of Science. Dordrecht, 1980. Vol. 42. 171 p.
11. Khuei Yu. Rekursivnost' i kontingentnost'. M.: V A C Press, 2020. 400 s.
12. Ivakhnenko E.N. Ot autopoezisa sotsial'noi kommunikatsii k autopoezisu "zhivykh mashin" // Filosofiya kommunikatsii: fenomen kommunikatsii v poznaniii i tvorchestve zhizni. Sbornik statei. SPb. 2014. S. 42-50. EDN: SWZFDV
13. Sayapin V.O. Rekursiya kak sposob samoorganizatsii sovremennoogo sotsiuma. Voronezh: Vestnik VGU. Ser. Filosofiya. 2023. № 3. S. 62-67. EDN: SRUPMZ
14. Sayapin V.O. Kontingentnost' i metastabil'nost' kak kontsepty samoorganizatsii sovremennoogo sotsiuma // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Voronezh, 2024. № 2. S. 47-53. EDN: XRPMKZ
15. Luman N. Sotsial'nye sistemy. Ocherk obshchey teorii. SPb.: Nauka, 2007. 648 s. EDN: QOHQND
16. Luhmann N. Introduction to Systems Theory. Malden: Polity, 2013. 284 p.
17. Luhmann N. On the scientific context of the concept of communication // Social Science Information. 1996. № 35 (2). P. 257-267.
18. Luhmann N. Theory of Society. Volume I. Stanford: Stanford University Press, 2012. 488 p.
19. Maturana H.R., Varela F.J. The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding. Boston: Shambhala, 1987. 263 p.
20. Chomsky N. On certain formal properties of grammars // Information and control. 1959. Vol. 2(2). P. 137-167.
21. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory. Berlin and New York: De Gruyter, 1993. 236 p.
22. Rosa H. Resonance: A Sociology of Our Relationship to the World. Cambridge: Polity Press, 2019. 450 r.
23. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory. Oxford, UK: Oxford UP, 2005. 312 p.
24. Braidotti R. Posthuman Knowledge. Cambridge: Polity Press, 2019. 210 p.
25. Habermas J. Political Communication in Media Society // Communication Theory. 2006. Vol. 16(4). P. 411-426.
26. Simondon G. L'individu et sa genèse physico-biologique. Paris: Presses universitaires

- de France, 1964. 304 p.
27. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
28. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
29. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. 266 p.
30. Simondon G. Communication et information. Paris: PUF, 2015. 411 p.
31. Virno P. Déjà Vu and the End of History. London: Verso, 2015. 200 r.
32. Srnichek N. Kapitalizm platform. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2020. 128 s.
33. Stiegler B. The Neganthropocene. London: Open Humanities Press, 2018. 349 r.
34. Deleuze G. Desert Islands and Other Texts 1953–1974. L.: Distributed by the MIT Press, 2004. 323 p.
35. Delez Zh. Razlichie i povtorenie. SPb.: TOO TK "Petropolis", 1998. 384 s. EDN: TCNXLB
36. Delez Zh., Gvattari F. Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. 895 s.
37. Latur B. Paster. Voina i mir mikrobov, s prilozheniem "Nesvodimogo". SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015. 316 s.
38. Latour B. On actor-network-theory: A Few Clarifications plus more than a few Complications // Soziale Welt. 1999. Vol. 47. P. 369-381.
39. Latour B. Network, societies, spheres: Reflection of an actor-network theorist // International journal of communication. 2011. Vol. 5. Pp. 796-810.
40. Kharman G. Chetveroyakii ob'ekt: Metafizika veshchei posle Khaideggera. Perm': Izdatel'stvo Gile Press, 2015. 152 s.
41. Blok A., Jensen T.E. Bruno Latour: Hybrid Thoughts in a Hybrid World. London, Routledge, 2011. 208 p.
42. Latur B. Ob aktorno-setevoi teorii. Nekotorye raz"yasneniya, dopolnennye eshche bol'shimi uslozhneniyami // Logos. 2017. T. 27. № 1. S. 173-200. EDN: WABGMB
43. Archer M. Realist Social Theory: morphogenetic approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 392 r.
44. Elder-Vass D. Searching for Realism, Structure and Agency in Actor-Network Theory // The British Journal of Sociology. 2008. Vol. 59(3). P. 455-473.
45. Winner L. Do Artifacts Have Politics? // Daedalus. 1980. Vol. 109(1). P. 121-136.
46. Hamilton C. Defiant Earth: The Fate of Humans in the Anthropocene. Polity, 2017. 185 r.
47. Whitehead A.N. Process and reality an essay in cosmology; Gifford lectures delivered in the University of Edinburgh during the session 1927-28. New York: The Macmillan Company, University Press, 1929. 547 p.
48. Khaidegger M. Bytie i vremya. M.: Izdatel'stvo "Ad Marginem", 1997. 451 s.
49. Dewey J. Experience and nature. Chicago, London: Open Court Publishing Company, 1925. 443 r.

From the Dialectics of Matter to the Processes of Individuation: A Comparative Analysis of the Ontologies of Friedrich Engels and Gilbert Simondon

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of History and Philosophy, Tambov State University named after G.R. Derzhavin

392000, Russia, Tambov region, Tambov, Internatsionalnaya str., 33

✉ vlad2015@yandex.ru

Abstract. Modern philosophy, facing the crisis of classical metaphysical systems, actively seeks alternative approaches to understanding reality that can overcome the limitations of both substantialism and radical constructivism. While F. Engels, relying on dialectical materialism, views the world as a hierarchy of forms of the movement of matter, subject to universal laws of dialectics, J. Simondon shifts the focus from ready-made structures to processes of individuation, where being is constituted through the resolution of metastable tensions. In this context, a comparative analysis of the ontologies of Engels and Simondon acquires particular significance, as it allows for the comparison of two influential yet rarely contrasted traditions: dialectical materialism, with its emphasis on the objective laws of the development of matter, and process ontology, which foregrounds becoming and individuation. The research is relevant for addressing contemporary issues such as the understanding of complex systems, dynamics of social change, and the nature of materiality in posthuman studies. The methodological foundation of the article centers on the confrontation between two approaches: the objective dialectics of nature in Engels and the immanent ontology of becoming in Simondon. The comparative-critical analysis includes the following research methods: conceptual (categorical) analysis, textual analysis, comparative method, synthesis method, and constructive modeling. Additionally, elements of the philosophy of science, ontology, and social theory are employed to reveal the methodological limitations and advantages of each approach. The novelty of the article lies in the systematic juxtaposition of these two models, which identifies their methodological divergences and points of potential dialogue. Unlike traditional interpretations that reduce Engels' ontology to "the laws of dialectics," and Simondon's concept to a critique of substantiality, the author demonstrates that their confrontation touches on deeper questions regarding the nature of determination, the relationship between part and whole, as well as the possibilities of a non-reductionist understanding of matter. For the first time within a single study, the analysis of Simondon's critique of the "ready-made individual" and the idea of metastability raises doubts about key postulates of dialectical materialism, offering an alternative—an ontology in which order arises not from predetermined regularities but from the immanent dynamics of the pre-individual field. This opens up prospects for rethinking materialism in the context of contemporary disputes about realism, emergentism, contingency, and processuality.

Keywords: hierarchy, dialectical materialism, pre-individual environment, transduction, specification, individuation, Simondon, Engels, determinism, motion of matter

References (transliterated)

1. Ivakhnenko E.N. Allagmatika Simondona vs dialektika Gegelya // Vestnik Moskovskogo universiteta. 2023. T. 47. № 6. S. 107-126.
2. Sayapin V.O. Kontingentnost' i metastabil'nost' kak kontsepty samoorganizatsii sovremennoego sotsiuma // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Voronezh, 2024. № 2. S. 47-53. EDN: XRPMKZ.
3. Engel's F. Dialektika prirody. M.: Politizdat, 1953. 328 s.
4. Marks K., Engel's F. Kniga vtoraya. / Institut Marks'a – Engel'sa – Lenina pri TsK VKP

- (b). Pod red. D. Ryazanova. Moskva; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. 502 s.
5. Kedrov B.M. Engel's i dialektika estestvoznaniya. M.: Politizdat, 1970. 471 s.
 6. Gegel'. Nauka logiki. Tom I. Chekhov: Primedia E-launch LLC, 2017. 540 s.
 7. Kont O. Dukh pozitivnoi filosofii. (Slovo o polozhitel'nom myshlenii). Rostov n/D.: Feniks, 2003. 256 s.
 8. K. Marks i F. Engel's. Soch., t. 20. M.: Politizdat, 1961. 827 s.
 9. Engel's F. Rol' truda v protesse prevrashcheniya obez'yany v cheloveka. M: OGIZ, 1939. 19 s.
 10. Simondon G. Du mode d'existence des objets techniques. Paris: Aubier, 1958. 266 p.
 11. Simondon G. L'individu et sa genèse physico-biologique. Paris: Presses universitaires de France, 1964. 304 p.
 12. Simondon G. L'individuation psychique et collective. Paris: Aubier, 1989. 293 p.
 13. Simondon G. Gilbert Simondon: une pensée de l'individuation et de la technique. Paris: Albin Michel, 1994. 278 p.
 14. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Millon, 2005. 571 p.
 15. Svirskii Ya.I. Kontseptual'nye osobennosti filosofskoi strategii Zhil'bera Simondona // Idei i idealy. 2017. T. 1. № 3 (33). S. 111-125. DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.1-111-125. EDN: ZFTMWL.
 16. Broglie L. de. Ondes et mouvements. Paris: Gauthier-Villars, 1926. 133 p.
 17. Aristotel'. Sochineniya v chetyrekh tomakh. T. 1. M: Mysl', 1976. 550 s.
 18. Dekart R. Sochineniya v 2 t.: T. 1. M.: Mysl', 1989. 654 s.
 19. Dekart R. Sochineniya v 2 t.: T. 2. M.: Mysl', 1994. 633 s.
 20. Arshinov V.I., Svirskii Ya.I. Slozhnostnyi mir i ego nablyudatel'. Ch. 1-ya // Filosofiya nauki i tekhniki. 2015. № 2. S. 70–84. EDN: VCVPHD.
 21. Simondon G. Sur la technique (1953–1983). Paris: Presses universitaires de France, 2014. 460 p.
 22. Grigorova Ya.V., Timashov K.N. Dialektika i transduksiya v filosofii Zhil'bera Simondona // Filosofskii zhurnal. 2024. T. 17. № 3. S. 76-90. DOI: 10.21146/2072-0726-2024-17-3-76-90. EDN: AQHBPG.

The communicative approach in the philosophy of the library as a social institution

[Markova Elizaveta Vladimirovna](#)

Postgraduate student; Department of Socio-Political Communications; National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
Head of the Scientific and Fiction Literature Service Department; Scientific Library; N.I. Pirogov RNIMU of the Ministry of Health of the Russian Federation

121500, Russia, Moscow, 100, 1/3, sq. 1117

 markovaev11@yandex.ru

Abstract. This article examines the communicative approach within the framework of social and political philosophy of libraries as a social institution from a practical perspective. Through a careful analysis and comparison of the mentioned scientific studies, as well as their methodological descriptions, the proposed research methods are utilized to address issues related to the communicative approach in the philosophy of libraries as a social institution.

This research contributes some original scientific insight into the understanding of the communicative approach in the philosophy of libraries as a social institution based on a thorough analysis of existing scientific data, encompassing recent academic publications. The library is a term that evokes the image of a room filled with numerous bookshelves in the minds of most people. However, it is not merely a repository of information but a complex and multifaceted social institution. The library can be defined as a reflection of the values, knowledge, and aspirations of society, as well as an active participant in its formation and development. A practical problem-oriented approach is applied. The proposed study focuses primarily on the principles of philosophical cognition, emphasizing the philosophical and scientific nature of the research. The research methodology includes both general scientific and specific methods. A comparative analysis of academic sources is employed. The aim of this study is to explore libraries as a social institution and the communicative approach in the philosophy of libraries. The task of this research is to examine issues related to the communicative approach in the philosophy of libraries as a social institution. Essentially, it can be said that the communicative approach is an investment in the future of the library, an assertion that constitutes the novelty of this research. This initiative allows the library to remain relevant in a rapidly changing world, strengthen ties with society, and promote culture and education. Such an approach places people and their needs at the forefront, transforming the library into a living center for communication, idea exchange, and personal growth. Thus, the library serves as a platform for the development of civil society and the creation of a more just and inclusive world.

Keywords: communication, political philosophy, social philosophy, society, institutions, social institute, communicative approach, library philosophy, library, philosophy

References (transliterated)

1. Beijing Sub-Center Library / Snøhetta. URL:
<https://www.archdaily.com/1024024/beijing-sub-center-library-snøhetta> (data obrashcheniya: 23.06.2025).
2. Kirjastosta tekoälylukutaidon kohtaamispalikka. URL:
<https://www.helsinki.fi/fi/helsingin-yliopiston-kirjasto/uutisia-kirjastosta/kirjastosta-tekoalylukutaidon-kohtaamispalikka> (data obrashcheniya: 15.06.2025).
3. Lenstra N. Art, Health, Community: Libraries Support Bicycling During Bike Month and Beyond // Library Journal. URL: <https://www.libraryjournal.com/story/programs%20/art-health-community-libraries-support-bicycling-during-bike-month-and-beyond> (data obrashcheniya: 24.06.2025).
4. Bigvava A. S. Istorya vzaimodeistviya muzeev i gosudarstva // Obshchestvo: sotsiologiya, psichologiya, pedagogika. 2025. № 2. S. 60-69. DOI: 10.24158/spp.2025.2.5. EDN: HNJHLU.
5. Belova N. A. Kul'turno-prosvetitel'naya rabota s zaklyuchennymi v sovetskikh ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh v 1920-e gody // Vedomosti UIS. 2025. № 4. S. 12-18. DOI: 10.51522/2307-0382-2025-275-4-12-19. EDN: AWQPQA.
6. Borisenko N. A. Opyt psichologicheskogo issledovaniya rannei chitatel'skoi biografii A. S. Pushkina // Natsional'nyi psichologicheskii zhurnal. 2025. № 1 (20). S. 29-36. DOI: 10.11621/npj.2025.0103. EDN: LYIGBW.
7. Vertii Yu. M. Stanovlenie ponyatiya "kul'turnaya pamyat'" v trudakh Morisa Khal'bavksa i Yana Assmana: ot kollektivnoi k kul'turnoi pamyati // Vestnik MGUKI. 2024. № 2 (118). S. 63-70. DOI: 10.24412/1997-0803-2024-2118-63-70. EDN: BHCEQY.

8. Verkhovskaya A. S., Kozyreva L. K., Korobkova A. A. Filosofiya Umberto Eko i napravleniya ego teorii // Universum: obshchestvennye nauki : elektron. nauchn. zhurn. 2025. 1 (116). URL: <https://7universum.com/ru/social/archive/item/19190>.
9. Gureev D. Yu. Novyi vzglyad na bibliotechnuyu filosofiyu // URL: https://www.gpntb.ru/win/ntb/ntb2002/8/f8_02.htm (data obrashcheniya: 17.04.2025).
10. Guseva L. N. Ontologiya bibliotechnogo obshchestva // Peterburg. Bibl. shkola. 2000. № 1-2.
11. Dvorkina M. Ya. Ot ideologii k filosofii bibliotechnogo dela // Bibliotekovedenie. 1994. № 2. S. 51-53. EDN: VUPCPL.
12. Dvorkina M. Ya. Ob izmenenii bibliotechnogo obsluzhivaniya i o bibliotechnoi filosofii // Bibliotekovedenie. 1997. № 5/6. S. 20-28. EDN: TKWRZU.
13. Drozgov D. S. Sotsial'naya i filosofskaya sreda formirovaniya mirovozzreniya N. F. Fedorova // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. 2025. № 1 (53). S. 125-135. DOI: 10.22405/2304-4772-2025-1-125-136. EDN: ALZGWT.
14. Ezova S. A. Konteksty bibliotechno-informatsionnoi deyatel'nosti (v svete proekta profstandarta "Spetsialist v oblasti bibliotechno-informatsionnoi deyatel'nosti") // Kul'tura: teoriya i praktika. 2020. № 3 (36). S. 8. EDN: SNXMDK.
15. Zhukovskaya L. N. Sferyni podkhod v razvitiu innovatsionnoi deyatel'nosti regional'noi biblioteki // Kul'tura: teoriya i praktika. 2021. № 4 (43). URL: <http://theoryofculture.ru/issues/121/1471/?ysclid=mal23c5jpm78594102> (data obrashcheniya: 12.05.2025).
16. Zhumaev R. A. Industrializatsiya sovetskoi khudozhestvennoi kul'tury v 1917-1930-ee gg. // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2025. № 2. S. 168-173. DOI: 10.24158/fik.2025.2.23. EDN: FFVTGA.
17. Zolotarev S. P. Preobrazovanie kul'tury i razvitie tsifrovых kommunikativnykh tekhnologii v sovremennom informatsionno-kul'turnom obshchestve // Vestnik KalmGU. 2025. № 1 (65). S. 161-169.
18. Il'ina E. V. OM biblioteki // Filosofiya, teoriya, metodologiya informatsionno-bibliotechnoi nauki i praktiki. URL: <https://ktp.mgik.org/articles/25178/> (data obrashcheniya: 17.04.2025).
19. Inklyuzivnyi go-klub "Go bez granits" // Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka. URL: <https://rgub.ru/library/clubs/go.php> (data obrashcheniya: 25.06.2025).
20. Kalegina O. A., Dresher Yu. N., Kormishina G. M., Yashina N. G. Aktual'naya tematika bibliotekovedcheskikh issledovanii v kontekste analiza zashchishchennykh dissertatsii // Vestnik KazGUKI. 2024. № 3. S. 117-127. EDN: TZEKJO.
21. Kacheva E. V. Razvitie professional'nykh kompetentsii pedagoga-bibliotekarya v tsifrovoi obrazovatel'noi srede: opyt realizatsii programmy povysheniya kvalifikatsii // Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov. 2022. № 2 (51). S. 109-117. EDN: SVWUOH.
22. Klub chteniya mangi "Sprava-Nalevo" // Rossiiskaya gosudarstvennaya biblioteka. URL: https://rgub.ru/library/clubs/comics_right_left.php (data obrashcheniya: 25.06.2025).
23. Kondakov I. V. Nesgoraemaya biblioteka Svetlany Levit // Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog. 2024. № 3. S. 218-233. DOI: 10.17323/2658-5413-2024-7-3-218-233. EDN: EAIQTD.
24. Koryakin M. V. Biblioteka kak tsentr kul'tury v mestakh lisheniya svobody // Nauka, obrazovanie i kul'tura. 2022. № 2 (62). S. 63-68. EDN: ZBBKCM.
25. Kochetkov D. M. Ob istorii, predmete i zadachakh rossiiskogo naukovedeniya //

- Sotsiologiya nauki i tekhnologii. 2025. № 1. S. 91-122. DOI: 10.24412/2079-0910-2025-1-91-122. EDN: SSZEDP.
26. Lavrik O. L. Posrednichestvo v funktsional'noi strukture bibliotek // Idei i idealy. 2023. № 3-2. S. 342-351. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.3.2-342-352. EDN: KVVFXXX.
27. Li Dan'dan'. Biblioteka i ee rol' v razvitiu kul'turnogo prostranstva vuza // Missiya konfessii. 2023. № 69. S. 26-30.
28. Lytus A. S. Vektory razvitiya kul'tury na rubezhe tysyacheletii // Trudy SPDS. 2022. № 4 (19). S. 72-94.
29. Markov A. V., Shtain O. A. Operatory biblioteki i epistemologiya iskusstvennogo intellekta // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2024. № 6. S. 112-122. DOI: 10.37482/2687-1505-V395. EDN: NRAIJY.
30. Matveeva I. Yu., Gil'miyanova R. A., Myagkova A. S. Potentsial kontseptsii "ekonomika vpechatlenii" i vozmozhnosti ego primeneniya v proektnoi deyatel'nosti obshchedostupnykh bibliotek // Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana. 2023. № 1 (99). S. 125-137. DOI: 10.21510/18173292_2023_99_1_125_137. EDN: UGPYJQ.
31. Olefir S. V. Tsifrovye kompetentsii pedagoga-bibliotekarya obshcheobrazovatel'noi organizatsii: struktura i formirovanie // Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov. 2022. № 1 (50). S. 15-22. EDN: YIRREY.
32. Parshukova G. B., Pleshakova M. A. Kontseptnoe prostranstvo biblioteki // Vestnik ChGAKI. 2023. № 4 (76). S. 22-32.
33. Pleshkevich E. A. Zarozhdenie bibliografii doshkol'nogo vospitaniya i detstva // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika. 2025. № 1. S. 62-66. DOI: 10.18500/1819-7671-2025-25-1-62-66. EDN: PWCUWI.
34. Poletaev A. V. Staropechatnye knigi XVIII v. v kolleksii biblioteki Ekaterinburgskoi duchkovnoi seminarii // Vestnik EDS. 2025. № 49. S. 181-240. DOI: 10.24412/2224-5391-2025-49-181-240. EDN: AKABQW.
35. Poroshin S. A. Filosofiya biblioteki: k postanovke voprosa // Bibliotekovedenie. 1994. № 5. S. 123-125.
36. Raiskina V. A. Biblioteka pisatelya kak kognitivno-kommunikativnoe prostranstvo // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2022. № 4 (48). S. 118-125. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.48.4.09. EDN: HTSZNU.
37. Rakitov A. I. Esli est' takaya filosofiya // Bibliotekovedenie. 1996. № 4/5. S. 87-91.
38. Ryabov M. A. Filosofiya biblioteki: kommunikativnyi podkhod // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika". 2009. № 1. S. 181-186. EDN: JXJTEF.
39. Stolyarov Yu. N. Fond lichnoi biblioteki kak zrimyi simvol sovremennoi intelligentsii (knigi s avtografami i darstvennymi nadpisyami v biblioteke V. Ya. Rushanina. Chelyabinsk, 2020) // Vestnik ChGAKI. 2021. № 1 (65). S. 145-151.
40. Fedorov N. F. Sobranie sochinenii. V 4 t. T. 4. Moskva : Progress, 1995. 638 s.
41. Fikhte I. G. Sochineniya. Moskva : Ladorim, 1995. 649 s.
42. Chernyaev A. V. Nihilizm po otnosheniyu k kul'turnomu nasledstvu. Obrashcheniya G. D. Gacheva k rukovoditelyam TsK KPSS v svyazi s sanktsiyami posle izdaniya "Sochinenii" N. F. Fedorova v serii "Filosofskoe nasledie" // NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 2025. № 1. S. 228-248. DOI: 10.52575/2712-746X-2025-50-1-228-248. EDN: BFXPZW.
43. Shleiermakher F. D. Germenevtika. Moskva : Evropeiskii dom, 2004. 236 s.
44. Yaspers K. Filosofiya. Moskva : Kanon, 2012. 387 s.

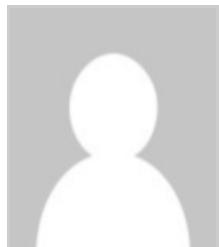
Specificity of (not) intentional distortions in the transfer of political languages from English-speaking discussions to Russia (on the example of the Lausanne Covenant)

Egorov Sergey

Doctor of Laws, Professor, Vice-Rector for Research, Moscow Tax Institute

2 3rd Khoroshevskaya str., Moscow, 123308, Russia

 sergeyyuegorov@gmail.com

Abstract. The paper refers to the issue of distortions that political languages undergo when they are transferred from the English-speaking Protestant discussions to the Russian-speaking ones. The material for consideration is the text of the Lausanne Covenant of 1974 – the most significant Protestant document of the 20th century, as well as its official translation into Russian, published in 2011. John Stott and his co-authors of the original text have sought to express their opinion on the majority of the most controversial issues affecting both the purely theological and political issues. Thanks to their efforts, a document was created that served as the basis for the development of modern Protestant theology, including political theology. On the contrary, those responsible for the translation through their actions smoothed out all controversial aspects, and in some cases resorted to substantial replacements of the most “problematic” in their opinion fragments of the text. The consequence of this was a significant distance from each other not only between the two versions of the same text, but also related discussions in the respective linguistic contexts. This document makes it possible to trace, using its example, those distortions to which the corresponding idioms are subjected when they are transferred from one language context to another. Within the framework of the Cambridge School approach, this requires the study of the historical context of the origin and publication of these texts, the reconstruction of the main idioms, as well as the identification and interpretation of linguistic gestures and political moves that their authors made. In the course of the study, 19 language versions of the document were comprehensively studied, which allowed us to obtain a holistic picture of the development of Protestant discussions in different linguistic spaces. Through a detailed analysis of the Lausanne Covenant in English and Russian, as well as comparison with other existing translations and the involvement of a wide corpus of auxiliary literature, the author of this paper shows how a formally identical text turns from an ambitious political message into a more neutral confessional declaration. The study has shown that the main distortions in the transfer of the above languages from English-language discussions to Russia are not related to their untranslatability, but mainly to the traditionalist views of the translators and their reluctance to mention issues that are problematic from their point of view.

Keywords: Theoretical Theology, Historical Theology, Practical Theology, Protestantism, Political Theology, Lausanne Movement, Universal Priesthood, Cambridge School, History of Concepts, Lausanne Covenant

References (transliterated)

1. Skinner K. Istoki sovremennoi politicheskoi mysli. V 2-kh tomakh. Tom 2. Epokha Reformatsii. M.: Delo, 2018. – 568 s.
2. Atnashev T.M., Velizhev M.B. II diskussiya vokrug Kembridzhskoi shkoly. Interv'yu s

- Aleksandrom Bikbovym, Aleksandrom Dmitrievym i Denisom Sdvizhkovym // Novoe literaturnoe obozrenie. 2015. № 4 (134). S. 93-108.
3. Atnashev T.M., Velizhev M.B., Istorya politicheskikh yazykov v Rossii. K metodologii issledovatel'skoi programmy // Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2018. Tom 2. № 3. S. 107-137.
 4. Egorov S.Yu. Legitimatsiya predprinimatel'skoi deyatel'nosti v yazyke sovremennoykh protestantov v angloyazychnom mire i Rossii // Sovremennaya Evropa. 2022. № 2 (109). S. 163-175. DOI: 10.31857/S0201708322020127.
 5. Pavlov A.V. Priklyucheniya metoda: Kembridzhskaya shkola (politicheskoi mysli) v kontekstakh // Logos. 2018. T. 28. № 4. S. 261-302.
 6. Pravilova E. «Chastnaya sobstvennost'» v yazykakh rossiiskogo obshchestva kontsa XVIII – nachala XIX vekov // Novoe literaturnoe obozrenie. 2015. № 5 (135). S. 88-100.
 7. Yurchenko N.I. Vliyanie Reformatsii na formirovanie demokraticeskikh institutov Evropy // Universum: obshchestvennye nauki. 2017. № 5 (35). S. 4-8.
 8. Dement'ev B.P. Reformatsiya: istoriya i perspektivy // Vlast' dukhovnaya i svetskaya: vzaimodeistvie v sotsiokul'turnom prostranstve. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 500-letiyu Reformatsii. Samara, 2017. S. 56-64.
 9. Sobko L. Reformatsiya 1517 i revolyutsiya 1917: problema preemstvennosti // Trudy Nizhegorodskoi dukhovnoi seminarii. 2018. № 16. S. 449-457.
 10. Shreter M. Reformatsiya tserkvi kak reformatsiya mysli: Germaniya, 1517 god // Vestnik RKhGA. 2018. № 2. S. 156-162.
 11. Melton J.G. Encyclopedia of Protestantism. New York: Facts on File, 2005. – 628 p.
 12. Cameron J. John Stott and the Lausanne Movement: A Formative Influence // The Lausanne Movement: A Range of Perspectives. Oxford: Regnum Books International, 2014. P. 61-73.
 13. Finstuen A., Wacker G, Wills A.B. Billy Graham. American Pilgrim. Oxford: Oxford University Press, 2017. – 336 p.
 14. Chapman A. Godly Ambition: John Stott and the Evangelical Movement. Oxford: Oxford University Press, 2011. – 240 p.
 15. Tennent T.C. Lausanne and Global Evangelicalism – Theological Distinctives and Missiological Impact // The Lausanne Movement: A Range of Perspectives. Oxford: Regnum Books International, 2014. P. 45-60.
 16. Atnashev T.M., Velizhev M.B. Kembridzhskaya shkola. «Context is king»: Dzhon Pokok – istorik politicheskikh yazykov // Novoe literaturnoe obozrenie. 2015. № 4 (134). S. 21-44.
 17. Ryaguzov V. Bibleiskie osnovy blagovestiya // Bratskii vestnik. 1990. № 4. S. 73-82.
 18. Escobar S. El volumen titulado En busca de Cristo en América Latina. Buenos Aires: Kairós, 2012. – 495 p.
 19. Douglas J.D. Let the Earth Hear His Voice. Minneapolis: World Wide Publications, 1975. – 1471 p.
 20. Cherenkov M.N. Perspektivy teologo-filosofskogo dialoga v postsovetskom protestantizme // SENTENTIAE. 2011. № 2 (25). S. 153-173.
 21. Kil'dyashova T.A. Kommunikativnye osobennosti proyavleniya fundamentalistskoi religioznosti // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. 2013. № 3. S. 45-49.

22. Dzhon D. Khristianskii fundamentalizm. Sdelano v Amerike // Stranitsy: bogoslovie, kul'tura, obrazovanie. 2011. № 4 (15). S. 588-596.
23. Gorbachev A.L. Vosstanovlenie osnovanii Vseobshchego Svyashchenstva // Filosofsko-religioznye tetradi. Tetrad' № 7. Rezul'taty bogoslovskogo osmysleniya temy Vseobshchego Svyashchenstva. M.: MRO EKhB «Na Rusi», 2013. S. 25-38.
24. Egorov S.Yu. Ponyatie «sluzhenie» v yazykakh angloyazychnykh i russkoyazychnykh diskussii sovremennoy protestantov: noveishie diskussii i tendentsii // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2022. T. 21. № 2. S. 230-249. DOI: 10.17323/1728-192x-2022-2-230-249.

The psychological mechanism of future image formation

Zheltikova Inga Vladislavovna

PhD in Philosophy

Associate Professor, Head of the Department; Department of Philosophy and Cultural Studies; I.S. Turgenev Orel State University

26 Burova str., Orel, Russia, 302025

✉ inga.zheltikova@gmail.com

Petrova Regina Andreevna

Specialist in educational and methodological work; I.S. Turgenev Orel State Agricultural University

95 Komsomolskaya Street, Orel, Zavodskoy district, 302026, Russia, Oryol region

✉ aposteriori.2017@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the mechanisms of forming an individual image of the future and the possibility of their influence on the image of the future as a phenomenon of public consciousness. The article provides a brief overview of existing approaches to addressing the problem of the emergence of future images and offers a detailed examination of two psychological principles: metaphors and archetypes, which participate in forming visions of the future; both reveal the use of unconscious processes when contemplating the future. The authors illustrate with concrete examples that the desire to envision the future includes such attitudes of trans-individual consciousness through which the imagination of prospects is based on associative links with the present (metaphor) or engages universal thinking patterns (archetypes). Particular attention is paid to images of the future that function within Russian culture over the last two centuries. The research methodology involves extrapolating the heuristic potential of metaphors and archetypes to the study of the future. Identifying metaphors in images of the future reveals the psychological mechanisms that ensure their coherence within social groups. The use of archetypes to understand images of the future allows one to see unique "hints" coming from the collective unconscious that help organize discourse about the future. The novelty of the research lies in describing metaphors and archetypes as elements of the psychological mechanism for forming the image of the future. The use of metaphors in creating images of the future aids in structuring experience, conveying emotional experiences related to the future, and simplifying complex ideas. Archetypes present in perceptions of the future serve meaning-forming, structuring, and mimetic functions. The main conclusions of the research concern the presence of an adaptive mechanism of the psyche in reflections on the future, allowing one to cope with a fundamentally uncertain and potentially dangerous future situation. The authors believe that both the initial formation of future images and their secondary reconstruction by the

researcher engage common psychological mechanisms—metaphors and archetypes. In this regard, it seems important when studying images of the future to capture not only the archetypes themselves but also the peculiarities of the set of archetypical plots, the specificity of their symbolic expression, and not merely to confirm the presence of various metaphors in the representation of the future but to highlight original metaphors or principles of their use in describing the future.

Keywords: ruler archetype, image of the future of Russia, imagination, public consciousness, unconscious, social expectations, archetype, metaphor, image of the future, methodology of humanitarian research

References (transliterated)

1. Albertson, L., Cutler, T. Delphi and the image of the future // Futures. 1976. Vol. 29. P. 397-404.
2. Polak, F.L. The image of the future / Translated by E. Boulding. Amsterdam: Elsevier, 1973. 319 p.
3. Rubin, A., Linturi, H. Formed From Knowledge and Flavored with Imagination – Images of the Future in Education // Journal of Instituto de la Juventud. 2014. No. 104.
4. Kaboli, S.A., Tapio, P. How late-modern nomads imagine tomorrow? A Causal Layered Analysis practice to explore the images of the future of young adults // Futures. 2018. Vol. 96. P. 32-43.
5. Blokh, E. Tyubingenskoe vvedenie v filosofiyu. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1997. 400 s. EDN: ZROVGV.
6. Simandan, D. Wisdom and Foresight in Chinese Thought: Sensing the Immediate Future // Journal of Futures Studies. 2018. Vol. 22, No. 3. P. 35-50. DOI: 10.6531/JFS.2018.22(3).00A35 EDN: YHFYYH.
7. Tsygankov, A.P., Tsygankov, P.A. Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii i obraz zhelaemogo zavtra // Mezhdunarodnye protsessy. 2019. T. 17. № 2 (57). S. 8-18. DOI: 10.17994/IT.2019.17.2.57.1 EDN: DNUVFC.
8. Kravtsov, O. Obraz budushchego kak faktor politiki // Nauka.me. 2020. № 1. S. 4. EDN: GAWHXL.
9. Shcherbinin, A.I., Shcherbinina, N.G. Politicheskoe konstruirovanie obraza budushchego // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2020. № 56. S. 285-299. DOI: 10.17223/1998863X/56/25 EDN: OIAVVZ.
10. Belov, S.I. Perspektivy ispol'zovaniya politicheskogo mifa kak resursa formirovaniya obraza budushchego v massovom soznanii (na primere Rossii) // Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura. 2019. № 1 (58). S. 62-68. DOI: 10.21672/1818-510X-2019-58-1-062-068 EDN: DMNKIG.
11. Komarovskii, V.S. Obraz zhelaemogo budushchego Rossii: Problemy formirovaniya // Vlast'. 2020. T. 28. № 1. S. 45-50. DOI: 10.31171/vlast.v28i1.7041 EDN: JLPADV.
12. Zolotukhina-Abolina, E.V., Ingerleib, M.B. Budushchee imeet soslagatel'noe naklonenie // Svobodnaya mysl'. 2020. № 4. S. 166-177. EDN: LKSJCY.
13. Shestopal, E.B. Obrazy budushchego v soznanii rossiiskogo obshchestva kak faktor politicheskogo razvitiya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. 2016. № 2. S. 7-20. EDN: XHOGYF.
14. Rubin, A., Linturi, H. Transition in the making. The images of the future in education and decision-making // Futures, 2001. Vol. 33. P. 267-305. EDN: AMCVQD.

15. Kaboli, S.A., Tapio, P. How late-modern nomads imagine tomorrow? A Causal Layered Analysis practice to explore the images of the future of young adults // *Futures*. 2018. Vol. 96. P. 32-43.
16. Cowart, A. Living Between Myth and Metaphor: Level 4 of Causal Layered Analysis Theorised // *Journal of Futures Studies*. 2022. Vol. 27, No. 2. P. 18-27.
17. Arutyunova, N.D. Metafora i diskurs // *Teoriya metafory: Sbornik / Obshch. red. N.D. Arutyunovoi i M.A. Zhurinskoi*. M.: Progress, 1990. 215 s. EDN: YJZAPV.
18. Bochegova, N.N. Natsional'no-kul'turnaya spetsifikasi khudozhestvennogo teksta i sposoby ee vyrazheniya // *Studia Linguistica. Perspektivnye napravleniya sovremennoi lingvistiki*. Vyp. XII. SPb.: RGPU im. A.I. Gertseva, 2003. S. 242-252.
19. Kubryakova, E.S. Evolyutsiya lingvisticheskikh idei vo vtoroi polovine KhKh veka (opyt paradigmal'nogo analiza) // *Yazyk i nauka kontsa KhKh veka / otv. red. Yu.S. Stepanov*. M.: Izd-vo RGGU, 1995. S. 144-238.
20. Sklyarevskaya, G.N. Metafora v sisteme yazyka. SPb., 1993. 148 s. EDN: SJHTLP.
21. Krasnykh, V.V. Osnovy psikholingvistiki: Lektsionnyi kurs. Izd. 2-e, dop. M.: Gnozis, 2012. 333 s.
22. Ushakova, T.N. Rozhdenie slova: Problemy psikhologii rechi i psikholingvistiki. M.: Izdvo "Institut psikhologii RAN", 2011. 524 s.
23. Derrida, Zh. Pis'mo i razlichie / Per. s frants. D.Yu. Kralechkina. SPb.: Akademicheskii proekt, 2007. 494 s. EDN: QWQJQP.
24. Sepir, E. Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kul'turologii / Per. s angl. A.E. Kibrika. Moskva: Progress-Univers, 1993. 654 s.
25. Lakoff, Dzh., Dzhonson, M. Metafory, kotorymi my zhivem. M., 1990. 256 s.
26. Ramachandran, V.S.; William Hirstein. The Science of Art: A Neurological Theory of Aesthetic Experience // *Journal of Consciousness Studies*. 1999. Vol. 6, No. 6-7. P. 15-51.
27. Kozlova, L.A. Metafora kak otrazhenie etnokul'turnoi determinirovannosti kognitsii // *Russian Journal of Linguistics*. 2020. T. 24. № 4. S. 899-925. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925 EDN: OXIUJZ.
28. Borisova, V.A., Pigarkina, E.A. Metafora i mental'nyi obraz. Kak my ponimaem metafory // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*. 2023. № 2 (77). S. 94-99. DOI: 10.26456/vtfilol/2023.2.094 EDN: KUFBTR.
29. Fukuyama, F. Konets istorii i posledniy chelovek / Per. s angl. M.B. Levina. M.: AST, 2015. 260 s.
30. Kastel's, M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura / Per. s angl. pod nauch. red. O. I. Shkaratana. M.: GU VShE, 2000. 608 s.
31. Luk'yanova, N.A., Goncharenko, M.V. Sotsial'noe konstruirovaniye i vizual'naya metafora // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022. № 477. S. 60-66. DOI: 10.17223/15617793/477/6 EDN: EOBSCL.
32. Yung, K.G. Arkhetip i simvol / Sost. i vystup. St. A.M. Rutkevicha. M.: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya", 2022. 336 s.
33. Yung, K.G. Soznanie i bessoznatel'noe / Per. s nem. V. Bakuseva. Izd. 2-e. M.: Akademicheskii proekt, 2009. 188 s. EDN: QXWWHT.
34. Yung, K.G. Struktura i dinamika psikhicheskogo / Per. s angl. V.V. Zelenskogo. M.: "Kogito-Tsentr", 2008. 478 s. EDN: RAXVOT.
35. Mur, R., Zhillett, D. Korol', voin, mag, lyubovnik: novyi vzglyad na arkhetipy zreloga muzhchiny. M.: Literaturnaya ucheba, 2014. 192 s.

36. Mark, M., Pirson, K. *Geroi i buntar'*. Sozdanie brenda s pomoshch'yu arkhetipov / Per. s angl. pod red. V. Domnina, A. Sukhenko. SPb.: Piter, 2005. 336 s.
37. Markov, V.A. Literatura i mif: problema arkhetipov (k postanovke voprosa) // Tynyanovskii sbornik: Chetvertye Tynyanovskie chteniya / Otv. red. M.O. Chudakova. Riga: Zinatne, 1990. S. 133-145.
38. Domanskii, Yu.V. Smysloobrazuyushchaya rol' arkhetipicheskikh znachenii v literaturnom tekste: posobie po spetskursu. Izdanie 2-e, ispravленное и дополненное. Tver': Tver. gos. un-t, 2001. 94 s. EDN: TJSQZZ.
39. Bol'shakova, A.Yu. Arkhetip, mif i pamyat' kul'tury // Arkhetipy, mifologemy, simvolы v khudozhestvennoi kartine mira pisatelya. Materialy Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchnoi konferentsii (g. Astrakhan', 19-24 aprelya 2010 g.). Astrakhan': Izd. Dom "Astrakhanskii universitet", 2010. S. 5-14.
40. Shestopal, E.B. Vlast' i lidery v vospriyatiii rossiiskikh grazhdan. Chetvert' veka nablyudenii (1993-2018). M.: Izd. "Ves' mir", 2019. 656 s. EDN: OWDOCW.
41. Veselov, Yu.A. Arkhetipy vlasti // Sotsium i vlast'. 2023. № 2 (96). C. 38-47. DOI: 10.22394/1996-0522-2023-2-38-47 EDN: HFZKBA.
42. Zolotukhina-Abolina, E.V. Ekzistentsial'naya neopredelennost': problema sovladaniya // Abyss (Voprosy filosofii, politologii i sotsial'noi antropologii). 2024. № 3 (29). S. 6-16. DOI: 10.33979/2587-7534-2024-3-6-16 EDN: HMHBYY.
43. Taleb, N.N. Chernyi lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti / Per. s angl. A. Berdichevskii, Viktor Valentinovich Son'kin, M. V. Kostionova, O. N. Popov i dr. 2-e izd., dop. M.: Azbuka, 2022. 736 s.
44. Nikulina, Yu.A. Mif i utopiya: sopostavitel'nyi analiz // Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk: materialy nauchno-metodicheskogo seminara (g. Nizhnevartovsk, 16 dekabrya 2017 goda). Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018. S. 282-285. EDN: YTLJQL.
45. Petrova, E.I. Sotsial'no-psikhologicheskie osnovaniya utopii // Sbornik statei po materialam mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa. Novosibirsk: "Interekspo Geo-Sibir'", 2009. S. 215-226.
46. Paniotova, T.S. Utopiya i mif v latinoamerikanskoi kul'ture: k probleme vzaimosvyazi // Ezhemesyachnyi nauchnyi i obshchestvenno-politicaleskii zhurnal "Latinskaya Amerika". 2005. № 5. S. 86-91.
47. Shcherbatov, M.M. Puteshestvie v zemlyu Ofirskuyu g-na S... shvedskogo dvoryanina. Izbrannye trudy. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010. S. 179-347.
48. Odoevskii, V.F. 4338-i god. Peterburgskie pis'ma. Povesti i rasskazy / Primechaniya E.Yu. Khin. M.: GIKhL, 1959; Myunkhen: "Im Werden Verlag". Nekommercheskoe elektronnoe izdanie, 2006. S. 74-93.
49. Polemika Novikova s Ekaterinoi II v 1769 g. // Novikov N.I. Izbrannye sochineniya / Podgotovka teksta, vstupitel'naya stat'ya i kommentarii G.P. Makogonenko. Moskva; Leningrad: Goslitizdat, 1951. S. 34-65.
50. Iстория russkoi zhurnalistiki XVIII-XIX vekov / V. G. Berezina i dr.; pod red. A.V. Zapadova. Moskva: Vysshaya shkola, 1963. 516 s. EDN: WAXXWP.
51. Khomyakov, A.S. O starom i novom: stat'i i ocherki / Sost., vstupitel'naya stat'ya i kommentarii B.F. Egorova. Moskva: Sovremennik, 1988. 461 s.
52. Kireevskii, I.V. O kharaktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii // Kritika i estetika / Sost., vstupitel'naya stat'ya i

- primechaniya Yu.V. Manna. Moskva: Iskusstvo, 1979. S. 238-248.
53. Aksakov, I.S. Rech' na koronatsionnykh torzhestvakh 1883 goda pri koronovanii Imperatora Aleksandra Tret'ego // Nashe znamya – russkaya narodnost'. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2008. S. 258-267.
54. Aksakov, K.S. Zapiska "O vnutrennem sostoyanii Rossii..." URL: http://az.lib.ru/a/aksakov_k_s/text_1855_zapiska.shtml?ysclid=mefxq9ps62738581894 (data obrashcheniya 15.07.2025).
55. Leont'ev, K.N. Vizantizm i slavyanstvo // Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii / Sost., vstupitel'naya stat'ya, ukazanie imen i kommentarii A.V. Belova, otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2010. S. 34-173. EDN: QWXGZH.
56. Leont'ev, K.N. Vizantizm i slavyanstvo // Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii / Sost., vstupitel'naya stat'ya, ukazanie imen i kommentarii A.V. Belova, otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 2010. S. 34-173. EDN: QWXGZH.
57. Tolstaya, T.N. Kys': Roman. Pereizdanie. M.: Podkova, 2001. 384 s.
58. Titov, V. V. Formirovanie obraza budushchego v sovremennoi Rossii: massovaya dinamika i rol' gosudarstva // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2024. № 4. S. 14-19. DOI: 10.24158/pep.2024.4.1 EDN: JEIJLF.